

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№8 АВГУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

2025

СЕРГЕЙ КРЫЛОВ:

*«Я хочу, чтобы люди ходили на балет
и интересовались им как искусством»*

О жизни и творчестве художницы Плаутиллы Нелли читайте на стр. 70

Неизвестное об известном

- Светлана Марлинская* **Святой флотовец**.....4
Юрий Осипов **«Приют грез» Эриха Марии Ремарка**.....125

Из российской истории

- Александр Ралот* **Бедный, бедный генерал, или
Две Екатерины Павловны**.....19

Это интересно

- Евгений Никитин* **Гений столичного сыска империи**.....26

Поэзия

- Валерий Митрохин* **Стихи**.....41

Звезды не гаснут

- Евгения Гордиенко* **Борис Бабочкин. Актер многих ролей**.....48

Рассказ

- Александр Пономарев* **Остров сокровищ**.....54

Страничка психолога

- Влад Шарловский* **Как влиять на мужское сердце
и построить теплые отношения?**.....66

Из глубины веков

- Ирина Опимах* **Флорентийка Плаутилла Нелли
и американка Джейн Форчун**.....70

Молодые таланты

- Дарья Парчинская* **Сергей Крылов: «Я по характеру
отношу себя к перфекционистам»**.....79

Посмеемся вместе

- Виталий Веснин* **Почем опиум для народа**.....88
Место встречи изменить нельзя.....90
Панцирная кровать.....93

Житейские истории

- Святослав Тараховский* **Уроки легкой жизни**.....96

Эссе

- Татьяна Кудрявцева* **Сад Линда**.....102

Наши современники

- Дарья Парчинская* **Мария Рузанкина: «Поющим инклюзивным
детям тоже нужны слушатели, и сколько
чудес бывает на их концертах!»**.....121

Детектив

- Елена Колчак* **Смерть в «Замке»**.....136

Кроссворд. Эрудит

.....188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Солист Санкт-Петербургского
государственного академического театра
балета им. Леонида Якобсона
Сергей Крылов.
Фото Степана Демина

Иллюстрации

Сотов Иван Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью**
**«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

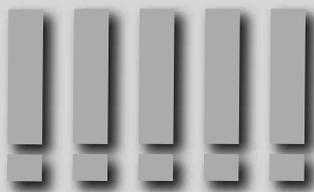
Тираж —
Зак. №

Цена свободная

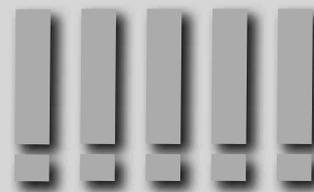
Номер подписан в печать: 22.07.2025

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

ВНИМАНИЕ, конкурс

Дорогие читатели!

Лев Николаевич Толстой писал в своем дневнике: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». И он был прав, потому что самое ценное, что мы имеем, это наш дом, наша семья, наши родители и дети. Дом — это наш очаг, который мы стараемся поддерживать и сохранять. Но кроме этого, у каждого из нас есть еще один дом — родительский. Там нас любят, ждут и простят все наши промахи и ошибки. Это наши родители, наши бабушки и дедушки. Какие у вас с ними отношения? Передаете ли вы любовь к ним своим детям? Это очень важно, потому что в трудные моменты нашей жизни мы, в первую очередь, спешим к своим родителям, чтобы обрести «почву под ногами».

Самые любящие, самые преданные, они всегда готовы помочь, потому что их сердца наполнены любовью к нам.

Вот мы и решили в 2025 году объявить конкурс

«ТЕПЛО РОДНОГО ОЧАГА»

Тексты принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru
до конца октября 2025 года.

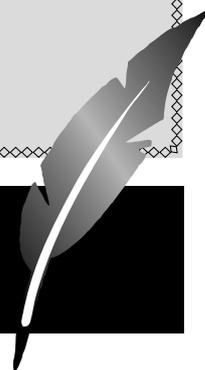
Итоги будут подведены в конце года и опубликованы в первом номере 2026 года, а победители получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

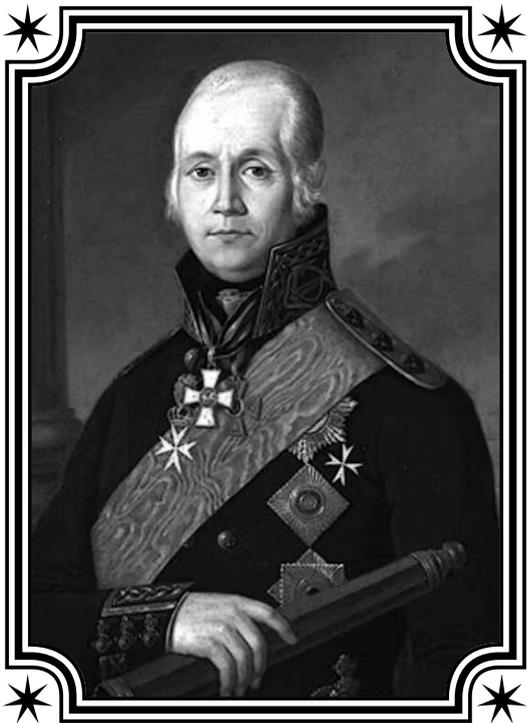
Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

Светлана
Марлинская

Святой флотоводец

30 ноября 2000 года в России произошло неслыханное доселе событие: Русской православной церковью на ее Архиерей-

ском соборе был канонизирован контр-адмирал Федор Федорович Ушаков. А день 10 октября 2004 года стал поистине историческим для Военно-морского флота России. Решением Комиссии по канонизации Русской православной церкви выдающийся флотоводец причислен к лику местночтимых святых Саранской епархии. Пожалуй, впервые в российской истории и истории Русской православной церкви рассматривался вопрос о канонизации воина-моряка. По этому поводу было много сомнений и у мирян, и у священнослужителей: Федор Ушаков всегда воспринимался россиянами, в том числе и служителями Церкви, как знаменитый флотоводец, и не более, поэтому закономерно возникал вопрос: а в чем же его святость?

Ответ на этот вопрос дает простая и прекрасная жизнь моряка Федора Ушакова.

Отпрыск небогатой дворянской семьи из Ярославской губернии, Федор Ушаков в шестнадцатилетнем возрасте отправился в Санкт-Петербург, где без всякой протекции поступил

в Морской Шляхетский кадетский корпус. И само решение подростка, и его зачисление, в общем-то, привилегированное учебное заведение было полной неожиданностью для

родни: о карьере моряка для Федора никто даже не задумывался. Но человек предполагает...

В возрасте двадцати одного года, выйдя из Корпуса мичманом, Ушаков начал свою впоследствии легендарную одиссею практически на всех морях и реках, где Россия имела военный флот или свои государственные интересы.

Служил «не за страх, а за совесть» и на Балтийском флоте, и в Азовской флотилии, воевал в первой русско-турецкой войне, будучи уже лейтенантом.

В 1775 году в чине уже капитан-лейтенанта Федор Ушаков вновь был переведен в Санкт-Петербургскую корабельную команду, а через год уже командовал фрегатом «Св. Павел» в Средиземном море. Командовал, судя по всему, успешно, ибо три года спустя был назначен командиром 66-пушечного линейного корабля «Георгий Победоносец», а потом — командиром императорских яхт.

Любой другой на его месте посчитал бы такую карьеру сверх удачной и провел бы остаток жизни при высочайших особах, руководя их прогулками «по морям — по волнам». Но Федору Федоровичу такое сладкое житие отчего-то не приглянулось, он, к всеобщему изумлению, от придворной карьеры отказался, предпочтя ей действительную военноморскую службу. С 1780 по 1782 годы Ушаков в качестве командира 66-пушечного линейного корабля

«Виктор» совместно с другими кораблями охранял в Средиземном море русские торговые суда от пиратских действий английского флота, что было вовсе не безопасным делом.

С 1783 года капитан второго ранга Ушаков был переведен на должность командира строящегося 66-пушечного линейного корабля «Св. Павел» Черноморского флота, а попутно наблюдал за постройкой кораблей в Херсоне и участвовал в строительстве главной базы в Севастополе, без которой полное и окончательное присоединение Крыма к России было просто невозможным.

После формального присоединения Крыма к России Екатериной II был издан указ об укреплении южных рубежей и постройке там новых укреплений, среди которых необходимо было построить и «крепость большую Севастополь, где ныне Ахтияр и где должны быть Адмиралтейство, верфь для первого ранга кораблей, порт и военное селение».

В Ахтиарской бухте под руководством контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи (того самого, в честь которого названы Микензиевы горы под Севастополем) началось строительство новой базы для Черноморского флота, где с нетерпением ждали прихода новых кораблей из Херсона. В августе 1785 года в Севастополь прибыл капитан первого ранга Федор Ушаков.

К приведению в порядок кораблей Черноморского флота и их

основной базы — Севастополя: ремонту, постройке новых кораблей, пристаней, казарм для экипажей кораблей, госпиталя, Ушаков приступил практически немедленно после завершения войны с Турцией. Его административные способности и умение взяться за всякое дело способствовали тому, что за 15 лет его пребывания в Севастополе не только новый черноморский порт сделался надежным убежищем для флота, но и сам город достиг внушительных размеров

В сентябре 1793 года Федор Ушаков был произведен в вице-адмиралы.

Но, как известно, у каждой медали есть две стороны. Присоединение к России Крыма, переход под ее покровительство Восточной Грузии и появление на Черном море русского военного флота, естественно, обострили русско-турецкие отношения. Турция, стремясь вернуть Крым и расширить свои владения за счет Украины, готовилась к войне с Россией. Россия, в свою очередь, стремилась прочно утвердиться в Северном Причерноморье, обеспечить свободное плавание русского флота на Черном море и укрепить свои позиции на Кавказе.

Не лучше обстояли дела и на севере: Англия и Пруссия оказывали неприятелям России дипломатическую и материальную поддержку, подстрекали Турцию и Швецию к войне с Россией. Англия рассчитывала, что война с Турцией и Швецией

ослабит Россию на Черном и Балтийском морях. Пруссия надеялась отвлечь Россию от польских дел и захватить новые земли в Польше. Польша придерживалась в отношении к России враждебного нейтралитета. Франция, не желавшая усиления России на Черном море, тайно помогала Турции готовиться к войне. В союзе с Россией была одна Австрия, и то лишь потому, что рассчитывала с помощью России расширить свои владения на Балканах.

Но главным «яблоком раздора» был, разумеется, Крым, с потерей которого турки никак не могли смириться. В начале августа 1787 года Турция предъявила России ультиматум с требованием возвратить Крым, признать Грузию вассальным владением султана и согласиться на установление турецкого контроля над русскими судами при проходе их через проливы. Екатерина II ультиматум отвергла, и 24 августа 1787 года Турция объявила России войну — вторую за текущие полвека. Оборона Крыма возлагалась на Крымский корпус и Черноморский флот. Чтобы отвлечь силы противника с главного театра войны, предусматривалось направить в Средиземное море балтийскую эскадру под командованием адмирала С.К. Грейга. Эскадра должна была форсировать Дарданелльский пролив и нанести удар по Константинополю. Увы, осуществлению этого плана помещали враждебные действия Швеции на Балтийском море.

Черноморский флот состоял из 5 линейных кораблей, 19 фрегатов, бомбардирского корабля и 12 вспомогательных судов. На верфях Херсона и Таганрога строилось 8 линейных кораблей. Главные силы флота под командованием контр-адмирала М. И. Войновича с 1784 года базировались в Севастополе, остальные корабли — в Херсоне и Таганроге.

Турецкий флот насчитывал 29 линейных кораблей, 32 фрегата, 32 корвета, 6 бомбардирских кораблей и значительное число вспомогательных судов. Для действий на Черном море были выделены 19 линейных

ского) моря. В завоевании этого моря адмиралу Ушакову принадлежит первое место. Избранный проницательным взором князя Потемкина-Таврического командующим Черноморским флотом, Ушаков трижды в течение 1790 и 1791 гг. одержал блестящие победы — в Керченском морском сражении, у острова Тендра и у мыса Калиакрия, причем, надо подчеркнуть, над вдвое превосходящим турецким флотом, полностью изгнав его из пределов Черного моря.

В этих сражениях он прибегнул к созданной им новой маневренной тактике, принципиально отличав-

В 1793 году Федор Ушаков был произведен в вице-адмиралы. К этому времени Россия стремилась обеспечить свободное плавание русского флота на Черном море, и для завоевания его князем Потемкиным командующим флотом был назначен адмирал Ушаков

кораблей, 16 фрегатов и 5 бомбардирских кораблей. Он превосходил русский не только количеством кораблей, но и их качеством. Турецкие корабли строились на французских верфях, их подводные части были обшиты медью, на вооружении имелись медные пушки.

В начале второй русско-турецкой войны Федор Ушаков был командиром линейного корабля «Св. Павел». Он принадлежал к той когорте «Екатерининских орлов», на долю которых выпала задача завоевать для России берега и воды Черного (Рус-

шейся от принятой в то время линейной тактики. Основными чертами это тактики были: применение единых походно-боевых порядков, выделение резерва («эскадры кайзер-флага»), решительное сближение с противником на короткую дистанцию без перестроения боевого порядка, сосредоточение основных усилий против флагманских кораблей противника, сочетание прицельного артиллерийского огня и маневра, преследование противника до полного его уничтожения или взятия в плен.

Морской бой в Керченском проливе

Придавая большое значение морской и огневой выучке личного состава, Федор Ушаков был сторонником суворовских принципов воспитания подчиненных. Не потеряв в морских сражениях ни одного судна, он нанес турецкому флоту невосполнимый урон более чем в 50 судов, отвоевав для России весь Черноморский регион.

Турки были напуганы победами Ушакова до такой степени, что их флот, господствовавший на Черном море многие века, не решался выходить из Босфорского пролива, боясь встретиться с грозным для них адмиралом. После победы у Калиакрии турецкому султану доложили:

— Великий! Твоего флота больше нет.

Султан был настолько ошеломлен известием о сокрушительном поражении своего флота, что немедленно поспешил заключить мир с Россией. Ясский мирный договор 9 января 1792 года подтвердил все предшествовавшие русско-турецкие соглашения, в том числе, и акт о присоединении Крыма и Кубани к России. К России отошли земли между Бугом и Днестром и крепость Очаков. Русско-турецкая граница устанавливалась по Днестру на юго-западе и по реке Кубани на Кавказе.

Турция отказалась от притязаний на Грузию и обязалась оградить кубанскую границу России от набегов северокавказских горцев, подтвердила автономию Молдавии и Валахии под покровительством России.

Ясский мирный договор укрепил положение России на Черном море, обеспечил безопасность ее южных границ и свободу русской черноморской торговли.

Таким образом, победы Ушакова в морских сражениях окончательно закрепили за Россией Крым и владение берегами Черного моря. За эти победы он был награжден орденами: Святого Владимира III степени, Святого Георгия 4-го класса, Святого Владимира II степени, Святого Георгия 2-го класса, Святого Александра Невского.

Не менее успешно, чем с турками, Федор Ушаков боролся и с другими бедами, поражавшими русских. В 1783 году, в самый разгар подготовки флота на Черном море, в Херсоне вспыхнула эпидемия чумы. Не теряя хладнокровия, Ушаков распорядился принять для борьбы с нею самые сильные меры, в том числе, и те, которые были официально признаны наукой лишь десятилетия спустя. Впору было поверить, что адмиралу действительно покровительствовали высшие силы — но не на земле. На земле-то как раз сильных покровителей у ставшего в апреле 1789 года контр-адмиралом Ушакова было не очень много (если вообще были). В ноябре 1796 года скончалась Екатерина II. В период своего царствования она добилась того, что Россия возвратила себе статус одной из ведущих морских держав. С помощью флота Екатерина II чуть не уничтожила Турцию, овладела Кры-

мом. К концу ее царствования Россия готовилась к войне с Францией. Но без Ушакова на море, как без Суворова на суше, все эти действия вряд ли были бы столь успешны.

Приготовления же к войне с Францией были прямым следствием победы там буржуазной революции в 1789-1794 годах. Молодая французская республика почти тотчас же присоединила к своим владениям территории по левому берегу Рейна и важнейшие стратегические пункты на Средиземном море — Ионические острова, укрепленные города на побережье Эпира и ряд других территорий.

В России началась формироваться 50-тысячная армия под руководством фельдмаршала А.В. Суворова, которую планировалось направить в Европу. На Балтике готовилась эскадра кораблей под командованием вице-адмирала П.И. Ха-

ныкова с целью отправки ее в Северное море. На случай нападения французов Ушаков получил приказ привести в боевую готовность Черноморский флот. Против этой триады у французов было не много шансов на победу, но...

Но после смерти Екатерины II на Российский престол вступил император Павел I, и приготовления к войне были приостановлены, поскольку дождавшийся вожденного престола наследник с порога отметал все, что было сделано его великой матерью и ее соратниками. Любимой

Орден) находился под покровительством императора Павла I, которого дальновидные мальтийские рыцари сделали магистром Ордена. Обожавший такие экзотические игры Павел пришел в ярость, когда получил сообщение о захвате «его» острова французами. Индия была забыта, равно как и планы породниться с воинственным корсиканцем.

То, чего не могли добиться от Павла Англия и Австрия, связанные с Россией союзными договорами, легко добилась Турция, которой разъяренный французской экспан-

Являясь во время пребывания в Средиземном море представителем России, Ушаков обнаружил много политического такта, природного ума и благодаря своим способностям находил выходы из самых затруднительных положений. Он умел успешно прилагать свои дарования ко всему, чего бы ни требовала от него польза Отечества

фразой Павла была: «Потемкинский дух вышибу!» — и с делом она, нужно сказать, никогда не расходилась. Так что в России стали уже поговаривать о новом большом союзе — с Францией во главе с Наполеоном Бонапартом, о совместном походе в сказочную Индию и многих других интересных вещах. Но тут Бонапарт невольно сделал ошибку — занял остров Мальту, который являлся владением Мальтийского рыцарского ордена.

Все бы ничего, но с начала 1797 года этот остров (а заодно и сам

сией русский император предложил заключить договор. Турецкий султан Селим III охотно «с радостью, восхищением и благодарностью» принял предложение Павла I о союзе, так как боялся дальнейшего расширения французской агрессии. Вчерашние непримиримые враги оказались в одном лагере, что, кстати, немало смутило и Суворова, и Ушакова, и многих других видных полководцев и дипломатов екатерининских времен.

В январе 1799 года в Константинополе был официально подписан

союзный договор между Россией и Турцией. Договор предусматривал свободу плавания русских военных кораблей через проливы и обязывал Турцию снабжать русские корабли в Средиземном море продовольствием и материалами для их ремонта.

Об этом неординарном в мировой истории договоре историк А.В. Висковатов писал:

«В один миг взаимные опасения исчезли, вековая вражда была забыта, и Европа увидела с изумлением, что в то время, когда не заживлена была рана, нанесенная Турции отторжением от нее Крыма, когда свежи были развалины некогда грозного Очакова и не замолкли рассказы о кровопролитных штурмах Измаила и Анапы, два народа, бывшие почти в беспрерывной между собою вражде и различимые один от другого правилами Веры, языком и обычаями, вступили между собою в тесный союз против нарушителей общего спокойствия».

Вскоре Турция обратилась к российскому императору с просьбой о присылке русской вспомогательной эскадры для ведения совместных боевых действий в Средиземном море против французов. Федор Ушаков в связи с этим получил рескрипт:

«Коль скоро получите известие, что французская эскадра покусится войти в Черное море, то немедленно, сыскав оную, дать решительное сражение, и Мы надеемся на ваше мужество, храбрость и искусство,

что честь НАШЕГО флага соблюдена будет, разве бы она гораздо превосходнее Нашей, в таком случае делать вам все то, что требует долг и обязанность, дабы всеми случаями вы могли воспользоваться к нанесению вреда неприятелям Нашим».

Вообще войны времен императора Павла I достаточно хорошо известны лишь узкому кругу историков, причем, даже им нелегко было разобраться в хаотичности, внезапности и нелогичности приказов императора. Удивительнее же всего то, что во всех этих войнах Россия практически не потерпела ни одного поражения: ни на суше, ни на море.

В августе 1798 года Россия направила в Средиземное море эскадру под командованием вице-адмирала Федора Ушакова с общим экипажем 7406 человек и 792 орудиями. 3 сентября эскадра подошла к Константинопольскому проливу, а в полдень 5 сентября вошла в Константинопольский канал и встала на якорь. Турция встретила русские корабли на удивление дружелюбно.

При убытии из Севастополя Ушаков получил от Павла I лишь общие установки, конкретный план военных действий адмирал должен был разработать при переговорах с турецким правительством в Константинополе. По предложению Ушакова было решено немедленно приступить к освобождению от французов Ионических островов. Поскольку к русско-турецкому союзу присоединилась Англия, то обо всех пред-

принимаемых мерах уведомили английского контр-адмирала Горацио Нельсона, командовавшего английским флотом в Средиземном море.

План Ушакова вызвал возмущения англичан, которые стремились укрепиться на Ионических островах и опасались появления там русских. Нельсон настаивал на том, чтобы Ушаков взял на себя блокаду побережья Египта, а против Ионических островов Нельсон будет действовать силами английского флота, с целью закрепления этих островов за Англией.

Через две недели, «дав туркам опыт неслыханного порядка и дисциплины», русская эскадра вышла из Константинополя и 20 сентября соединилась у входа в Дарданеллы с турецкой эскадрой. Командующим объединенными силами был назначен вице-адмирал Ушаков. Турки, на собственном опыте зная его искусство и храбрость, полностью доверили ему свой флот, а командующий турецкой эскадрой именем султана обязан был почитать российского вице-адмирала «яко учителя».

Так началась знаменитая Средиземноморская кампания Ушакова, в которой он показал себя не только как великий флотоводец, но и как мудрый государственный деятель. Турки не проявляли особой готовности сражаться, «...но чтобы утвердить более дружбу нашу с Блистательной Портой Оттоманской, в реляции пишу...к их похвалению», — признавался Ушаков, беря на себя в

некоторой степени и дипломатическую миссию по поддержанию русско-турецкого морского союза.

С октября по ноябрь от французов были освобождены острова Китира, Закинф, Кефаллиния и Левкада. Ушаков последовательно направлял против французских гарнизонов этих островов небольшие отряды кораблей с десантами. Сама же эскадра была готова оказать им необходимую поддержку и отразить возможное нападение французского флота. Население освобожденных островов с радостью открывало двери русским и закрывало их перед турками...

Остался не освобожденным остров Корфу, который, имея и без того мощнейшие в Европе бастионы, был еще значительно укреплен французами и считался неприступным. Тем не менее, 20 февраля 1799 года после штурма с моря и суши французский гарнизон острова Корфу капитулировал. В Европе не могли придти в себя от удивления: флот взял сильнейшую крепость, причем лишь одними военно-морскими силами.

Жители острова Корфу поднесли Федору Ушакову в дар меч, украшенный алмазами с надписью: «Остров Корфу адмиралу Ушакову». В речи, при вручении этого меча Ушакову, представителем острова Корфу было сказано:

«Снисходительствуйте, Высокочревосходительный Господин, принять приношение произвольное благодарения от чад Ваших, сей приличествующий Вам меч, на коем изобра-

жено драгоценное имя Ваше, и который навсегда хранить соблаговолите в память признательности, изъявляемой Вам освобожденным сим городом».

Другие освобожденные острова также преподнесли русскому адмиралу ценные подарки. Но самой великолепной оценкой действий Федора Ушакова и его моряков были облетевшие весь флот слова поздравления, посланные Ушакову Суворовым:

«Великий Петр наш жив. Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах произнес, а именно: «Природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет», то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту! ...Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»

Нельсон также прислал поздравление:

«Сэр! Самым сердечным образом я поздравляю Ваше Превосходительство с взятием Корфу и могу вас уверить, что слава оружия верного союзника одинако-

во дорога мне, как и слава оружия моего государя. У меня есть величайшая надежда, что Мальта скоро сдастся...»

Корфу был последним из освобожденных Ионических островов. Занятие его предоставило русским базу для дальнейших действий на Средиземном море. За взятие острова Корфу император Павел I произвел Федора Ушакова в контр-адмиралы, а турецкий султан наградил его бриллиантовым челенгом (высший знак отличия у турок), собольей шубой и тысячей червонцев.

В течение марта-апреля месяцев 1799 года Ушаков занимался делами, весьма далекими от флота: организовал на Ионических островах такую форму государственного правления, ко-

торая обеспечила всему народу «мир, тишину и спокойствие». Причем, вся организация этого правления, разработка Конституции Республики Семи Соединенных Островов всей своей тяжестью легла на одного Ушакова и была выполнена им блестяще и с любовью.

В рескрипте Павла I к русскому посланнику в Константинополе от 26 июля 1799 года говорилось:

Освобождением Ионических островов закончился первый этап боевых действий на Средиземном море. Практически сразу же должен был начаться другой против французов на юге и на севере Апеннинского полуострова. Ушакову предстояло на юге изгнать французов из королевств обеих Сицилий и из Рима, а на севере оказать помощь с моря действиям Суворова у Анконы и Генуи.

Броненосец «Адмирал Ушаков»

«Из рапортов адмирала Ушакова и донесений ваших уведомилися Мы о распоряжениях, учиненных на островах бывших Венецианских, касательно установления на оных правления, новому положению их соответствующих. Находя меры упомянутым адмиралом в Корфу принятые и представленные вами Порте, согласующимися с предположениями Нашими, Мы оные одобряем».

Летом 1799 года Ушаков перенес действия русско-турецкой эскадры к берегам Адриатического, Тирренского и Лигурийского морей для содействия союзным войскам в Северной Италии и, в том числе, русским войскам под командованием А.В. Суворова, который придавал большое значение совместным действиям армии и флота. Русско-турецкая эскадра под командованием

Ушакова, по замыслу А. В. Суворова, должна была наносить удары по базам и морским сообщениям противника на юге Италии, согласуя свои действия с наступлением союзных войск в Северной Италии.

Успешные действия эскадры Ушакова, предпринятые в соответствии с суворовским планом, вынудили противника рассредоточить силы и лишили его возможности получать подкрепления морем. Завершив в феврале 1799 года освобождение от французов Ионических островов, эскадра приступила к изгнанию войск противника из южной части Апеннинского полуострова. И эта военная операция блистательно завершилась почти молниеносным и относительно бескровным захватом Неаполя и двух третей Неаполитанского королевства. Условия капитуляции были наимягчайшими.

Но когда в середине июня к Неаполю пришла эскадра Нельсона, английский адмирал объявил условия капитуляции недействительными. Начались жестокие репрессии, пытки и казни продолжались днями и неделями. Свидетель тех событий писал:

«Режут ежедневно тысячи якобинцев и более. Мертвые их тела сожжены бывают из опасения заразных болезней... К стыду английского адмирала, капитуляция была утверждена обеими сторонами и по всем законным формам...и лорд Нельсон обязан был исполнить свято все статьи договора без исключения».

Русские тщетно пытались смягчить террор. Их честь и репутация остались совершенно незапятнанными в отличие от репутации лорда Нельсона.

6 августа 1799 года Ушаков с эскадрой прибыл в Мессину. Однако здесь он получил указ Павла I о возвращении на родину.

6 ноября 1800 года эскадра возвратилась в Севастополь. За время сражений ни один человек из соеди-

нений, которыми командовал Ушаков, не попал в плен к неприятелю. Ушаков всегда принимал меры и думал о том, чтобы потери в командах кораблей в бою были сведены к минимуму.

Обозревая события этой войны, военный историк генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин в своих трудах называл адмирала Ушакова «знаменитейшим флотоводцем со времен Петра Великого». Являясь

во время пребывания в Средиземном море представителем России, Ушаков обнаружил много политического такта, природного ума, дипломатического искусства, и благодаря своим способностям находил выходы из самых затруднительных положений вдали от родины, среди чужих народов. В нем отразился дух тех исторических самородков, какими было ознаменовано цар-

чил его в мае 1802 года на второстепенную должность главного командира Балтийского гребного флота и начальником флотских команд в Петербурге, а в январе 1807 года уволил в отставку. В 1809 году Федор Ушаков приобрел в Тамбовской губернии деревню Алексеевка, куда и переехал.

Умер он 2 октября 1817 года в своем имении и похоронен в Синак-

Умер Ушаков в 1817 году. Умер и... был надолго забыт. Моряки, конечно, помнили легендарного флотоводца, но остальной народ, далекий от морских баталий, вспоминал уже других героев... Об Ушакове вспомнили лишь во время Великой Отечественной войны, когда утверждались медали Ушакова и Нахимова. И все же деятельность адмирала оставила глубокий след в истории развития морского могущества русского государства. А после его канонизации русские моряки обрели своего небесного покровителя...

ствование Екатерины II, и которыми создана слава ее века, выдвинувшая Россию на передний план в ряду европейских держав.

Подобно многим другим выдающимся деятелям царствования Екатерины II, Федор Ушаков умел успешно приложить свои дарования ко всему, чего бы ни требовала от него польза Отечества. Для служения ему он отдал все свои силы, всю свою личную жизнь, а свое достояние передал в дар Отечеству.

Заслуги Ушакова не были оценены Александром I, который назна-

сарском монастыре близ города Темников. На могиле Ушакова возвышается черный мраморный постамент с бюстом адмирала. На постаменте выгравирована надпись:

«Здесь покоится прах Его Превосходительства Боярина флота адмирала и разных российских и иностранных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, скончавшегося 1817 года сентября на 74 году от рождения».

Умер и... был надолго забыт. Моряки, конечно, помнили легендарного флотоводца, но остальной народ,

далекий от моря, вспоминал иных героев — Суворова, Кутузова. О Федоре Федоровиче Ушакове вспомнили — и то только по необходимости — лишь во время Великой Отечественной войны, когда учреждались ордена и медали адмиралов Ушакова и Нахимова и необходимо было иметь точные сведения о них. К сожалению, кроме портрета Ушакова, написанного неизвестным художником, облик героя-флотоводца не сохранился. Для уточнения изображения флотоводца была создана государственная комиссия, которая должна была дать ответ на вопрос, насколько исторически точным будет облик Ушакова, изображенный на медали и ордене. Была с трудом (!) отыскана могила флотоводца. При эксгумации он был опознан благодаря сохранившемуся погону полного адмирала...

Именем Федора Ушакова названы бухта в

юго-восточной части Баренцева моря и мыс на северном побережье Охотского моря.

А в Цусимском сражении принимал участие броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков». Этот эпизод русско-японской войны малоизвестен. Выдержав бой с двумя броненосными крейсерами противника, «Адмирал Ушаков», когда был израсходован весь боевой запас, по приказу командира капитана I ранга В.Н. Миклухо-Маклая был затоплен. Миклухо-Маклай (сын известного этнографа Н.Н. Миклухо-Маклая) отказался покинуть корабль и погиб вместе с ним. В настоящее время на Северном флоте находится в строю тяжелый атомный крейсер «Адмирал Ушаков».

Деятельность адмирала Федора Ушакова оставила глубокий след в истории развития морского могущества русского государства, и он по справедливости должен был занять подобающее место в ряду исторических лиц нашего Отечества. Но вот канонизация... До этого дошло еще очень и очень нескоро. Предложение Саранской епархии неожиданно для всех поддержал Главнокомандующий в то время Военно-морским флотом России адмирал флота Владимир Куроедов, обратившийся к Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. В Обращении отмечалось:

«Своей праведной земной жизнью Федор Ушаков явил миру ярчайший образец беззаветного служения Отечеству и своему народу, как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия, пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия... Адмирал, воспитанный в благочестии, сам воспитал целую плеяду талантливых флотоводцев, офицеров и просто верных сынов своей Родины — воинов Христовых, всегда, не щадя живота своего, до конца стоявших за Веру и Отечество. По нравственным заповедям адмирала Ушакова Российский Военно-морской флот живет и ныне...»

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл так выразился об Ушакове: «...Удивительная лич-

ность, удивительный человек. Он канонизирован, конечно, за святость жизни в первую очередь. Но его доблесть, его подвиги нельзя оторвать от всей его жизни...»

Вот таким образом русские военные моряки после совершения чина церковного прославления адмирала российского флота благоверного боярина Федора Ушакова обрели своего небесного покровителя. Его ратный путь и морские победы навечно золотыми буквами вписаны на скрижалях отечественной истории. А его преданность службе, вере и Отечеству — пример служения для многих поколений русских моряков. Иконы, на которых Ушаков был изображен с адмиральским кортиком и на фоне корабельных мачт, моряки берут с собой — чтобы плавание прошло удачно.

Федор Ушаков стал первым в истории православного христианства военным моряком, причисленным к лику святых. Частицы его мощей распределены по всем флотам России. В центре города Балтийска прошел первый молебен, а затем всенощное бдение по этому поводу. В своей речи на этих мероприятиях митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл сказал:

«Это историческое событие все-российского значения. Каждый, кто имеет дело с армией и флотом, понимает, что пройти жизнь непобедимым — это уже чудо Божье»... □

Бедный, бедный генерал, или Две Екатерины Павловны

11 сентября 1812 года. Село Сима Владимирской губернии

Из записок врача Якова Говорова:

«Князь велел позвать к себе адъютанта Брежинского; много говорил с ним, как с человеком, к которому он имел всю доверенность.

После того поднесли ему для подписания некоторые бумаги, приготовленные для отправки в С. Петербург; сделаны были некоторые распоряжения, от воли князя непосредственно тогда зависевшие, и потом приглашены были медики к перевязке»

Петр Иванович, бледный от потери крови и невыносимой боли, попытался приподняться с постели, но, поняв, что это ему уже не по силам, откинулся на подушку и прошептал:

— Сегодня намерен оставить принимать лекарства. Не надо изводить их на меня, они сейчас много нужнее там, на полях сражений. отошлите их лекарям, кои спасают жизнь нашим воинам...

Князь хотел еще что-то добавить, но силы оставили его, и Багратион то ли впал в забытие, то ли уснул тревожным сном....

Ему пригрезился уже такой далекий и мирный 1800 год...

Именно тогда император Павел I решил «осчастливить» лично назначенного шефа лейб-гвардии Егерского батальона.

— Багратион! Вы почему не женаты? — самодержец изобразил на своем лице некоторое подобие улыбки.

— Так ведь служба. Я, Ваше Высочество, все больше по казармам, да в походах, войнах. Недосуг как-то...

— Дело поправимое, — бесцеремонно оборвал его царь, — извольте намеренно прибыть ко мне на ужин. Буду знакомить с... впрочем, пусть ее имя будет сюрпризом. И попрошу явиться при полном параде! Наличие орденов — всенепременно! Помнится, у вас их более чем предостаточно!

Доброхоты не раз сообщали императору: храбрый вояка робеет и теряет дар речи при встрече с прехорошенькой восемнадцатилетней графиней Екатериной Скавронской. Девушка, выросшая при дворе, отлично освоила непростую науку жеманства и любовных интриг. Но длинноносый, хмурый, тридцатипятилетний генерал был явно не в сфере ее интересов.

Но кто же будет интересоваться мнением придворных девиц об их предпочтениях?! Отправляли замуж по распоряжению императора или его супруги.

После разговора с Багратионом к матери девицы был отправлен гонец со срочной депешей:

«Нарядить дочь в белое платье и привезти в Гатчину. Павел Первый».

Село Сима Владимирской губернии

Врач склонился над умирающим. Убрал со лба высохшую повязку и положил новую. Князь отреагировал, приоткрыл глаза и хотел кивком поблагодарить, но сил даже на это малое не осталось.

Но услужливая память продолжала рисовать картины прошлого...

Невеста прибыла в церковь Гатчинского дворца. Генерал был уже там, беседовал с дежурным пресвитером.

Церемония началась тотчас, как из подъехавшей кареты вышли император и его супруга Мария Федоровна.

Поспешность сего действия изумила не только жениха с невестой, но и всю «придворную рать».

«Багратион женился на маленькой племяннице кн. Потемкина... Эта богатая и блестящая пара не подходила к нему. Багратион был только солдатом, имел такой же тон, манеры и был ужасно уродлив. Его жена была настолько бела, насколько он был черен; она была красива как ангел, блистала умом, самая живая из красавиц Петербурга, она недолго удовлетворялась таким мужем...»

Генерал Ланжерон

*Екатерина
Павловна
Багратион
(Скавронская)*

Всего лишь пять лет они были вместе. После обряда венчания вернулись в столицу. Супруг почти не бывал дома. Как говорится — служба! Она превыше всего!

Екатерина Павловна вернулась к исполнению «непростых» обязанностей светской дамы.

Годы супружеской жизни не научили ее жить по средствам.

И генерал, не раз побеждавший врага на поле брани, был бессилен перед все возрастающими тратами своей второй половины...

Зимний дворец. Кабинет Александра I

— Алексей Андреевич, напомните мне, какое жалование у нас положено офицерам?

— Это смотря кому, то есть, я хотел сказать, в каких чинах, — Аракчеев был готов к этому вопросу и, открыв папку, стал читать:

— Поручик, в зависимости от рода войск, от ста рублей, но самое большее — сто шестьдесят шесть рублей в год...

*Екатерина
Павловна,
княгиня
Ольденбургская*

— А генерал? — перебил министра император.

— Столько же, но в месяц. А ежели со всякими надбавками: денежным, продовольственными довольствиями, то и поболее того.

— А сколько стоит хорошая лошадь? Я так понимаю, что на казенных скакунах наши кавалергарды и гусары не ездят?

— Ваша правда, — Аракчеев, полистал папку и процитировал:

— У коннозаводчиков добрый конь отпускается от ста рублей за штуку, оптом дешевле, но не много.

— Сколько стоит билет в театр, а хорошая книга в подарочном издании, вы, Алексей Андреевич, знаете?

— Конечно, — ни на минуту не задумываясь, выпалил Аракчеев. — Вот намерен посетить с супругой балетное представление, так два билета, замечу, не самые дорогие, в партер, аж за десять рубликов пришлось приобрести. Книгу по почте заказал, тоже — червонец. Осмелюсь поинтересоваться, к чему эти вопросы? Будем жалование увеличивать? Так, извините, казна...

— Да знаю я, что казна, — оборвал его Александр. — Мне доложили, что

наш заслуженный Багратион весь в долгах, как в шелках! Своей квартиры не имеет, снимает, здесь неподалеку, рядом Адмиралтейством, чтобы его супруги поближе было Дворец посещать. Все, что можно, заложил, и еще у друзей и знакомых позаимствовал. Нехорошо это. Все же не последний человек в империи.

Пишите указ. За боевые отличия жаловать Петру Ивановичу Багратиону из моей царской собственности две деревни в Подольской губернии, общей численностью триста двадцать крепостных душ. Будем надеяться, что подарок сей его из финансовой кабалы освободит!

Через некоторое время благодарный генерал обратился лично к царю с просьбой выкупить подаренные ему имения назад, ибо деньги были нужны немалые и прямо сейчас (расходы дражайшей супруги год от года возрастали в геометрической прогрессии).

В 1805 году их брак практически распался. Деятельная супруга решила, что непременно надо отправиться в путешествие. Пожить в «культурных» европейских странах.

Генерал, как обычно, не перечил. В душе надеялся, что одумается, вернется. Но, увы, семья, в полном понимании этого слова, перестала существовать навсегда.

Последовал очередной указ царя: подарить Багратиону еще одно поместье с полутысячей душ крепостных, на этот раз в литовской губернии.

Год спустя история повторилась вновь. В казначейство была направлена новая челобитная, с просьбой селение выкупить в казну, ибо на рынке никто нужной суммы не предлагал. (Поместье оказалось крайне убыточным: двадцать восемь тысяч рублей казенного долга и пятьдесят две тысячи рублей партикулярного долга).

Узнав об этом, император, покачив головой, все же велел прошение удовлетворить. Долги погасить и выплатить заслуженному генералу еще сорок тысяч рублей для погашения партикулярного долга...

А что же Екатерина Павловна? В Европе она показала себя во всей красе: тамошние ловеласы были поражены той легкостью, с которой русская красавица тратила огромные деньги, получаемые от «бывшего».

В Дрездене в нее безумно влюбился Людвиг Баварский. Правда, ненадолго, так как через несколько месяцев погиб в одном из сражений.

Гете писал о ней: *«При всей красоте и привлекательности она не могла не собрать вокруг себя замечательного общества. Чудный цвет лица, алебастровая кожа, золотистые волосы, таинственное выражение глаз...»*

Сентябрь 1812 года. Село Сима Владимирской губернии

Умиравшему вспомнился 1808 год. Александр I вознамерился наградить

орденами не только видных военачальников, отличились на войне, но и их жен. Увы, княгини Багратион в этом списке не оказалось. И природное грузинское самолюбие супруга проявилось в полной мере. Он порывался написать прошение об отставке. Кричал во всеуслышание: — Екатерина Петровна носит мою фамилию, и этого вполне достаточно! Ее надо наградить, ибо она моя жена!..

Затем начал бомбардировать ее письмами.

Знакомые, через которых шла корреспонденция, сочувствуя генералу, уговаривали Екатерину хоть единой строчкой ответить на его послания.

— Я хвораю, и посему и должна остаться здесь! На излечении. Писать некогда, да и незачем! — отвечала красавица, принаряжаясь к очередному балу.

Князю же дозволялось лишь продавать недвижимость, раздавать закладные да оплачивать ее многочисленные счета. А заодно еще и вести нелегкие беседы с тещей, приходящей в неистовство от безудержных трат дочери.

Но однажды в жизни храброго вояки появилась другая Екатерина Павловна.

Чего греха таить. Было дело, увлекся генерал великой княгиней Екатериной Павловной, любимой сестрой самого императора, самой умной и обаятельной. Той, к которой сватался Наполеон, но получил отказ — мол, не ровня выскочке-корсиканцу царская дочь!

Надеялся ли генерал на взаимность? И была ли любовь княгини к пожилому вояке искренней? Не было у него ответа на этот простой вопрос. А что ни с кем не встречалась, кроме него, так то не его, а ее дело.

Багратион кинул взгляд на свою шкатулку. Там лежал ее портрет, с которым он никогда не расставался...

13 сентября 1812 года было объявлено завещание Багратиона

«Денежным довольствием отметить:

Отставного майора Котова.

Произведенного в подпоручики, из гвардии, унтер-офицера Невского.

Камердинера Джузеппе Гави,

Да двух работников: Самойло Иванова и Егора Соболина.

Да двух поваров.

Да двух унтер-офицеров».

Так же вольную получили пять крепостных! Более какого-либо имущества у генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона не осталось!

Узнав о кончине Багратиона, Екатерина Павловна, княгиня Ольденбургская (в девичестве Романова) спешно обратилась к брату императору с нижайшей просьбой, после чего по тылам, в обход боевых действий, в селение Симы был послан царский посланец с одной целью: — шкатулку Багратиона изъять, опечатать гербовой печатью государя и, лично, никому не показывая, доставить во дворец.

А Александр I написал своей сестре Екатерине:

«Моя дорогая. Переписку досмотрел сам, все, могущее тебя опорочить, уничтожено! Тревожиться нечему!»

Апрель 1944 года. Ставка Верховного Главного командующего

Собравшиеся сгрудились над большой картой, разложенной на столе.

— Товарищ Сталин, Генеральный штаб приступил к планированию наступательной операции по освобождению Белоруссии. — Генерал

Антонов на минуту замолчал, посмотрел на Верховного Главного командующего, после чего, взяв в руки карандаш, продолжил: — План предусматривает одновременный прорыв обороны противника на шести участках фронта и расчленение его войск по частям. Особое значение придается ликвидации наиболее мощных фланговых группировок в районах Витебска и Бобруйска, стремительному продвижению на Минск!

— Назовем эту операцию... «Багратион», — раскуривая трубку, предложил хозяин кабинета, — надеюсь, ни у кого нет возражений?!.. □

*Ранение
Багратиона*

Евгений Никитин

Гений СТОЛИЧНОГО СЫСКА ИМПЕРИИ

К 195-летию
Ивана Дмитриевича Путилина

Глеб Жеглов, герой известного кинофильма, справедливо заметил: «Правопорядок в стране определяется не наличием воров, а умением властей их обезвреживать!» Перефразируя его слова, можно сказать, что воры и преступники были, есть и будут во всех странах, во все времена, при любом общественном строе и виде правления в государстве. А вот ловить, обезвреживать и наказывать злодеев можно и нужно, несмотря ни на что. Причем, иногда усилиями одного реального человека, а не только усилиями киношных и других придуманных героев.

Одним из таких не придуманных борцов с преступностью был знаменитый в свое время сыщик Иван Дмитриевич Путилин. Имя этого легендарного человека, жившего в 19 веке, увы, нынче незаслуженно забыто. Разумеется, он искоренял преступность не один. У Путилина были помощники, или, как сейчас говорят — «команда». Именно со своей командой он и наводил неподдельный ужас на тех, кто стоял по другую сторону закона в столице Российской империи и ее окрестностях. Его фамилия вызывала трепет и уважение как у тех, кто встал на скользкую противоправную дорожку, так и у обычного обывателя, знающего о криминале большей частью из газет да из разговоров за обеденным столом. Именно Путилин участвовал в создании в стране Сыскной полиции, позволившей успешно противостоять нарастающей после отмены крепостного права преступности, и стал ее первым начальником. Но начнем все по порядку.

О ранних годах нашего «Шерлока Холмса» или российского «Ната Пинкертона», так именовали Путилина литераторы, в Российской империи с конца 19 века по начало 20-го, мы знаем крайне скудно. Известно, что будущий первый начальник Сыскной полиции Российской империи появился на свет в семье мелкого чиновника — коллежского регистратора Дмитрия Андреевича Путилина и его жены Анны Васильевны (в девичестве Кондауровой) 8 (20) мая 1830 года в городе Новый Оскол Курской губернии. В возрасте десяти лет Ивана отдали на обучение в Новооскольское реальное училище. Проучился он в нем четыре года. Денег на дальнейшее обучение семья выделить не смогла, поэтому с 14 лет будущий гений сыска вынужден был работать. Но чем взрослее становился мальчик, тем все больше тяготила его служба в провинции. Старший на восемь лет брат Василий, окончивший Константиновский межевой институт в Москве, уже несколько лет как служил в Министерстве внутренних дел в столичном Петербурге и составил ему протекцию. 20-летнего Ивана приняли на должность писаря в канцелярию Хозяйственного департамента МВД. Так с октября 1850 года Путилин начал свою столичную службу.

Молодому писарю повезло, что его непосредственным начальником оказался чуткий Иван Виноградов. Опытный чиновник сумел разглядеть в юноше с периферии недюжинные способности. Оказав ему

свое покровительство, Виноградов сумел подвести начинающего служаку к тому, что карьера — не просто способ обогащения и утверждения в обществе, а именно то дело, которому придется служить всю оставшуюся жизнь.

Для начала Иван в свободное от работы время плотно засел за книги, так как понял, что для дальнейшего продвижения по службе ему явно не хватает образования — четыре класса училища было явно маловато. Помимо чтения книг он выделил из своего скудного жалованья средства на репетиторов — пригласил для своего обучения студентов старших курсов университета.

С завидным упорством грыз Путилин гранит науки, и спустя три года его труд оказался вознагражден по заслугам. В декабре 1853 года Иван Дмитриевич успешно экстерном сдал экзамены за весь гимназический курс и получил диплом о среднем образовании. Это давало право на получение классного чина, и ему присвоили первый его чиновничий чин коллежского регистратора, как и отцу.

Работа с бумагами тяготила нашего героя, ему хотелось волнующих дух приключений и невероятных подвигов. Узнав об открывшейся вакансии, в ноябре 1854 года Путилин подал прошение о приеме в штат столичной полиции. Просьба его была удовлетворена. Приказом оберполицмейстера Санкт-Петербурга Иван Дмитриевич был назначен младшим помощником надзирателя

в четвертый квартал 1-й Адмиралтейской части. На ее территории располагались Петровская (Сенатская) площадь, Исаакиевская площадь со строившимся тогда еще Исаакиевским собором, Зимний дворец с прилегающей Дворцовой площадью, Новая Голландия, где помещалась морская тюрьма. (Кстати, выражение «лезть в бутылку» пошло именно из-за этой тюрьмы, построенной в форме кольца и напоминавшей бутылку).

Участок, надо сказать, достался Ивану хлопотный, но новоиспеченного младшего помощника квартального надзирателя (самая низшая ступень в полиции того времени) сей факт не смущал.

В обязанности молодого Путилина, помимо исполнения поручений квартального, входило: надзор за соблюдением закона жителями квартала, их учет и регистрация, охрана общественного порядка, предотвращение и решение бытовых конфликтов и ссор. А также все делопроизводство участка.

Именно здесь, «на земле», Иван Дмитриевич научился азам сыска и тонкостям поимки преступников. Чаще всего приходилось сталкиваться с мелкими воришками, бузотерами, домашними тиранами и склочными соседями. Серьезные дела ждали его впереди.

Меньше чем через год Путилина перевели во второй квартал 3-й Адмиралтейской части, где Путилин раскрыл свое первое значимое преступление: по горячим следам на-

шел и задержал вора, укравшего 1800 рублей — огромная сумма по тем временам — у государственного крестьянина Капитона Прокофьева. После этого дела у начинающего сыщика пошли в гору, и он был назначен уже старшим помощником надзирателя. Тогда же, в 1856 году, Иван Дмитриевич за свое усердие получил и первую свою государственную награду: бронзовую медаль на Андреевской ленте «В память войны 1853 — 1856 гг».

В 1857 году Путилина перевели из второго в третий квартал 3-й Адмиралтейской части, где была расположена Сенная площадь. Можно сказать, он попал в самый вертеп. Ведь Сенная площадь, с ее притонами, ночлежками, домами терпимости, считалась самой криминогенной территорией в городе. Именно здесь Иван Дмитриевич начал оттачивать свое мастерство внедрения в преступную среду. Он подробно изучал социальное дно Петербурга не по рассказам, а на практике, вживую. Переодеваясь в простого, не выделяющегося из толпы невзрачного крестьянина, подвыпившего мещанина или и вовсе в грязного бродягу, посещал все имеющиеся в округе злачные места, изучал речь постояльцев трактиров и борделей, запоминал лица посетителей ночлежек и их приметы.

Обладая от природы феноменальной памятью и артистическими способностями, вскоре он стал мастером перевоплощения и получил бо-

гатый жизненный опыт, который в дальнейшем помогал ему раскрывать тяжкие преступления и ловить преступников. Именно Путилин ввел в практику российской полиции работу «под прикрытием». Термин, правда, такой появился лишь в наши дни, но суть его от этого не поменялась.

Иван Дмитриевич быстро учился сыскному делу. За неполный 1857 год он раскрыл и обезвредил три значительные преступные группы и десяток мелких. Вначале пресек деятельность банды фальшивомонетчиков

задержал банду грабителей и убийц, долгое время наводившую страх на весь город.

За эту операцию Иван Дмитриевич был награжден орденом Святого Станислава III степени. А еще раньше ему присвоили чин губернского секретаря, и теперь к нему полагалось обращаться «Ваше благородие».

В 27 лет, обогнав в чинах своего отца, молодой сыщик стал уверенно подниматься по карьерной лестнице: В 1858 году за поимку бежавших

Обладея от природы феноменальной памятью и артистическими способностями, Путилин вскоре стал мастером перевоплощения и получил богатый жизненный опыт, который помогал ему раскрывать самые тяжкие преступления

братьев Пуговкиных, наладивших печатанье фальшивых ассигнаций в Богородском уезде Московской губернии. Для этого ему пришлось поехать туда, переодеться в рясу и активно играть роль высланного из Москвы на послушание провинившегося диакона. В результате его внедрения братья Пуговкины и компания были арестованы и предстали перед судом.

В ноябре 1857 года он выявил и арестовал некоего Адама Фрейлиха, ввезшего в Петербург для продажи контрабандный товар в виде 230 котиковых шкур. И наконец, в начале декабря того же года вычислил и

из тюрьмы особо опасных преступников он был награжден орденом Святой Анны III степени. В следующем году за раскрытие серии грабежей — орденом Святого Станислава II степени, а в 1861 году — орденом Святого Владимира IV степени (четвертый по значимости в иерархии орденов Российской империи).

Огромную роль в формировании Путилина как человека, умеющего держать себя и своих сотрудников в руках и действовать строго в рамках закона, сыграл Сергей Филиппович Христианович — управляющий канцелярией градоначальника. Юрист по образованию, прекрасно разби-

равшийся в следствии, он слыл неподкупным и честным человеком и того же требовал и от Ивана Дмитриевича. Не сразу, но вскоре между ними выстроились доверительные отношения. Именно Христианович посоветовал в свое время Путилину завести блокнот и записывать в него свои наиболее интересные случаи из практики. Иван Дмитриевич прислушался к совету, и через много лет этот самый блокнот лег в основу книги «Сорок лет среди грабителей и убийц».

В 1859 году Иван Дмитриевич женился на девушке купеческого сословия Татьяне Константиновне Воробьевой. Она родила ему троих детей: дочь Евгению, сына Константина и сына Ивана. Но, к сожалению, Путилин не отличался поклонником семейных ценностей: позволял себе «походы налево», поэтому в 1871 году определением Санкт-Петербургской Духовной консистории, утвержденным Святейшим правительствующим синодом, его брачный союз расторгли. Отныне он не имел права официально вступить в брак.

После развода Путилин сожительствовал с дочерью статского советника Ольгой Семеновной Ивановой. Детей во втором, гражданском, браке Путилину Бог не дал. Однако он до конца своих дней общался с детьми, рожденными от Татьяны Константиновны.

Дочь Евгения вышла замуж за поручика Уланского полка Анатолия Игнатьевича Кельчевского, продви-

нувшегося в чинах до генерал-лейтенанта, сыновья пошли по стопам отца и служили в канцелярии МВД.

Евгения умерла при родах в 1883 году. Появившийся на свет внук Евгений Анатольевич Кельчевский окончил Михайловское артиллерийское училище и служил в Русской императорской армии в чине полковника, был участником Первой мировой войны, умер в Париже в 1935 году. Оставил после себя ряд любопытных воспоминаний.

После обнародования 19 февраля 1861 года Высочайшего Манифеста об отмене крепостного права тысячи обманутых помещиками освобожденных рабов устремились в города в поисках лучшей доли. Не миновала чаша сия и столицу Российской империи.

Если при крепостном праве крестьяне приезжали в города на сезонную работу, как правило, на зиму, когда после уборки урожая в крестьянской жизни наступало временное затишье до следующей весны, то сейчас многие из землепашцев окончательно променяли соху на постоянную работу в городе. Рост производства позволил строить и открывать больше фабрик и заводов. Бывшие крестьяне становились рабочими. В столицу крестьяне потянулись целыми семьями, а то и целыми деревнями. Для всей этой массы иногороднего люда требовалось большое количество доступного жилья. Предприимчивые господа стали возводить доходные дома. В них

*Иван
Дмитриевич
Путилин
в начале
карьеры*

сдавались квартиры, комнаты и даже углы. Так стали разрастаться многоэтажные новостройки, быстро превратившиеся в трущобы.

Наиболее известными трущобами Петербурга стал построенный князьями Вяземскими в районе Сенной площади, как раз в зоне юрисдикции Ивана Дмитриевича, ряд двухэтажных флигелей в качестве дешевых доходных ночлежек.

Всех этих многочисленных несчастных искателей счастья из провинции нужно было кормить, поить, обувать, обстирывать, ублажать. Так вокруг доходных домов, словно грибы после дождя, стали расти питейные заведения, бордели, прачечные, всевозможные лавки, торгую-

щие дешевым ширпотребом. Образовалось своеобразное государство в государстве. Кривая преступности в столице, да и других городах Российской империи, незамедлительно пошла вверх.

Те крестьяне, что не смогли найти себе достойную работу на фабриках и заводах, пополняли разбойничьи шайки или создавали свои. По полицейским отчетам тех лет количество преступлений, особенно тяжких, выросло в десятки раз. Человеческая жизнь тогда ничего не стоила. Убивали за поношенные штаны и грязную рубаху. Вытряхивали хозяина из шубы или пальто прямо на морозе. За несколько медных пятак могли разmozжить го-

лову топором — самым распространенным оружием. Полицейские сбились с ног, борясь с возросшим криминалом. Простому обывателю стало страшно выходить на улицу. Ограбить и убить теперь могли и в дневное время суток, у всех на глазах. Стражам правопорядка даже разрешили применять оружие сразу на поражение. Но и эта мера не привела к должному успеху.

В этот период Ивана Дмитриевича, набравшего к тому времени солидный опыт по борьбе не только с уголовными, но и экономическими преступлениями, откомандировали в департамент МВД. Там он возглавил комиссию, занимавшуюся хищениями при изготовлении драгметаллов и торговле золотом и серебром.

Пока Путилин ловил мошенников, убийцы и грабители окончательно распоясались. Пик уголовных преступлений в столице пришелся на середину 60-х годов 19 века. С этим непременно нужно было срочно что-то делать. Император Александр II своим указом от декабря 1866 года повелел создать Сыскную полицию в Санкт-Петербурге, которой надлежало раскрывать уголовные преступления, производить дознание и розыск преступников и пропавших без вести людей. Тут же обер-полицмейстер города Ф.Ф. Трепов уже своим указом назначил поднаторевшего в сыске Ивана Дмитриевича Путилина временным исполняющим обязанности начальника только что созданной в столице Сыскной полиции, а в августе сле-

дующего года император утвердил его уже как полноправного начальника. В 1867 году Путилин был произведен в коллежские асессоры, а это уже восьмой класс табели о рангах, который соответствовал майору в армии. Теперь к Ивану Дмитриевичу следовало обращаться — «ваше высокоблагородие».

Вот как охарактеризовал Ивана Дмитриевича в своих воспоминаниях «Из записок судебного деятеля» известный юрист того времени Анатолий Федорович Кони, близко знавший нашего героя: «По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, пронизательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова (русский писатель, современник Путилина), «покрыты мраком неизвестности». К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях».

Поначалу штат вновь созданной организации оказался не так велик: начальник полиции, его заместитель, четыре чиновника по особым поручениям, 12 полицейских надзирателей да 20 сыщиков, имеющих гражданские чины. Всего, вместе с начальником, 38 человек официальных борцов со злом. Иван Дмитриевич неожиданно сумел так организовать порученное ему новое дело, что ожидаемые результаты по снижению преступности в столице не заставили себя долго ждать.

Помимо штатных сотрудников Путилин организовал целую обширную сеть добровольных помощников и осведомителей. Привлек на свою сторону множество представителей социального дна за небольшие преференции, помогавших сыскарям, в том числе и в наружном наблюдении. Позже при Сыскной полиции создали отдельную службу наружного наблюдения, которая занималась исключительно слежкой за преступниками. Официально они именовались филерами. Так же приходиться на помощь сыскной полиции вменили в обязанность всем дворникам столицы. В дальнейшем отделения Сыскной полиции появились и в других местах империи — в Москве, в Варшаве, в Баку, в Тифлисе и других городах страны.

По статистическим данным, к началу Первой мировой войны, то есть к августу 1914 года, корпус осведомителей полиции в обеих столицах разросся до 75 тысяч человек, а филеров до тысячи. Эти ушлые ребята

оставили злодеям всех мастей минимальные шансы на успех в их противозаконной деятельности. К сожалению, последовавшие вскоре революции свели на нет великолепно налаженную Иваном Дмитриевичем Путилиным работу Сыскной полиции. Да и саму Сыскную полицию, как организацию, созданную при старом, царском, режиме, ликвидировали в приснопамятном 1917 году, в результате чего широкая волна безудержного криминала вновь на годы захватила беззащитные улицы уже Петрограда — Ленинграда.

Одно из новейших изобретений человечества — фотография, заняла свое достойное место среди средств, помогающих изобличать преступников. Богатая картотека, составленная подчиненными Путилина, отлично справлялась со своими обязанностями. К сожалению, как и все хорошее, что было создано до революции, оказалось уничтоженным в феврале 1917 освобожденной от гнета царизма чернью.

Помимо раскрытия уголовных преступлений Ивану Дмитриевичу вменили в обязанность и ловлю политических смутьянов, раскачивавших устои Российской империи. Произошло это после известных событий 4 апреля 1866 года, когда Дмитрий Каракозов у Летнего сада в Петербурге стрелял в Александра II. Благо оказавшийся рядом мещанин Осип Комиссаров отвел руку цареубийцы. Оставшийся чудом в живых, император высказал свое явное недоверие

Вяземские доходные дома около Сенной площади (фото 1880 года)

к политической полиции (жандармскому управлению) и Третьему отделению, занимавшемуся непосредственно сыском политически неблагонадежных злодеев и предотвращением бунтов и терактов, так что пришлось Сыскной полиции, помимо уголовников, еще и выискивать всякого рода бунтовщиков и смутьянов.

Нельзя сказать, что новое поручение пришлось по нраву Путилину и его команде. Надо отметить, что поимкой политических преступников он занимался задолго до 1866 года. Из наиболее известных его деяний того периода — это арест нескольких представителей запрещенной

организации «Земля и воля», готовившей крестьянскую революцию, куда, к слову сказать, входил и писатель Н.Г. Чернышевский. Но тогда Путилина об услуге жандармскому управлению просило начальство, а теперь вменили в обязанность.

Как человек подневольный, служилый, новую обязанность он выполнял на совесть, однако прославился и имел несомненный успех именно на ниве раскрытия уголовных преступлений. А ловля политических болтунов, это так, больше для проформы...

Конец 60-х и начало 70-х годов стали взлетом карьеры и возмужавшего Ивана Дмитриевича, и юной

Сыскной полиции. Тот период характеризуется громким раскрытием многих резонансных преступлений. В апреле 1870 года он в два дня раскрыл убийство австрийского военного агента князя Людвига фон Аренберга. Тогда ход расследования на контроле держал лично сам император Александр II. За это дело Путилин был награжден австрийским орденом Франца-Иосифа III степени. А позже, в 1874 году, еще и командорским крестом Франца-Иосифа.

В январе 1873 года он за два дня раскрыл убийство иеромонаха Иллариона в Александро-Невской лавре и задержал убийцу. Много злодеев изобличил и поймал Иван Дмитриевич за свою жизнь, включая и знаменитую Соньку Золотую Ручку (Блювштейн), и не менее знаменитого мошенника и убийцу Домбровского — тогдашнего короля преступного мира Петербурга. Все преступления, за которые он брался лично, обычно, доводились до логической развязки. И это при том, что на вооружении у него были только лупа и фотография или описание преступника.

Раскрывший сотни тяжких преступлений, причем, никогда не опускавшийся до рукоприкладства к подозреваемым, и остановивший волну насилия в столице, Иван Дмитриевич неожиданно для всех 27 октября 1874 года подал прошение об отставке. Доподлинно неизвестно, что вынудило столь опытного и

уважаемого сыскаря уйти на заслуженный отдых в относительно нестаром возрасте. Возможно, какие-то разногласия с градоначальником Треповым, не исключаются и интриги завистников. Официальную причину в прошении он указал как подорванное на службе здоровье. Так это или не так, мы уже вряд ли когда узнаем. Но одно известно точно: 1 февраля 1875 года его просьба была удовлетворена. И с этого дня он ушел на пенсию с годовым содержанием в 1800 рублей.

Однако в отставке Иван Дмитриевич пробыл относительно недолго. Как только правонарушители узнали, что легендарный Путилин отошел от дел, волна преступности захватила столицу и окрестности. Пришлось властям вновь звать на помощь того, чье только одно имя наводило страх на воров и убийц. И в марте 1880 года Путилин вновь возглавил Сыскную полицию Санкт-Петербурга. Где и прослужил, с перерывами на отпуск для поправки здоровья, до 1889 года. Тогда он снова подал прошение — теперь уже на имя Александра III, — где сам подводил итог своей многолетней деятельности в полиции: «...я одинаково не щадил своих сил для оправдания важного назначения сыскной полиции, вследствие чего неоднократно подвергал свою жизнь несомненной опасности, а здоровье постоянному испытанию. Такого рода результаты, как возвращение более чем на миллион ограбленного и украденного, как казенным учреж-

дениям, так и частным лицам, открытие сотни убийств, обнаружение 10 фабрик /Московской губ./ подделывателей фальшивых кредитных билетов, предупреждение многих злодеяний и удаление из общества вредных личностей, занимавшихся преступными промыслами, не могли быть достигнуты при постоянном личном руководстве моем важнейшими розысками и открытиями, без

множество благодарностей и поощрений, в том числе и солидные денежные премии.

За время службы Путилин сменил в Петербурге несколько квартир и снимал дачу в Парголово. Последние годы проживал на Петроградской стороне, на улице Теряева (теперь это улица Всеволода Вишневского), дом 3, недалеко от реки Карповки. Дом не сохранился.

П о статистическим данным, к началу Первой мировой войны корпус Сыскной полиции, созданной Путилиным, разросся до 75 тысяч человек. Эти ушлые ребята прекрасно справлялись со своей работой, не оставляя злодеям ни одного шанса на успех в их противозаконной деятельности

явной опасности для жизни и без крайнего напряжения физических и нравственных сил».

4 мая того же года император присвоил ему классный чин тайного советника, что соответствовало третьему классу табеля о рангах или генерал-лейтенанту в армии. Теперь к Ивану Дмитриевичу надлежало обращаться «Ваше превосходительство». А 8 мая 1889 года вышел приказ по Министерству внутренних дел об его отставке.

За свою неутомимую деятельность на ниве правопорядка Иван Дмитриевич был награжден одиннадцатью орденами, из них два иностранных, и одной медалью. Имел

После выхода в отставку новоиспеченный генерал поселился в своей усадьбе на берегу реки Волхов, приобретенной на премиальные деньги, недалеко от деревни Оснички Пчевской волости Новоладожского уезда Санкт-петербургской губернии. Здесь он начал разбирать накопившиеся за годы службы по охране правопорядка личные записи и наброски. Как принято считать, этот материал позже вылился в нашумевшую автобиографичную книгу «Сорок лет среди грабителей и убийц». Известно, что помогал ему в этом непростом вопросе известный в то время питерский литератор Михаил Викторович Шевляков — сотрудник журнала «Исторический вестник»

и пишущий в журналы «Осколки», «Стрекоза» (где тогда печатался и молодой А.П. Чехов) и иные столичные издания. Он, как утверждала молва, добровольно вызвался помочь бывшему сыщику в работе над книгой. В результате их совместного творчества, где ведущую роль, безусловно, играл сам Путилин, появились на свет эти воспоминания.

Некоторые исследователи биографии знаменитого сыщика скептически относятся к его авторству. Дело в том, что тому нет никаких документальных подтверждений, только слова издававших его труды книгоиздателей, к слову сказать, заработавших на его имени неплохие деньги. Ряд источников указывает 1889 год — это якобы год первого издания книги. Но Иван Дмитриевич только в мае того года вышел в отставку, так что вряд бы успел, даже имея в помощниках профессионального литератора, так быстро написать и опубликовать книгу. К тому же не сохранилось ни одного издания 1889 года. А было ли оно вообще? Увы, в наши дни четкого ответа на этот волнующий вопрос пока нет. Возможно, несколько рассказов самого Ивана Дмитриевича были при его жизни кем-то застенографированы, а потом, после соответствующей обработки, и изданы. Первая же сохранившаяся «живьем» книга с самыми ранними рассказами о Путилине носит авторство М.В. Шелякова. Его сборник рассказов с говорящим названием «Из области приключений: по рассказам быв-

шего начальника Санкт-Петербургской полиции И.Д. Путилина» был издан в 1898 году в столичной типографии Демакова и насчитывал 182 страницы.

За период с 1898 по 1917 годы была издана огромная масса произведений, где фигурировал Иван Дмитриевич. Наиболее известные, что дошли до нас — это сборник рассказов «Преступления, раскрытые начальником Сыскной полиции И.Д. Путилиным», изданный первый раз в 1904 году в Петербурге издательством И.А. Сафонова. А также целый цикл из 48 брошюр с 49 рассказами-детективами, объединенными общим названием «Гений русского сыска И.Д. Путилин», за авторством

известного в начале 20 века беллетриста Романа Лукича Антропова, больше известным читателям начала 20 века как Роман Добрый.

Первое дореволюционное издание с оригинальным названием «40 лет среди грабителей и убийц» и с указанием авторства И.Д. Путилина появилось в Риге, а позже переиздано в Петрограде. На имени Путилина нечистые на руку дельцы от печати прилично обогатились. Книжонки с описанием подвигов как самого Путилина, так и его двойни-

ка, расходились как горячие пирожки. И где в них правда, а где вымысел — теперь и не разберешь. Достаточно было указать в каком-нибудь второсортном детективе имя Путилина, как тиражи раскупались мгновенно.

После революции имя Путилина, по традиции, предали забвению. Публикации историй про него прекратили. Хотя некоторые образцы дореволюционной беллетристики о похождениях Ивана Дмитриевича можно и сейчас найти в букинистических магазинах и на книжных развалах.

Сейчас считается, что перу самого Путилина принадлежит всего 20 рассказов. Их и публикуют под его фамилией и с его оригинальным названием уже в наши дни. Если все же правда, и Путилин и есть настоящий автор, то можно сказать, что Иван Дмитриевич, будучи гениальным сыщиком, не являлся одаренным литератором. И даже помощь профессионала в лице М.В. Шевлякова не помогла явить миру литературный шедевр. Однако, несмотря на всю бледность ее художественного воплощения, книга Путилина весьма и весьма любопытна в историческом аспекте.

В ней живым и доступным языком поведано о наиболее громких делах гениального сыщика. Даже сейчас, спустя столько лет, ее необычайно интересно читать. Там нет долгих погонь и кровавых перестрелок, нет описаний драк и жутких подробностей чудовищных престу-

плений. Путилин максимально пощадил чувства читателей. Зато в книге можно найти описание одежды, быта и нравов того времени, почерпнуть довольно интересные сведения по истории Санкт-Петербурга и его окрестностей. Сопоставив места, описанные автором, узнать, как изменился город сегодня, как текла жизнь в столице во времена Ивана Дмитриевича, как и чем жили люди в середине 19 века.

Если по поводу литературной деятельности Ивана Дмитриевича есть вопросы, то другая его ипостась не вызывает сомнения. Ведь тому есть документальные подтверждения. Дело в том, что он ушел в отставку в чине, равном званию генерал-лейтенанта в армии. То есть пользовался уважением и почетом у окружающих. Поэтому местное уездное начальство упросило его стать попечителем земской школы в селе Пчева.

Попечители осуществляли «общий надзор за вверенными их попечению школами и оказание содействия к нравственному и материальному их благосостоянию». Служба эта считалась почетной, никакого жалования или вознаграждения попечители не получали. Занимались своим делом, так сказать, на общественных началах.

Иван Дмитриевич всю жизнь совершенствовал свое образование, уважал ученых и поддерживал людей, стремящихся повысить свой интеллектуальный уровень, поэтому

согласился стать попечителем местной школы. Говорят, что поддерживал он учащихся не только добрым словом, но и рублем, выложенным из собственного кармана.

Увы, сведения о последних годах жизни Ивана Дмитриевича весьма скудны и противоречивы. Точно установлено, что скончался он 18 ноября 1893 года от инфлюэнции, то есть, от гриппа. Но такой человек не мог умереть от какого-то там гриппа, поэтому во всех источниках его болезнь указывают как инфлюэнция. Вроде как от инфлюэнции умереть не так зазорно.

Похоронен первый начальник Сысской полиции Российской империи на приходском кладбище Пчевской церкви Преображения Господня недалеко от своей усадьбы. В 1937 году церковь взорвали. А во время Великой Отечественной войны оказалось разрушенным и кладбище — считается, что в него попала авиабомба. Одним словом, до наших дней могила Ивана Дмитриевича Путилина не сохранилась. И точное место его захоронения не установлено.

Что стало с усадьбой Путилина и его имуществом, тоже доподлинно не известно. Революционный вихрь, закруживший империю спустя 24 года после его кончины, окончательно смел следы его земного пребывания. Теперь от гения российскоо сыска осталась только память, немного документов да масса вымыслов о его похождениях.

Благодаря не так давно возникшему интересу к его персоне, имя Путилина материализовалось как личность. О нем вспомнили, принялись изучать его биографию и деяния. Стали воздавать запоздалые, но заслуженные почести.

Так, известный современный писатель Леонид Юзефович посвятил Ивану Дмитриевичу целую трилогию: «Ситуация на Балканах» (1981), «Триумф Венеры» (1994) и «Костюм Арлекина» (2001). В дальнейшем романы не раз меняли названия. По «Ситуации на Балканах» в 1991 году режиссер Виктор Кобзев на Свердловской киностудии снял фильм «Сыщик Петербургской полиции», где главную роль сыграл замечательный актер Петр Щербаков. А в 2007 году Сергей Газаров по произведениям Юзефовича снял уже восьмисерийный фильм «Сыщик Путилин». Главную роль в нем сыграл обаятельный Владимир Ильин.

Героями своих многочисленных произведений сыщика Путилина сделал и писатель Игорь Москвин. Такие как: «Убийство в Невском переулке» (2019), «Новые приключения Путилина» (2022), «Злодейство в питейном доме» (2022) и другие.

На территории Белгородского юридического института 24 апреля 2015 года ему открыли памятник работы местного скульптора А.А Шишкова. А сам институт стал носить имя И.Д. Путилина.

11 июня 2019 года в Новом Осколе открыт бюст знаменитому зем-

ляку работы местного скульптора Александра Нечаева.

20 апреля 2017 года МВД была учреждена ведомственная медаль И.Д. Путилина. Ею награждаются сотрудники органов внутренних дел за особые заслуги в организации и осуществлении оперативно-розыскной деятельности, весомый вклад в борьбу с преступностью и раскрытие преступлений, научно-техническое обеспечение и подготовку квалифицированных кадров для оперативных подразделений органов внутренних дел.

Все это очень здорово: и художественные произведения, и телевизионные воплощения, и памятники, и даже медаль имени Великого сыщика. Но при этом нет ни одного топонимического названия, связанного с именем Ивана Дмитриевича Путилина. В городе на Неве, где он прожил большую часть своей жизни, где он прославился, нет ни одной памятной доски на зданиях, связанных с его именем.

Мне кажется, что пришло время исправить эту историческую несправедливость и переименовать в его честь улицу, переулок или бульвар, на худой конец мост, имеющие к нему отношение. А на бывшем здании Сысской полиции установить мемориальную табличку. Чтобы каждый житель и гость Северной столицы знал, кто здесь работал и чем он знаменит. Полагаю, что Иван Дмитриевич Путилин заслужил к себе такое отношение. □

Валерий Владимирович Митрохин — поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей СССР с 1982 года, автор многих книг; Лауреат Всероссийской премии Николая Гумилева, государственной премии Крыма, Пушкинской (Крымской), других премий СССР и РФ, в том числе Международного Конкурса «Серебряный стрелец», заслуженный работник культуры.

Валерий Митрохин

НОЧЬ НЕЖНА

В холмах костер плясал вприсядку;
В прибрежном поле одиноко
Шел самолетик на посадку;
Циклоп заката волооко
Заглядывал в иллюминатор...
Луна всходила унисонно;
И, словно мышца-супинатор,
Крыло дрожало напряженно...
А глубоко путем безлесным
Шел отрок, на меня похожий —
Такой прохожий и пригожий
В пасхальном свете
И воскресным
Приветом славил звон вечерний.
И в зарослях апрельских терний
Чуть слышно тренькал соловей
Любви обиженной моей;
А через несколько мгновений
Вспорхнул и до утра примолк.
И вспыхнул примулы цветок,
И шелк простерся и промок
В серебряных волнах пролива,

ПОКА ГОРИТ ЗВЕЗДА

Жизнь хороша,
когда ты пьешь с лица
любимой женщины ее слезинку Счастья,
когда целуешь тонкое запястье
благочестивой матушке своей,
когда тебе знакомый воробей
чирикает приветливое: «Здрaсте!»

Жизнь тяжела, когда ты ощущаешь
свою вину за беды всех,
кто рядом горько дышит,
когда ты им обиды,
не прощаешь:

а тех, кто любит смех
и грех,
короче, всех аддикторов утех,
кто слов не слышит, взглядом,
упрекаешь,
Когда уже, идущего по небу,
тебя дитя твое вдруг позовет.
ты остановишься, поймешь — тебя он ждет.

Ему лишь одному
ты нужен в этот миг
и ты спускаешься в кровопролитный мир.
Ты вспоминаешь все
и снова хочешь жить,
ты просишь Бога боль твою продлить...
Прекрасен мир,
когда еще есть время,
когда стремленье жить — неукротимо,
когда жгутом бинтуешь побратима,
когда над крышами ночного Вифлеема
еще горит заветная звезда.

АРКАИМ

В далеком шестьдесят втором году
мы воровали персики в саду...
Набеги совершали по бахчам
и стрекача давали по ночам
от сторожей Советского Союза...
Я помню вкус и аромат арбуза,
и звезды августа, и поцелуев сок...
напуганной зорянки голосок
и стон садов
под тяжестью плодов;
и соль земли,
и дух воды азовской,
и рев белуг, страдающих от штиля,
дельфинов шепот под скалой Такиля,
про обелиск, что так похож на меч,
висящий над горою Митридата,
убитого поэта и солдата;
и храм Предтечи в сердцевине Керчи,
и серный смерч,
идуций морем в Керчь;
и тихий стук рыбацкого мотора
в распахнутом окошке
монитора;
рулады соловьиные гармошки,
хромого дядю Ваню-гармониста —
красавца, патриота, коммуниста...
Я вижу черную отметину в крыле
летающей птицы из России в Крым...
Кричит она тревожно: «Аркаим!» —
О том, как жить соборно, богонравно.
...Я бегал там когда-то босиком...
Там пахнет побережье сухотравно
и брызжет молочайным молочком...

АЛУПКИНСКАЯ ГРОЗДЬ

Неле и Алексею Зуевым

Издалека видна
не срезанная гроздь.
Глоток вина
в ней светится
насквозь...

Ничейная лоза
листвы роняет ворох.

Иди на шорох!

В словах слеза.
Протянутая горсть.
Опустошенный вид...

Внемли ему!
Отринь
испанский стыд!

Он твой незванный гость...

Не будь с ним холоден.
Он голоден.
Зови к столу присесть.
И дай поесть.

Оранжевое луние горит.
Уже ночами воздух сентябрит.
Уже рассвет дорожку серебрит.

Уже перо макает сибарит
в чернильницу зари
и ставит кляксу.

И впопыхах размазывает краску.

Нечаянно возникшая абстракция —
рассветных волн дифракция
плеснет прибоем на Зеленый мыс...

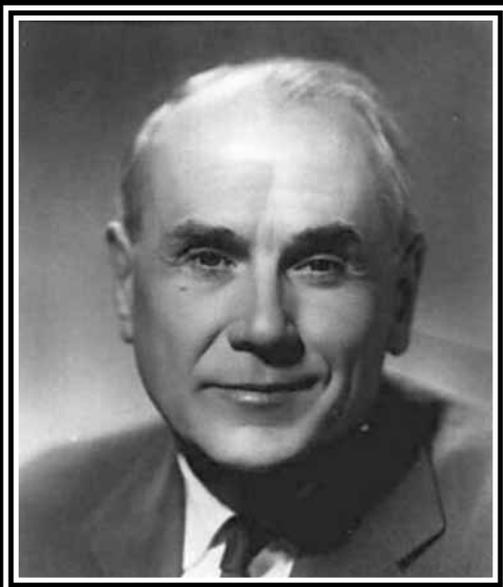
И пробуждается мобильника
иридий,
высвечивается монитор
будильника.

И вертится на языке строка,
и гаснет луч морского маяка
не спящей Ялты лето напролет.

...И возвращается с ночной охоты
кот —
взлетая по лиане на балкон,
он сходу требует домашнего
паштета...

Спешит, пока не требует поэта
к традиционной жертве
Аполлон.

Евгения Гордиенко

Борис Бабочкин

Актер многих ролей

Среди «актеров одной роли» немало тех, кто прожил свою жизнь в озлобленности на эту самую роль, прожил в осознании неспособности создать что-то новое, в унынии и упадке морального духа.

Но наш сегодняшний герой не таков. Ему суждено было стать преобразователем че-

ловека реального в культовый образ, в героя анекдотов. Даже внешность персонажа стали потом ассоциировать с внешностью актера, а не реального исторического прототипа. То же потом случилось со Штирлицем-Тихоновым и Холмсом-Ливановым. А мы сегодня вспомним о Борисе Бабочкине, чье лицо мы теперь представляем, когда говорим о Василии Ивановиче Чапаеве.

О детстве и юности Бориса Андреевича нам известно немного. Родился он в 1904-м году в Саратове. Отец его служил на железнодорожной станции, а мать была учительницей. Именно от нее будущий актер и его братья унаследовали любовь к литературе и искусству. По праздникам они даже декламировали стихи, выступая на станциях.

Во время Гражданской войны Бабочкин, которому на тот момент было всего 14 лет, служил в канцелярии политотдела 4-й армии Восточного фронта. Там же воевала и чапаевская 25-я дивизия. Позже актер рассказывал: «То, что я не встречал живого Чапаева, мне кажется чистой случайностью. А может, и встречал, только не знал, кто это. И если не

знал Чапаева, то скольких таких же или очень похожих на него командиров я знал! Пел те же песни, знал тот простой и колоритный язык, на котором тогда говорили, умел носить папаху так, чтоб она неизвестно на чем держалась. Одним словом, мне не нужна была творческая командировка, перед тем как начать работать над ролью».

В 15 лет Борис окончил реальное училище в Саратове, а в 16 перебрался в Москву. И выбрал для старта сразу школу-студию МХАТ, где тогда преподавал Михаил Чехов. Однако великое место разочаровало юношу. По его воспоминаниям, в студии «атмосферу создавали какие-то важные, скучные и, вероятно, малоталантливые приближенные М.А. Чехова. При каждом случае они давали нам понять, что мы — нули, ничто, а они посвящены в такие тайны искусства, которые едва ли когда-нибудь будут открыты нам». Сам же Чехов показался Бабочкину гениальным актером, но никудышным преподавателем: «Его уроки были ослепительны, но в них не было совсем никакой системы, никакой последовательности, никакой теории. Им можно было восхищаться, но учиться у него нельзя было».

Постепенно он перестал посещать занятия в студии прославленного театра и нашел для себя другую — под названием «Молодые мастера», где преподавал Илларион Певцов, которого впоследствии Бабочкин и считал своим учителем. Вскоре он стал выходить на сцену

профессионального театра. Но затем поступил неожиданно для всех, и вот как объяснил этот свой поступок: «С самого начала своей работы я понимал, что чем больше будет у меня препятствий, тем лучше. Я сменил прекрасную труппу, хороший театр, отличного режиссера на театр, который был, вероятно, на противоположном в смысле качества полюсе. Я уехал в Могилев, где играл иногда по три новые большие роли в неделю и сыграл их за сезон шестьдесят. Из этих шестидесяти — не меньше двадцати главных ролей. Это было как жестокий, но верный метод обучения плавать — бросаться с лодки в глубоком месте далеко от берега».

Выбрав для старта провинцию, молодой актер поступил не так уж и необычно — пробиться на столичных подмостках было сложнее, а в других городах можно было «наигрывать» опыт, исполнять те роли, которые в больших театрах надежно закреплены за именитыми артистами.

Впоследствии он не раз еще отправлялся по стране, чтобы играть больше разнообразных ролей. Работал в Костроме, в Самарканде, даже в китайском Харбине. А осел, в конце концов, в Ленинграде, где в конце 30-х возглавил Большой драматический театр.

Театр всегда был для него главным местом, но важную роль играло и кино. Он снимался с 1928 года, но известность ему, конечно, принесла роль комдива Чапаева в одноименном фильме.

Фильм «Чапаев» вышел в 1934 году, и актер так описывал увиденный возле ленинградского кинотеатра «Титан» плакат и свои впечатления от него:

«СЕГОДНЯ новый звуковой фильм "ЧАПАЕВ". В главных ролях В. МЯСНИКОВА и Н. СИМОНОВ. Режиссеры БРАТЯ ВАСИЛЬЕВЫ».

Я смотрел на этот плакат со сложным чувством. Я не испытывал досады на то, что я, исполнитель главной роли, не был в этом плакате упомянут. Не упомянуты были и другие исполнители. Я понимал, что фамилиями Мясниковой и Симонова — довольно популярных в то время киноактеров — кино-администраторы пытались пробудить в публике хоть какой-нибудь интерес к фильму. Я понимал, что в сочетании их имен есть некоторый намек на возможность какой-нибудь романтической истории, которая будет показана на фоне гражданской войны. Я понимал, что сама тема была достаточно жевана-пережевана в фильмах последних лет. Я понимал, что она могла казаться окончательно исчерпанной».

Однако его осторожные опасения совершенно не оправдались. Картина стала для своего времени важнейшей вехой. Ведь тогда кинематограф был на заре своего становления — особенно звуковой. И многие зрители, еще не попрощавшиеся с наивностью и воспринимавшие происходящее на экране с абсолютной серьезностью, на самом деле верили в то, что в фильме показаны реаль-

ные события. Бабочкин также писал в воспоминаниях: «Наиболее удивительным мне кажется то, что подлинные участники событий — бойцы и командиры Чапаевской дивизии — тоже воспринимали фильм как живую жизнь, а не как произведение искусства. У меня на груди плакал горькими и радостными слезами пожилой человек, бывший чапаевский боец. Он обнимал меня, всхлипывая и, стесняясь своих слез, повторял: «Там, у колодца, в белой-то рубашке, ведь это был я... Ты понимаешь, ведь это был я...» И мне не захотелось разрушать эту его иллюзию. Я подтвердил: «Это был ты. Я знаю!»

Братья Васильевы, заявленные режиссерами картины, братьями не были — просто однофамильцы, взявшие творческий псевдоним. Изначально в главной роли они видели совсем другого артиста — Николая Баталова, но тот не смог участвовать в съемках. Тогда пригласили Василия Ванина, уже игравшего Чапаева в театре. Бабочкина же изначально рассматривали на роль Петьки. Однако на съемках Борис Андреевич «примерил» на себя роль комдива, и вопросов больше не было.

Он много привнес в образ Чапаева, даже говорил, что Чапаев практически вышел из-под его контроля. Если режиссер говорил что-то делать одним способом, а Бабочкин делал совсем другим, то и это он ухитрялся «сваливать» на комдива. Знаменитую сцену с картошкой придумали сообща. Эпизод обсуждали, сидя в избе в селе Марьино Городище. Вот

«Чапаев»

как Бабочкин вспоминал это: «Хозяйка принесла угощение — чугунок вареной картошки. Картошка рассыпалась по столу, и одна — уродливая, с наростом — выкатилась вперед. Это совпало с репликой: идет отряд походным порядком, впереди командир на лихом коне. Хозяйка поставила на стол соленые огурцы. Это совпало со словами: показался противник. Все расхохотались и запомнили эти совпадения, а потом в Ленинграде быстро и весело сняли эту сцену, изменив первоначальную наметку сценария, по которой Чапаев должен был рисовать палочкой на земле». Впоследствии режиссерам эта сцена почему-то не понравилась, и они хотели ее переснять, но Бабочкин так умело отлынивал от пересъемки, что сцена вошла в фильм в том виде, в котором мы ее знаем.

Фильм понравился Сталину. После просмотра он сказал: «Вас можно поздравить с удачей. Здорово, умно и тактично сделано. Хороши и Чапаев, и Фурманов, и Петька. Фильм будет иметь большое воспитательное значение».

Именно это, по мнению дочери Натальи, помогло артисту избежать ареста в конце 1930-х гг., когда почти вся труппа Большого драматического театра, где тогда служил Бабочкин, подверглась репрессиям. Но фильм был очень популярен, а после ареста исполнителя главной роли пришлось бы его с экранов убрать. На это руководство страны пойти не могло.

Но все же, несмотря на такую «спасительную» роль, Бабочкин считал, что Чапаев сделал его заложником одного образа. Ему казалось, что он мог бы сниматься больше,

если бы режиссеры не боялись ассоциаций с Чапаевым. Но уныние было не в характере артиста, и время, которое не нужно было от него кинематографу, он отдавал театру.

Олег Ефремов отправлял артистов своего театра на спектакли с участием Бабочкина, чтобы они учились у него, говоря, что именно с таких актеров, как Бабочкин, Станиславский и писал свою систему.

Свою личную историю актер построил еще в 20-годы — причем раз и навсегда. Работая в Самарканде в передвижном театре, Бабочкин познакомился с юной балериной Екатериной Георгиевой. Несмотря на то, что девушка была замужем за человеком значительно старше нее и богаче будущего мужа, она оставила его, буквально, по словам дочери Бориса Андреевича Натальи, «сбежала к папе через окно в одном легком платье». Следующие 50 лет, до самой смерти Бабочкина, они провели вместе.

Была и вторая дочь — Татьяна. Во время войны и эвакуации супруги оказались в Ленинграде и даже специально решили ехать в разных концах поезда, чтобы в случае бомбежки кто-то из них выжил и мог позаботиться о детях.

В войне Бабочкин не участвовал и потому всегда отказывался от пайков и привилегий, которые ему то и дело предлагали. «Я на фронте никогда не был, — говорил он, — поэтому на такой подарок не имею права». Но при этом он продолжал ассоциироваться с военным именно из-за роли Чапаева.

В 1934 году по личному указанию Сталина Борису Андреевичу присвоили звание народного артиста республики. В те годы лауреатов было еще очень мало, и артист, сам того не желая, вошел в когорту избранных. В Александринском театре, где он тогда служил, в день оглашения указа отменили репетицию и устроили банкет. Но некоторые «друзья» демонстративно проигнорировали это событие, и Бабочкин понял, что с этих пор в его жизнь прочно войдет чужая зависть.

Несмотря на то, что со времен Чапаева многие считали его артистом одной роли, он играл в театре очень много: Карандышев, Паратов, Епиходов, Иванов — Бабочкин был самым популярным премьером Ленинграда. «Я понял одно — я должен остаться таким же, каким был до Чапаева», — говорил Борис Андреевич.

В 1949-м Бабочкин, оставив Ленинград, приехал в Москву и поступил в Малый театр. Начальство встретило его весьма уважительно, положило верхний предел зарплаты (тогда 4000 рублей), дали отдельную гримерную. Он не раз вступал в конфликты с директором театра и его «главным актером» Михаилом Царевым, подвергался травле, уходил, скитался снова по городам и театрам, но, в конце концов, вернулся именно сюда — в Малый театр. И поставил здесь чеховского «Иванова», договорившись с Царевым играть заглавную роль в очередь. Все эти перипетии, конечно, не могли не сказаться на здоровье артиста. У него

стало часто болеть сердце, он ложился в больницы и всегда возил с собой таблетки нитроглицерина.

Бориса Андреевича не стало летом 1975 году.

«Папа умер так же, как и жил, — вспоминала его дочь Наталья. — В то летнее утро было очень жарко, а ему нужно было ехать на съемки куда-то в Подмоскovie. Мама, зная, что отец плохо себя чувствует, пыталась отговорить его от поездки, но он не послушался: не хотел подводить людей, которые его ждали. Сам сел за руль и поехал. Прямо на дороге, между Большим театром и «Метрополем», ему стало плохо, он пытался выпить нитроглицерин, но, видимо, руки его уже не слушались: пузырек выпал, таблетки рассыпались — мы с сыном потом собирали их по всему салону. Тем не менее, ему удалось свернуть с дороги и осторожно припарковаться у тротуара — даже в тяжелом со-

стоянии он больше всего боялся причинить кому-то вред».

Уже после смерти Бориса Андреевича Андрей Александрович Гончаров написал о его творчестве: «...Он был самым современным актером из всех ныне действующих. Ярость личного, человеческого и художественного присутствия ощущалась в каждой роли. Играл ли он Чапаева, или Сулова, или старого профессора в «Скучной истории», он присваивал себе чувства каждого героя полностью и с такой личной эмоциональной силой, мощью духовности существовал в каждой роли, как может только великий актер. Все... говорили о полноте бабочкинского перевоплощения. А мне было интересно, как Бабочкин присутствует в роли безотносительно к взятой им степени характерности. Именно узнаваемость Бабочкина была поразительна». □

Александр Пономарев

Остров сокровищ

Состав нервно вздрогнул, и перрон, вместе с редкими провожающими, начал сначала медленно, а потом все быстрее пятиться в полумрак Ленинградского вокзала и скоро совсем исчез из виду, уступив место в окне моего купе разветвленной системе железнодорожных путей с вереницей семафоров и обветшалыми, то ли депо, то ли пакгаузами по сторонам. Наконец пакгаузы сменились унылыми промзонами, за ними — современными жилыми домами, эстакадами и вонзившимся в столичное небо светящимся шпилем Останкинской телебашни. Наконец-то я еду в Питер в легендарном ночном поезде «Красная стрела», уносящим меня навстречу белой ночи...

На соседнем месте косил глаза в экран телефона мой единственный попутчик. Приятный внешне, чем-то похожий на актера Леонида Филатова худощавый мужчина, лет сорока на вид, с доброжелательной мягкой улыбкой и с немного усталыми умными глазами..

Слово за слово, и спустя каких-то полчаса я уже знал о своем попутчике почти все, впрочем, как и он обо мне.

Звали моего попутчика Олегом, сам он из Питера, по специальности программист, по социальному статусу — владелец не очень большой, но крепко стоящей на ногах IT компании. Как сейчас принято говорить — успешный предприниматель. В Москве его фирма отработывала какой-то крупный заказ, полученный от Аэрофлота, и Олег большей частью вынужден был находиться в столице, и только на выходные мог позволить себе вернуться домой.

По старой доброй традиции путешественников я выложил из пакета с надписью: «Вкусвилл» всякую дорожную снедь и, само собой, ноль пять «Столичной».

Олег понимающе усмехнулся и, в свою очередь, достал точно такой же пакет. Импровизированный стол вскоре был накрыт, но он вдруг сказал:

— Погодите, коллега, кое-какие дела закончу.

Достал из дорожной сумки шприц-ручку, снял колпачок, потом привычным ловким движением закатал рукав рубашки выше локтя и, протерев спиртовой салфеткой предплечье, уверенно нажал на кнопку.

— Диабет?

— Так точно, с детства, инсулинозависимый, — ответил Олег и, потирая руки, добавил: — Все, теперь можно и перекусить, приступим?..

Незаметно проехали Вышний Волочек или, как его еще называют в народе, Тверскую Венецию. Окрестили его так, наверное, потому, что воды там, на первый взгляд, больше чем суши. Даже мимолетного транзитного впечатления от тихо спящего, словно старый дед на печи, городка, исполненного каким-то патриархальным благолепием и умиротворенностью, оказалось достаточно, чтобы у меня на душе вдруг стало тепло и уютно. Олег же наоборот, до того безмятежный и словоохотливый, неожиданно помрачнел и замкнулся в себе. Разговор, доселе катившийся как по маслу, больше не клеился. Олег, уткнувшись в телефон, на мои вопросы отвечал рассеянно, односложно, потом и вовсе сделал вид, что не слышит. А может и правда, не слышал. Чувствуя, как изменилось настроение у попутчика, я тоже не лез к нему со своими анекдотами, а деликатно молчал, изучая пейзаж за окном. Тем более что посмотреть было на что. Валдайские озера, словно гигантские мартены, полыхали огнем, отражая бордовое, в фиолетовых прожилках, августовское звездное небо.

В какой-то момент я уже начал думать, что до Питера буду слушать исключительно перестук колес, как вдруг раздался взволнованный голос Олега:

— А у вас, коллега, бывали в жизни ситуации, когда вы чувствовали свою абсолютную беспомощность? Такую беспомощность, что ее до сих пор ни из головы выкинуть не можете, ни простить себе.

— Я себя за все могу простить, — отшутился я, подумав, что этот риторический вопрос вызван не столько праздным любопытством Олега, сколько его желанием подвести меня к обсуждению серьезного предмета, который, видимо, мучает его, и продолжил: — У вас же, надо полагать, без подобного момента не обошлось.

— Не обошлось, к сожалению, — вздохнул Олег, — только я на эту тему редко с кем говорю. Но сейчас почему-то испытал потребность поделиться. Мне кажется, что вы меня сможете понять, как я успел заметить, умный и тонко чувствующий человек. К тому же, как ни банально это прозвучит, мы все равно никогда больше не увидимся. Ну что, вы готовы выслушать мою историю или трубим отбой? До прибытия почти три часа, можно, при желании, успеть вздремнуть.

Я согласно кивнул и устроился на диване поудобнее. Все равно сна ни в одном глазу, почему бы не сделать ближнему, назвавшему меня умным человеком, приятное одолжение? Тем более что самого уже разбирает любопытство.

— Ее зовут Варвара, — начал свой рассказ Олег после внушительной паузы, — Варя. До того как пожениться, мы с ней три года встречались, точнее, даже не встречались — жили полноценной семьей, за исключением, разве что, штампа в паспорте. Квартира на Васильевском острове, хозяйство, общие заботы. Детей, правда, не было, не сложилось. И вот я ей сделал, наконец, предложение. Как раз на юбилей совместной жизни. Глупо конечно, но я загадал про себя: если распишемся как люди, то и с наследниками у нас обязательно все получится. Сочетались без лишней помпы накануне отпуска. Подгадали так, чтобы устроить себе «медовый месяц». Давно уже мечтали побыть вдвоем на природе хотя бы пару недель. В кои-то веки решили за семь морей не мотаться, а то получается: в Перу были, на Фиджи, понимаешь, были, а красоты своих широт остались не охваченными. Варя очень своевременно вспомнила, как она ездила девчонкой к бабусе на лето под Вышний Волочек, расписала тамошние живописные малонаселенные места: терпкий запах хвои, холмы, заросшие иван-чаем, огненные закаты над озером, грибы, рыбалка. Самое то для молодоженов со стажем.

По такому случаю я снял в тех краях одинокий рыбацкий домик, стоявший буквально на самом берегу огромного, километров пятнадцать в диаметре, водохранилища. Водоем на поверку настоящим морем оказался: необъятная ширь, простирающаяся до горизонта, шум прибоя, чайки, дюны. Ветер поднимаясь, такую волну гонит, хоть на серф вставай. К домику прилагалось укрытие вроде эллинга, где на воде стояла трехмест-

ная моторка. Несмотря на отсутствие привычного комфорта, в выбранном варианте размещения нас все устраивало. Но особую радость вызывала, конечно, собственная лодка. Варька, правда, всегда плавала не особо, да и я тоже, скажу вам, не Майкл Феллпс, поэтому мы сначала осторожно курсировали на лодке вдоль прибрежной полосы, потом, немного освоившись, стали потихоньку заплывать дальше и дальше, обследуя один за другим дикие острова, которых вокруг было видимо-невидимо. Нагулявшись, накупавшись вволю, набравшись впечатлений, мы возвращались домой приятно утомленные и занимались исключительно друг другом. Почти нетронутая цивилизацией природа, солнце, собственный пляж, абсолютная нега способствовали усиленной выработке нашими организмами то ли эндорфина, то ли феромонов, не знаю, а, может, сразу всего. «Голубую лагуну» с Брук Шилдс смотрели? Как бы то оно ни было, в этом уединенном озерном рае мы с Варькой спокойно могли сойти за молодоженов.

В тот роковой день мы, набравшись храбрости, поплыли к самому дальнему из находившихся в пределах видимости островов, отстоявшему от берега километров, наверное, на семь с лишним. Его очертания в полдень размывала сизая дрожащая дымка, а по утрам скрывал густой туман, обильно поднимавшийся от остывающей воды. Зато на закате, когда горизонт окрашивался в багрянец, создавался такой оптический эффект сближения, что казалось, вот он, таинственный остров, только руку протяни. Этот кусочек суши манил нас своей недоступностью и, как нам казалось, загадочностью. Навоображали себе, что в тех местах разбойники когда-то прятали награбленные сокровища. Так и называли его между собой — остров сокровищ. И вот, когда утренний туман рассеялся, мы, прихватив с собой побольше бутербродов с сыром, бутылку вина и детектор металла, поплыли на разведку. Сидя за рулем на корме, я откровенно любовался своей грациозной супругой, которая, изогнувшись словно пантера, снимала на телефон два волновых следа, расходившихся от лодки в виде буквы V. Варька еще в Питере надумала смонтировать фильм по мотивам наших приключений и теперь активно собирала материал. Когда мы на максимальной скорости огибали один маленький островок величиной с хоккейную коробку, Варя, в погоне за эффектным кадром, встала во весь рост на носу лодки, напрочь закрыв мне обзор своими прелестями.

— Летим! — восторженно кричала она, простерев руки к окружавшей нас открытой воде. Белый, в синюю полоску, сарафан трепетал на Варьке, словно Андреевский флаг.

Откуда прямо перед нами возник этот камень, похожий на акулий плавник, одному Богу известно.

Сначала я услышал Варькин истошный визг, перешедший в жуткий грохот, как будто под нами разорвалась торпеда. Потом, после секундного щемящего чувства невесомости, мое тело обожгла холодная вода, а голова врезалась во что-то склизкое и твердое. Дальше мое сознание провалилось во мрак...

Удар был, как я уже потом понял, страшным. Наше плавсредство раскроило пополам, а его мелкие фрагменты вообще разметало в радиусе метров тридцати от места аварии. Самих нас с Варей от неминуемой гибели спасло только то, что при столкновении лодка взбрыкнула, как мустанг, и мы с женой дружно вылетели за борт, словно два мячика от пинг-понга. Варька отделалась лишь испугом, мне, правда, повезло несколько меньше. Зато ужас ее мобилизовал. Одних страх парализует, сбивает им дыхание, путает мысли, у других же, наоборот, в ответственный момент до максимума активизируются внутренние резервы. Варька, в ее шоковом состоянии, не только сама выбралась на островок, благо, до него было рукой подать, она еще и меня умудрилась вытащить каким-то уму непостижимым образом. Короче, очнулся я от резкой боли в левом предплечье. Варя, скуля, как раненая собака, исступленно дергала меня за руки, пытаясь провести «реанимацию». Для ясности скажу вам, что Варя и спасательные мероприятия на воде, сочетаются примерно так же, как диабетик и орбитальный полет на МКС. Но коль скоро я пришел в себя, значит, несмотря ни на что, или точнее, вопреки всему, у нее получилось.

Я чихнул, и, стряхнув с лица Варькины волосы, превратившиеся в сосульки, сделал попытку приподняться на разодранных в кровь кулаках. В голове шумело.

— Живой?! — воскликнула жена. — Как ты, что ты, сильно болит?

— Сама как?

— Я-то нормально, просто замечательно, — трясла головой счастливая Варька.

— И со мной ничего страшного... — прохрипел я и посмотрел на свое опухшее колено и разбитое плечо, — только мутит и кружится все.

— Это у тебя, похоже, сотрясение.

Я попытался встать, опершись на Варино плечо. Получилось. Огляделся. Вокруг, куда ни кинь взгляд, простирающаяся на километры водная пустыня, испещренная богатой россыпью разнокалиберных островков. С удовлетворением понял, что, прихрамывая, передвигаться могу, но также осознал, что далеко мне в таком состоянии не уйти, тем более, не уплыть. Я с тоской посмотрел на далекий берег, почти слившийся с линией горизонта, где остался наш дом, и подумал: «То, что мы сумели выжить,

это, конечно, здорово, но что нас ждет дальше?» Вероятность того, что сюда, на этот продуваемый всеми ветрами пятачок суши в ближайшее время кто-то заглянет из смертных, стремилась к нулю. Лодка покоится на дне водохранилища вместе с припасами, снастями, сменной одеждой и телефоном. Из всех бытовых удобств к нашим услугам лишь прибрежные кустики. Еще, правда, на возвышении растет несколько сосен. Можно, если хорошенько поднатужиться, соорудить хлипкий навес из хвои. Но и это, в лучшем случае, поможет нам только укрыться от непогоды, которая тут бывает через день. Я поймал себя на мысли, что, планируя пребывание на острове, оперирую уже не часами, а днями. Хотя днями, это, положив руку на сердце, было тоже чересчур оптимистично. Я посмотрел на почти счастливую Варьку и... в ответ, скрепя сердце, улыбнулся. Пусть она пока радуется спасению, успеет еще наплакаться. Если же рассуждать трезво, то нас неделю еще никто не хватится. Сами всем объявили, что отключим телефоны. Потом ее родители, возможно, начнут бить в колокола. Еще неделя-две уйдут на поиски. Итого — три. И даже если нас когда-нибудь найдут спасатели, то кого они найдут, точнее, что? Здоровому-то, подготовленному человеку без снастей, без огня тут не выжить. А мне через четыре-пять часов инсулин колоть. Остается только молиться. Как оно там? Отче наш....

Пока я вспоминал слова молитвы, из-за дальней оконечности нашего острова, скрытой густой растительностью, послышался звук, похожий на жужжание пчелы. Только пчелы так громко не жужжат, да и откуда им тут на камнях взяться? Неужели движок? Только-только ничего не было слышно кроме порывов ветра и плеска волны, а теперь звук мотора. Святой Боже! За жужжащим звуком из-за кустов прибрежного ивняка на полном ходу вылетела моторная лодка, шедшая прямым курсом в сторону далекого и такого желанного берега. Всего-то метрах в ста от нас с Варькой. На борту мы увидели двух крепких мужиков в камуфляже. Охотники или рыбаки. У сидевшего за рулем на голове была красная бандана. Для тех мест, где почти за неделю отдыха мы засекли всего три лодки, да и то у самого села, такое явление нельзя было назвать просто удачей. Мы с Варварой сорвали Джекпот. Оставалось только не упустить его.

Собрав остатки сил, мы с женой бешено замахали руками и закричали, словно Робинзон Крузо с Пятницей при виде корабля. И нам повезло еще раз. Лодка, практически уже оставившая остров сзади по курсу, вдруг заложила крутой правый вираж и через минуту уже качалась на прибойной волне в пяти метрах от нас. То, что я принял за красную бандану на голове у мужика, при ближайшем рассмотрении оказалось его шевелюрой. Рыжий такой и здоровый как викинг.

— Какие проблемы? — хитро осклабившись, спросил рыжий, выпрыгнув из лодки, хотя по нашему виду и так было все понятно. — Чего орете?

— Авария, кэп, — ответил я, отбивая зубами SOS от стресса и холода. До меня только-только дошло, что лодка запросто могла промчаться мимо. — Разбились, напоролись на что-то.

— Это тут на раз, — с пониманием покачал головой рыжий, — просто так не проскочишь, столько всякого затоплено было в свое время, даже печи заводские торчат. Фарватер знать надо.

Коротко поведав ему подробности происшествия, я попросил взять нас на борт. Впрочем, это было с самого начала понятно.

— Нам на берег надо. Срочно! Что скажете?

Он посмотрел на меня оценивающе.

— Ну-у-у, не знаю даже. Лодка у меня слабая.

— Так возьмете?

— А вы вплавь, — ехидно усмехнулся рыжий.

Такое предложение мне не понравилось. Совсем.

— Пять километров? У меня, видишь, рука с ногой... А жена вообще плавать не умеет.

— Не умеет, говоришь?

Рыжий совсем неуместно засмеялся и с любопытством посмотрел на Варьку. Но не с простым интересом посмотрел. Глаз не сводил с нее минуту. Раздевал ее взглядом, можно сказать, не стесняясь ни Варьки, ни меня. А она в промокшем насквозь сарафане, прилипшем к ее сочному телу, такая вся... Короче, даже раздевать не обязательно...

— Хорошо, сколько? — спросил я, привыкший, что все вопросы в нашем мире решаются одинаково. — Сам понимаешь, с собой нет. Приедем в село, отдам. Сколько?

— Нисколько. Лодка, говорю, слабая у меня. Хотя... — озорно ощерился рыжий — пожалуй, натурой возьму, если не против. Плавать твоя не умеет, это я уже понял. Но натурой-то рассчитывать навык имеется, поди?

— Ладно, давай без шуток, — сказал я, сделав вид, что в своем шоковом состоянии не понял его хамства, хотя, по-хорошему, он уже должен был бы, развалившись на песке, подбирать свои кровавые сопли, будучи сбитым с ног моим кулаком. — Сколько: три тысячи, пять, десять?

— А кто тут шутит? — принялся картинно озираться по сторонам рыжий. — Может, ты, Колян, шутишь? — и иронично посмотрел на своего молчаливого напарника, который до сих пор оставался в лодке. Судя по насупленному виду мужика, ему было не по себе от разыгрывавшейся на его глазах сцены.

— Сто тысяч!

Рыжий помотал головой.

— Слышь, Пятак, мужик дело говорит. Как там в Поле чудес — бери деньги, — обнажив щербатый рот, наконец, подал голос напарник. — Не перемудри, смотри.

— А я, может быть, выбираю приз. И вообще... Не лез бы ты не в свое дело, Колян, это моя лодка и моя тема.

Колян неопределенно пожал плечами, после чего, отвернувшись, принялся перебирать сети, лежащие навалом в лодке. Видно, Пятак был у них за главного.

— Да пошел ты, урод! — выкрикнул я и застонал оттого, что разбитая кисть, непроизвольно сжавшись в кулак, причинила мне острую боль.

— Я-то, конечно, пойду, — сказал Пятак, — а вот ты останешься тут со своей фигуристой девкой ледостава ждать. Жена твоя, да? Красивая! Жалко, такая красота ни за понюшку пропадет. Места тут, сам понимаешь. Стихия! Если б не забытые снасти, я бы до сентября тут не объявился. Про остальных вообще молчу. Заводи, Колян!

После этих его слов у меня как будто все похолодело внутри и оборвалось. Если в городе мне одного взгляда бывало достаточно, чтобы оценить, что от человека можно ожидать, чего он по жизни стоит, то с этими двумя я не понимал ничего. Впервые за всю свою тридцатилетнюю с лишним биографию мне стало страшно. По-настоящему. И, поверь, не столько за шкуру свою испугался, не за то, что без инсулина, впрочем, как и без глюкозы, мне и суток не протянуть, и даже, к стыду своему, не за Варьку. Страшно стало от своего бессилия. Все вокруг — коллеги, конкуренты, чиновники, менты, да и я сам — считали меня сильным, уверенным в себе человеком. Волевым и жестким. Впрочем, так оно и было. На работе и по жизни я привык решать проблемы деятельно и быстро. Бороться за «место под солнцем». Так с детства еще пошло. Жизнь на инсулине научила. Я знал, что, если поискать, найдется выход из любой ситуации. Всегда. В Питерской среде моя философия работала. А тут выхода я не видел, хоть тресни. Точнее, видел. Один.

Опустив глаза, я молчал, а у самого в голове уже вертелась такая подленькая мыслишка, что ведь не только для меня это выход, но и для самой Варьки. Ради нее же. Ей не меньше моего, если не больше, он нужен. И чем старательнее я эту мысль от себя отгонял, тем упорнее она возвращалась обратно. Мерзкая, жалкая, малодушная. Вот что делает с нами беспомощность.

Олег замолчал, вздохнул и долго смотрел в окно. Видно было, как тяжело ему дается исповедь.

— Ну, так о чем там я? — наконец, снова заговорил он. — Беспомощность, да. С другой стороны, что я мог сделать? Деньги там ничего не решали. Броситься с перебитой рукой и распухшей ногой на рыжего верзилу, вцепиться ему в горло, вырубить и отобрать лодку? Смешно! Но даже если бы это каким-то чудом мне удалось, оставался другой амбал, и далеко не факт, учитывая их род деятельности, что он был без оружия. Или, быть может, мне следовало послать Пятака подальше, обрекая нас с Варькой на мучительную гибель? Впрочем, я-то как раз умер бы относительно легко, а вот Варька потом на протяжении недель сидела бы рядом с разлагающимся трупом, сходя потихоньку с ума от истощения и безысходности.

Наконец я осмелился обернуться к Варьке. Впервые, как нам озвучили цену спасения. А, повернувшись, словно на клинок, наткнулся на ее красноречивый взгляд. Не надо было особо напрягаться, чтобы понять его значение. Я всегда был для нее авторитетом. Мужчиной, который закрывал ее собой от житейских бурь. За которого она на днях вышла замуж... И вот сейчас она стоит рядом и привычно ждет его реакции на происходящее, ждет от него какого-то хода — неожиданного, верного и решительного.

А ее мужчина вместо этого опустил голову и молчит.

Некоторое время мы с Варей молча переглядывались. И вот она, продолжая не сводить с меня глаз, сделала неуверенный шаг в сторону Пятака, потом еще один, более смелый... Жена, похоже, начала понимать, что главная здесь — она. И что сейчас она принимает решение, а не я.

Рыжий стоял, ухмыляясь, не форсировал события, слово кот, поймавший мышь. Он, как господин ситуации, смотрел на нас с каким-то хищным любопытством. Мне показалось, что его даже занимает наша с Варькой семейная драма.

Варя еще продолжала смотреть на меня с отчаянной надеждой, которая таяла с каждым мгновением, а я стоял, как будто к земле прирос, и молчал.

Наконец она вплотную подошла к рыжему и теперь смотрела уже на него, а не на меня. Смотрела с каким-то даже любопытством, представляя, наверное, как у нее сейчас с ним сложится.

— Отвернись, пожалуйста, — сказала она, не сводя глаз с рыжего.

Я вздрогнул, поняв, что просьба была обращена ко мне. Понимаешь, она сказала «отвернись» мне. Не кому-нибудь, а мне, своему законному мужу! Сказала спокойно и буднично, как будто попросила подать ей масленку. И я покорно отвернулся... Не знаю, как у меня это получилось, как хватило духа, но я отвернулся. Отвернулся, понимаешь? Не помню, сколько я так стоял, пялясь куда-то в синюю даль. До моего слуха как сквозь сон доносились нервные смешки второго мужика в лодке, какое-то сопе-

ние, возня, и такая ненависть вдруг в душе вскипела — к ней, к себе, к тварям к этим, ко всему миру!

Но я, вместо того, чтобы поубивать их всех и себя заодно, как подкошенный упал на колени и беззвучно заплакал, вцепившись руками в песок. Первый раз в жизни плакал. От собственного бессилия, от стыда, от отвращения к ней, к самому себе...

Рыжий выполнил условие договора, доставил нас до дома, пришвартовал лодку к берегу. Там он произнес фразу, которая меня окончательно добила:

— Я вас, на самом деле, и за так бы отвез, — хмыкнул он, легко подняв за талию Варьку и поставив ее на деревянные мостки причала. — Безо всякой природы. Без денег даже. Что мы, не люди разве? — Перехватив мой полный ужаса и ненависти взгляд, он добавил: — Уезжайте-ка вы отсюда в Турцию в какую-нибудь, в отель. Эти места не для вас. Стихия тут.

Взревел мотор, и лодка с рыжим, сделав полукруг, на всех парах рванула навстречу его необузданной стихии...

Через пару минут мы с Варей были уже дома. Я похромал напрямик на кухню, а она закрылась в душе. Душа моя раздиралась на части от противоречивых чувств: любви, благодарности, ненависти и отвращения. Варька спасла меня сегодня. Поди пойми, что нас тупо брали на понт. Больно, мерзко, стыдно, но мне ли ее судить? Как я могу обвинять ее в чем-то, если сам сегодня был не лучше? Меня, можно сказать, на острове вообще не было. Это она, скорее, имеет полное право меня презирать и ненавидеть. Господи, как же тяжело, лучше бы я, наверное, утонул!..

Наконец жена выскочила из ванной комнаты. Румяная, необыкновенно красивая... и чужая. Чу-жа-я, понимаешь? Не глядя на меня, она бесшумно прошла к спальне и тихо закрыла за собой дверь.

А я даже не понял, как уснул, вырубился прямо за кухонным столом...

С первыми лучами солнца Варя бросилась собирать вещи, глядя на нее, вытащил свой чемодан и я. Словно залетевшая в открытое окно птица она носилась по комнатам, лихорадочно хватала свои сарафаны, шорты, майки и с каким-то исступлением запихивала их в сумку. Завтракать не стали. Разговор по душам тоже не состоялся, поскольку Варя всем своим видом показывала нежелание общаться. Наверное, она была права. О чем говорить, раз все и так ясно. Она наотрез отказалась ехать в город на моей машине, вызвала себе такси. Расстались мы с Варей прямо

на крыльце, едва кивнув друг другу, словно прощались до вечера. Ключи от дома и деньги за разбитую моторку я оставил под резиновым ковриком у входа...

Олег осекся и затравлено посмотрел в окно, словно заново переживая все те события. Вернулся он в реальность, когда в дверь постучала проводница, оповещая о скором прибытии.

— Видишь, какая, брат, невеселая история, — снова заговорил он, повернувшись ко мне с виноватой, даже жалкой улыбкой. — Теперь ты знаешь, почему меня около тех мест накрывает. Привыкнуть до сих пор не могу. А последнее время, как видишь, и вовсе бываю там два раза в неделю. Может теперь, выговорившись, полегче станет.

Меня так и разбирало спросить у него, что было дальше, ведь на самом интересном месте оборвался рассказ. Но я никак не решался: это его жизнь, его история и его право закончить повествование на том месте, где он сочтет нужным.

Постели наши так и остались не разобранными...

Вышли с Олегом из вагона налегке. У главных дверей вокзала, что под большими часами, я с чувством пожал его жесткую, крепкую ладонь, как бы давая понять тем самым, что после всего поведенного им в купе в моих глазах он является абсолютно оправданным, а точнее, неподсудным. На мое рукопожатие он ответил с каким-то особым теплом и благодарностью. попрощавшись, я принялся рыскать глазами по сторонам в поисках такси, а Олег, тем временем, стал увлеченно махать кому-то.

В ответ на его высоко поднятую руку из припаркованной чуть поодаль иномарки вышли двое и быстрым шагом направились в нашу сторону. Впереди шла ослепительно красивая женщина лет тридцати, а за ней семенил маленький коренастый мальчик, которого она держала за руку. Макушка пацана горела в лучах утреннего солнца, словно огромный медный пятак... □

Влад Шарловский

Как влиять на мужское сердце и построить теплые отношения?

Психолог
Влад Шарловский

Почему некоторым женщинам удается встретить достойных мужчин, которые обеспечивают им финансовую безопасность, дарят цветы, подарки, теплоту и любовь? Почему некоторым женщинам удается проникнуть в голову и сердце мужчины таким образом, что он хочет всегда быть лучшей версией себя рядом с ней? Некоторые мужчины целуют руки своим женщинам, восхищаются их красотой и считают их лучшим подарком в своей жизни. Попробуем разобраться в секретах комплиментов вместе с Владом Шарловским.

Вероятно, некоторые из вас могут подумать: «Очередной психолог, который рассказывает нам, как раздувать мужское ЭГО, и что мужчинам всегда нужны женщины, которые будут смотреть на них восхищенными глазами».

Позвольте мне прояснить этот момент: я не говорю о том, что нужно раздувать мужское ЭГО. Вы сами убедитесь в том, что комплименты — это рабочий инструмент в умелых руках, а не пустая идея из Интернета. У каждого комплимента есть свои причины и свои цели помимо раздувания мужской самооценки.

Более того, комплименты настолько эффективный инструмент, что,

вместо того чтобы тешить мужское самолюбие, они заставят его захотеть стать лучше, когда он находится в вашем присутствии. Подарите себе несколько минут свободного времени, чтобы дочитать эту статью до конца...

Почему мужчины голодны до комплиментов и почему они как воздух нужны мужчинам? Правда заключается в том, что нам всем нравится похвала. Но когда женщина делает искренний и вдумчивый комплимент мужчине, то ценность этой похвалы возрастает в десятки раз.

Мужчины живут, чтобы заслуживать женскую любовь и восхищение. Это

наш воздух. Большинство женщин этого никогда не поймут, но, если вы читаете эти строки, то знайте, что вы — особенная, потому что, если вы продолжите развиваться в этом направлении, мужчины будут у ваших ног.

Когда мужчины пользуются одеколоном, тратят деньги на новые костюмы, открывают бизнес, ходят в тренажерный зал, качают кубики пресса и бегают, чтобы прийти в форму, то внутри нас есть маленький тихий голос, который говорит: «Я достанусь самой лучшей женщине на свете».

В каждом мужчине есть маленький мальчик, который хочет покрасоваться перед девушкой, которая ему нравится. Более того, мужчины очень редко получают от женщин комплименты. Вероятно, это из-за нашего русского менталитета, хотя я бы не стал делать на этом упор. Скорее я бы сказал, что у большинства женщин есть обида на мужчин из-за своих отцов, которые выпивали, или мама говорила маленькой девочке о том, какой папа плохой мужчина. Потом женщина эту обиду из-за несправедливости носит внутри себя всю свою жизнь, думая о том, почему у кого-то получается построить теплые и гармоничные отношения, а у нее нет?

Комплименты от женщин делают мужчин гораздо более сильными. Мужчина научится делать тройное сальто назад с места, если женщина ему скажет, что это сексуально.

Женщины, которые не владеют искусством искренних и вдумчивых комплиментов, находятся в невыгодном положении. Благодарные и ком-

плиментарные женщины удерживают мужчин «на крючке» надолго, потому что они заставляют нас чувствовать себя нужными, сильными и самыми лучшими. Каждый мужчина хочет ощущать свою значимость для женщины. Каждый мужчина хочет ощущать, что есть особая причина, по которой вы выбрали именно его.

Когда вы научитесь делать комплименты мужчинам правильно и поймете цель каждого комплимента, то вы начнете понимать мужчин на более глубоком уровне, чего не умеют делать 90% женщин. Эти знания позволят вам использовать мужскую психологию в своих интересах и буквально управлять мужчиной, как вам захочется. Конечно, с добрыми намерениями.

Я дам вам пять комплиментов, которые заставят мужчину влюбиться в вас и сделают его зависимым от вашего внимания.

Применяемые на практике знания, которые я ниже вам посоветую, значительно увеличат желание мужчин быть рядом с вами. Используйте их с умом.

1. «Я вижу в тебе настоящего мужчину»

Согласен, на первый взгляд может показаться странным, что «Я вижу в тебе мужчину» является комплиментом. Разве это не просто факт?

В том и дело, что нам, мужчинам, нравится идея, когда нас ассоциируют с настоящими мужчинами, особенно, когда об этом говорит женщина.

И если вы скажете, что «Это поступок настоящего мужчины» в легкой и игривой манере, то вы привлечете его

внимание. Помимо этого, когда вы, женщины, говорите нам о том, что мы мужественные, то вы подчеркиваете свою женственность рядом с нами. А достойных мужчин привлекают женственные женщины, которые умеют ее проявить, как минимум, через слова.

Предположим, что вы заказываете себе салат, а он мясную еду. Вы можете легко и играючи сказать: «Вау, ты настоящий мужчина!»

Каким мужчинам и когда это стоит говорить? Любым, и когда угодно.

2. «Я чувствую себя в безопасности рядом с тобой»

У каждого мужчины на уровне инстинктов заложена функция защиты. Нам с детства нравятся мультики про супер-героев (например, человек-паук), которые расправляются со злодеями во имя любви к женщине.

Мужественные мужчины любят защищать, особенно своих любимых женщин, которых они ценят и уважают. Я не беру в расчет сейчас мужчин, которых в детстве обижала их мать, и теперь они «отыгрываются» во взрослом возрасте на своих женщинах, проявляя абьюзивные манеры.

Не нужно вести себя как беспомощная девочка в беде или ходить, прижавшись к нему, будто его огромное мужественное тело — это единственное, что вас держит на двух ногах.

Говорите этот комплимент ласково, нежно, когда он обнимает вас или когда ваша голова лежит у него на груди/плечах. Прелесть этого комплимента в том, что он заставит его захотеть быть еще больше похожим

на того мужчину, который оберегает вас. Благодаря этому комплименту он будет заботиться о вас лучше.

3. «Мне жаль других женщин, потому что у меня есть ты»

Это особенно сильный комплимент, который можно использовать только в отношении самого дорогого и любимого мужчины, который действительно заботится о вас и искренне вкладывается в отношения.

Большинство женщин думают, что, если они состоят в отношениях с мужчиной, то им не нужно говорить ему, насколько он особенный. Такие женщины наивны.

Я бы хотел, чтобы вы запомнили, что как только вы вступаете в отношения, то это самое лучшее и важное время для того, чтобы поднять мужчине самооценку — ведь он теперь не получает комплиментов от других женщин. Поэтому, если вы будете подмечать, что он особенный, то это будет похоже на то, что вы говорите ему, что он король этого места рядом с вами, королевой.

И знаете, что самое важное? Мужчины влюбляются в женщин, которые видят в них уникальных и особенных мужчин.

4. «Я обожаю, когда ты...»

Лучшее, что вы можете сделать с комплиментами — это связать их с определенными действиями или поведением вашего мужчины. Когда вам особенно нравится его поведение, поступки и действия, то говорите ему об этом прямо.

Вы можете сказать: «Я обожаю, когда ты занимаешься спортом и заботишься о своем теле». Или скажите так: «Мне нравится, когда ты стремишься к целям, я вижу в тебе настоящего мужчину».

Еще один из примеров: «Я обожаю, когда ты знаешь, чего хочешь. Я чувствую твою твердость и решительность, это сексуально».

Есть такой психологический феномен — близкие люди хотят соответствовать нашим ожиданиям, если действительно нас любят. То есть, если вы будете подмечать в своих мужчинах те поступки и поведение, которые вам нравятся, то он будет хотеть их делать чаще, потому что нам приятно получать похвалу и комплименты.

Поэтому, если ваш мужчина проявляет амбиции и к чему-то стремится, то скажите ему, что вам нравится его стремление к большому, и он будет хотеть масштабировать свои действия, находясь рядом с вами.

ПОДВОДИМ ИТОГ

Это всего лишь несколько рабочих комплиментов, которые вы можете использовать, когда вам нужно воздействовать на сердце вашего мужчины. Но есть также некоторые правила, которые вы обязаны знать, когда делаете комплименты своим мужчинам:

1. Будьте конкретны

Обобщенно сказать мужчине, что он «сексуальный» — это нормально, но это не конкретно и обезличенно. Лучше скажите ему, почему именно вы считаете его таким. Если вы хоти-

те сказать мужчине, что он милый и красивый, то лучше скажите ему что-то конкретное, например: «Мне нравятся ямочки на твоих щеках, когда ты улыбаешься».

2. Сосредоточьтесь на мелочах

Комплименты не обязательно должны быть «огромными». Самые значимые комплименты могут быть в мелочах, которые мы делаем каждый день. Можно сказать о том, что вам нравится разговаривать с ним за завтраком, и он заставляет вас почувствовать, что рядом с ним можно быть собой. Будьте такой женщиной, которая замечает даже самые маленькие мелочи, и тогда вы станете магнитом для мужчин из-за вашей способности обращать внимание на то, на что другие женщины закрывают глаза.

3. Убедитесь в точности своих комплиментов

Не берите комплименты из воздуха. Подумайте о мужчине, с которым вы разговариваете. Что именно делает его замечательным? Даже тот мужчина, которого вы знаете несколько недель, выделяется на фоне других мужчин и в нем точно есть что-то, что вам нравится. Отметьте это. Ему будет приятно.

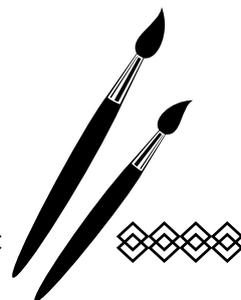
Теперь у вас есть драгоценные знания, которые разблокируют мужское сердце и сделают его зависимым от вас. Но такие умные женщины, как вы, понимают, что комплименты — это лишь малая часть того, чем удержать вашего идеального мужчину. □

Влад Шарловский

<https://t.me/vladpsycholog>

Флорентийка Плаутилла Нелли и американка Джейн Форчун

Забытое искусство флорентийской монахини,
или Приключения американки в Тоскане

Флоренция — город удивительный. Колыбель Возрождения, где жили великие мыслители и великие правители, где рождалось великое итальянское искусство, определившее на многие века пути развития мировой культуры.

В эпоху Ренессанса во Флоренции работали выдающиеся мужи: Донателло, Джорджоне, Фра Липпи, Леонардо, Микеланджело, Рафаэль. Но в этом городе вдохновенно трудились и талантливые дамы,

Плаутилла Нелли. «Тайная вечеря»

чьи творения в те времена знали и ценили многие. И среди них — монахиня доминиканского монастыря Святой Екатерины Сиенской Плаутилла Нелли. В своих «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари пишет, в основном, о мужчинах, но не забывает упомянуть и ее имя. Картины Плаутиллы Нелли украшали дома богатых флорентийцев, ее хорошо знали в городе и заказывали ей полотна на разные сюжеты. Современники Плаутиллы, высоко оценивая художественные достоинства ее картин, верили, что они обладают еще и магической силой. Прошли века, и имя Плаутиллы Нелли было забыто. Как и ее работы. И только в 21 веке другая замечательная женщина, американка Джейн Форчун, вернула их миру.

В 1524 году в семье флорентийского купца Пьеро ди Луки Нелли, довольно успешно торговавшего тканями, родилась дочь. Назвали ее Пулисена Маргарита. Род Нелли пользовался уважением в Тоскане — они были не последними людьми в городе.

Видно, девочка с детства увлекалась рисованием, и родители заметили, что у нее явные способности. В 14 лет ее отдали в монастырь Святой Екатерины Сиенской. Наверное, для такого решения старших Нелли были определенные причины: во-первых, девочка явно была набож-

«Оплакивание Христа со святыми»

ной; во-вторых, если бы она не стала монашенкой, ее нужно было бы выдавать замуж, то есть обеспечить приличным приданым, а дела у купца Нелли, когда дочь подросла, шли не очень хорошо. Ну и третье — мо-

настырь Святой Екатерины, основанный в 1496 году истовой последовательницей Савонаролы Камиллой Бартолини, славился как своеобразный художественный центр — здесь Богу служили сестры-худож-

ницы: они писали картины, иллюстрировали книги, создавали миниатюры, скульптуры из терракоты. Неудивительно, что многие живописцы и скульпторы отдавали туда своих одаренных девочек, которые могли там заниматься творчеством. (Кстати, в эпоху Высокого Возрождения во Флоренции в монастырях жили 2500 монахинь; в 1550 году каждая 19-я флорентийка выбирала себе, сама или с помощью родителей, монашеский образ жизни — ведь в монастырях можно было учиться, заниматься художественным творчеством, избежав тягот и забот мирской жизни). Вот и старшие Нелли, решив, что Пулисена, которая так любит рисовать, будет довольна жизнью в стенах монастыря и многому сможет здесь научиться, с легким сердцем отдали дочь в монашки. (Кстати, такую же судьбу они уготовили и другой своей дочери, Петронелле, тоже девочке умненькой и способной, которая позже напишет биографию Савонаролы и вместе с сестрой проиллюстрирует несколько духовных книг).

Во Флоренции еще хорошо помнили Савонаролу, этого неистового монаха-доминиканца, проповедовавшего отказ от мирских радостей и удовольствий. Помнили его страшные Костры тщеславия, в пламени которых сгорали картины и книги, одежды и разные предметы роскоши. Он говорил, что для монахинь главное в их жизни — служение Господу и работа во имя Церкви и на ее благо, а лень — большое зло. Его за-

веты свято соблюдали в монастыре Святой Екатерины, духовное руководство которым осуществляли обитатели мужского доминиканского монастыря Святого Марка, расположенного рядом с обителью Плаутилле (став монашенкой, Пулисена приняла имя Суор Плаутилла).

В свободное от молитв время она с увлечением познавала секреты живописи. В монастыре Сан-Марко работала одна из крупнейших художественных мастерских Италии, воспитавшая целую плеяду известных художников-монахов, наиболее ярким из них был замечательный флорентийский живописец Фра Бартоломео. Фра Паолино, преданный ученик Бартоломео, руководивший мастерской после смерти Фра Бартоломео и закончивший ряд работ своего учителя, стал учителем Плаутилле. У него остались рисунки и наброски Бартоломео, и он, конечно, показывал их своей ученице, а потом и вовсе подарил ей. Эти работы послужили своего рода учебником для юной монахини. Училась она и у других флорентийских живописцев, к примеру, копировала картины Аньоло Бронзино, Андреадель Сарто. «Начала она с того, что немного рисовала и воспроизводила в красках картины и живописные работы выдающихся мастеров и выполняла некоторые вещи с такой тщательностью, что удивляла художников», — пишет Вазари. По-видимому, мы не всегда правильно представляем себе жизнь в монастырях того времени. Именно там жила и развивалась высокая

Джейн Форчун

культура, хранились знания. Именно там порой и находила себе место настоящая творческая свобода. Конечно, женщины в миру могли заниматься творчеством, но большие работы делались тогда в основном только по заказам Церкви, и заказы эти доверялись только художницам-монахиням.

Обретая навыки и мастерство, Плаутилла стала руководителем художественной мастерской, в которой работало около 10 монахинь. До нас дошли имена трех художниц, трудившихся под началом Плаутиллы, — это сестры Пруденца Камби, Агата Трабалецци, Мария Руджиери. Организацией и поиском заказов занимались еще три монахини: сестра Вероника, сестра Дионисия Никколини и сестра Мария Анжелика Раззи, которая, кроме всего прочего, ваяла замечательные терракотовые фигурки. Орден доминиканцев поддерживал монахинь-художниц, которые занимались святым делом и приносили

доход Церкви. Делали благое дело во всех смыслах! Нелли блестяще удавались миниатюры, но любила она большие форматы (что было совсем не типично для того времени) и создала вместе со своими помощницами несколько больших картин для своего монастыря и других заказчиков. Именно ей поручили расписывать алтарь в главном храме монастыря — и это было настоящим признанием ее таланта и благочестия.

Однажды (примерно в 1568 году) Плаутилла, в то время не только руководительница художественной мастерской, но и настоятельница своего монастыря, задумала грандиозный, как бы мы сейчас сказали, проект — написать огромную картину 7х2 метра и изобразить на ней Тайную вечерю, сюжет, пользовавшийся большой популярностью в те времена. Мы знаем разные «Тайные вечера», прежде всего — кисти Леонардо, создавшего свой шедевр в 1495–1498 годах. Наверное, Плаутилла тоже видела разные «Тайные вечера», однако это не помешало ей написать свою.

И вот она изображает на огромном холсте, сшитом, как лоскутное одеяло, из нескольких полотен и укрепленном на деревянной раме, Иисуса и 12 апостолов, сидящих за столом и вкушающих блюда, которые обычно стояли на столах ее современников. Кроме вина и хлеба тут присутствуют жареный ягненок, фасоль и салат. Тщательно написана посуда — бирюзовые керамические миски, фарфоровые тарелки и отделанные серебром стаканы. Лица и позы апосто-

лов и Христа выразительны, жесты понятны. Скоро, говорит Иисус, один из вас предаст меня... Художнице, убежденной в ненужности избыточной роскоши в церкви и искусстве, удалось точно и строго передать эмоции, терзания, скорбные предчувствия евангельских персонажей в очень важный момент их жизни. Пройдет совсем немного времени, и Христа распнут, но пока он еще жив, здесь, с людьми...

Искусствовед Ника Лобо в своей статье, посвященной Плаутилле Нелли, пишет: «Представьте себе монахиню в рясе, смешивающую на палитре краски, а затем поднимающуюся на строительные леса, чтобы нанести мазки на холст высотой более ее и шире современного рекламного щита! ... Тут требовалась и большая сила, и сноровка, и психологическая

концентрация, и дисциплина, не говоря уже о воле, необходимой для того, чтобы взяться за эту священную тему, за которую раньше брались только великие мужчины».

В левом верхнем углу Плаутилла поместила надпись на латыни, указав свое имя (это было совсем не в правилах художников 16 века), чтобы люди знали, кто автор этой картины. А рядом приписала такие слова: «Помолись за художницу». Она хорошо понимала, что создала нечто Настоящее, и хотела, чтобы мы об этом тоже знали и помнили ее имя. И помолились за нее...

Нелли и ее помощницы-монахини создали много замечательных картин, пользовавшихся большой популярностью у современников, но, конечно, ее самой значительной работой стала «Тайная вечеря». Она

*«Святая
Екатерина
Сиенская»*

украшала трапезную монастыря Санта Катерины до 19 века и, по сути, ее видели только тамошние монахини. В наполеоновскую эпоху монастырь был закрыт, и в 1817 году картина попала в другой флорентийский монастырь — Санта Мария Новелла. Картину Нелли поместили в трапезную, где она прожила до 1865 года. А потом картину срезали с рамы, свернули краской внутрь и бросили на монастырский склад. Специалисты знают, что так картины не хранят — это

прямой путь к разрушению красочного слоя... 50 лет она хранилась в таком виде. В 1939 году о ней вспомнили, слегка отреставрировали и снова повесили в трапезной.

В 1966 году Флоренция пережила сильнейшее наводнение. Тогда пострадали многие великие произведения искусства, но творение Нелли пережило это испытание с небольшими потерями — оно и так было не в лучшем состоянии, и наводнение уже большой роли не играло. В 1982

году картину перенесли в личные помещения монахов, где ее могли видеть только обитатели монастыря. «Тайная вечеря», все-таки дожив до конца XX века, скорее всего, была обречена через несколько лет на смерть, но в дело вмешалась удивительная американка, Джейн Форчун (1942–2018), которая не дала погибнуть творению Нелли и стала «голосом» этой яркой флорентийской художницы.

Однажды обнаружив ее имя на страницах знаменитых «Жизнеописаний великих художников...» Вазари, она заинтересовалась судьбой и творчеством Плаутиллы Нелли. Джейн обожала Флоренцию — она была редактором отдела во флорентийской газете *The Florentine* и прекрасно знала историю и искусство этого тосканского города. Джейн тут же стала расспрашивать об этой художнице своих знакомых флорентийцев, но оказалось, что о Нелли никто не слышал. Тогда она сама стала искать ее работы. В монастыре Сан-Марко Джейн обнаружила «Оплакивание со святыми» и была потрясена мастерством сестры Плаутиллы. Еще две ее работы нашлись в Палаццо Питти, другие — в подвалах и на чердаках. Джейн говорила: «Я обнаружила, что никто не был знаком ни с ней, ни с ее работами, ни с ее именем. Она очаровала меня, и я взяла на себя личное обязательство стать ее голосом 430 лет спустя — голосом, которого у нее никогда не было». Работа над тем, чтобы «дать голос» забытым художницам прошлого, стала делом всей

ее жизни. В 2009 году Джейн Форчун основала организацию *Advancing Women Artists*, или AWA («Продвижение женщин-художников»). Главным делом и главным достижением этой организации стало возвращение миру искусства флорентийской монахини Плаутиллы Нелли. AWA, под вдохновенным руководством Джейн Форчун, собирала деньги на поиск и реставрацию картин, а затем на показ публике. С помощью специального фонда AWA удавалось находить немалые суммы. На возрождение «Тайной вечера» Нелли в 2017 году за 6 недель было собрано 67 000 долларов. Чтобы привлечь спонсоров к этому благородному делу, в AWA придумали объявить сбор денег на реставрацию отдельных персонажей картины — к примеру, у каждого апостола находился свой покровитель. AWA вместе с флорентийскими парфюмерными компаниями выпускали духи. Была учреждена специальная премия — премия имени Плаутиллы Нелли, которой награждались женщины-директора музеев. В общем, деятельность AWA была очень разнообразна. И душой всего этого была Джейн Форчун.

В 2009 году она написала книгу «Невидимые женщины: забытые художники Флоренции», по которой был снят документальный фильм, получивший премию «Эмми» в 2013 году. В 2012 году вместе со своей коллегой Линдой Фальконе, также влюбленной во Флоренцию и ее искусство, Джейн опубликовала еще одну замечательную книгу — «Ис-

кусство женщин Флоренции: путеводитель по 500 годам».

А между тем, шла интенсивная и тщательная реставрация «Тайной вечера» Нелли. Десять лет ушло на эту работу. В 2017 году картина была, наконец, выставлена в музее Санта-Мария-Новелла, рядом с шедеврами выдающихся флорентийских художников Возрождения. «То, как пишет Плаутилла Нелли, ... сильные мазки и густо наложенные краски, свидетельствуют о силе ее личности», — говорит реставратор Россела Лари, пять лет своей жизни посвятившая восстановлению картины Нелли.

Джейн Форчун делала невероятно много для сохранения и развития искусства, причем не только изобразительного, но и театрального. Она входила в попечительские советы самых разных образовательных организаций, больших университетов, музеев в Италии и у себя, в США. В 2013 году за свою работу во Флоренции она получила премию Тоскано-американской ассоциации, которая вручается ежегодно во Флоренции на Палаццо Веккьо за вклад в культуру Флоренции. В 2015 году мэр Флоренции Дарио Нарделла наградил ее премией Fiorinod'Oro — высшей наградой города: «Мы считаем доктора Форчун одной из наших гражданок, одной из нас, флорентийкой во всех смыслах, и я бы даже сказал, великой флорентийкой».

А еще Джейн вручили медаль «Гражданин Флоренции». Город благодарил ее за все, что она сделала для сохранения его великого насле-

дия, за то, что она вернула флорентинцам то, что, казалось, было утеряно навсегда, за то, что напомнила о замечательных женщинах прошлого, сумевших, несмотря на законы своего времени, выразить свою душу в искусстве.

Джейн Форчун умерла от рака 23 сентября 2018 года. Ее сын Джон во время прощальной церемонии (Джейн похоронили на родине, в ее родном Индианополисе, штат Индиана) сказал: «У нее было много наград, но больше всего она дорожила медалью «Гражданин Флоренции» и хотела, чтобы медаль похоронили вместе с ней. «Не забудьте сказать всем, — просила Джейн, — что я была гражданкой Флоренции». Вся Флоренция скорбела, узнав о ее уходе...

Прошло три года, и ее детище Advancing Women Artists, вернувшее человечеству 55 произведений искусства, созданных женщинами-художницами за пять столетий, и организовавшее 70 реставрационных проектов, закрылось из-за нехватки финансирования. Но остались сайт AWA и книги, созданные при содействии организации и ее членов: исследования, биографии художниц, путеводители по Флоренции. Остались вернувшиеся к нам творения замечательной художницы — настоятельницы флорентийского монастыря Святой Екатерины Плаутиллы Нелли. И осталась память об американской журналистке Джейн Форчун, большой любительнице Флоренции и ее забытых художниц, голосом которых она стала. □

Сергей Крылов

Сергей Крылов — открытый и улыбчивый, жизнелюбивый и умный собеседник. А еще он великолепный артист балета — одаренный музыкально и технически, он потрясающе воссоздает на сцене диаметрально противоположные образы. От Базиля до Вестриса, от партии шута в «Лебедином озере» до Принца в «Щелкунчике», что говорит также о его драматическом таланте. Он является солистом Санкт-Петербургского государственного академического театра балета имени Леонида Якобсона. Театра с давней историей и традицией. О новшествах и новаторстве в мире балета, учебе в академии им. Вагановой, о великих педагогах, сценических днях и буднях артиста балета Сергей Крылов и поделился в своем интервью «Смене».

«Я по характеру отношу себя к перфекционистам»

— **Сергей, расскажите, пожалуйста, как вы пришли в мир балета?**

— Честно говоря, мой путь артиста балета не был на сто процентов выбором детства, то есть, моим личным выбором. Не было прекрасной

истории, что в один из семейных вечеров мы смотрели балетный спектакль, и тут я понял, что буду именно этим человеком в трико (смеется). Скорее, наоборот... До 10 лет я рос в спальном районе города, и мама пи-хала меня в разные кружки, секции

и студии, лишь бы я развивался. Настольный теннис, футбол, бокс и, естественно, среди всего прочего, были танцы... Так с 7 лет я начал заниматься народными танцами в школе искусств. Время шло, и родители, естественно, думали, что делать дальше. Примерно через год один умнейший человек, друг бабушки, посоветовал показаться в училище при театре Оперы и балета. Меня взяли, и таким образом я попал в балетный мир. А в 2004 году поступил в академию им. А.Я. Вагановой. Мне было 11 лет.

— Вы родились в Самаре, а, начиная с учебы, и по сей день живете в Северной столице. Не тяжело было отрываться от родных пенатов? Как часто навещаете малую родину?

— Да, вы правы. Я приезжал только на каникулы, и, скажу честно, первое время было очень тяжело. Каждое возвращение в Петербург с каникул было со слезами на глазах... Но потом привыкаешь, и я помню моменты, когда считал интернат своим вторым домом. Там была очень интересная, насыщенная жизнь. Но в 2010 году ко мне приехала мама, и мы стали снимать жилье. Я все также приезжал в Самару на каникулы, но с каждым разом отдалялся от города — уже не очень тянуло туда. Хотя у меня там остались школьные друзья.

— Что было самым сложным для вас в процессе обучения? А что вам удавалось легче всего и нравилось больше остальных?

— Я по натуре человек дисциплинированный. Так как был серьезный отбор при поступлении, а потом ежегодные отчисления, я прекрасно понимал, что приехал сюда учиться. Самым сложным было то, что надо было успевать делать домашнее задание, поскольку я постоянно участвовал в «практике»: мы танцевали детские партии на сцене Мариинского и Михайловского театров. Это был бесценный опыт! Из общеобразовательных предметов мне нравились русский язык и история. С точными науками все было не так оптимистично (смеется). Конечно, больше всего я любил специальные предметы. Это классика, практика. Когда начали пробовать вариации из балетов в 4/8 и 5/9 классе, оставались в залах до 8 вечера. А еще у нас был та-

кой предмет, как ОФП (общая физическая подготовка). Мне он очень нравился.

— Насколько строги педагоги прославленной академии?

Что касается строгости, в основном, все было по заслугам. Первые пять лет у меня были чудесные педагоги. В 1 классе мне очень повезло, я попал в класс Найдича Юрия Михайловича, человека-эпохи. Затем два следующих года у нас была Забалканская Елена Георгиевна — это была проверка на характер... В 4/8 и 5/9

классах нас взял мой любимейший педагог и человек Фетон Миоцци, или просто Федор Иванович. Собственно, только с ним я понял, зачем делаю все эти балетные «pas»...

— Роль наставника в жизни артиста невозможно переоценить — ведь это не просто любимый учитель, а человек, творящий новую индивидуальность...

— На данном этапе моего творческого пути есть два человека (педагога), которые очень много вложили в меня. Это педагог в театре Пыхачов Артем Николаевич (ведущий со-

лист Михайловского театра), и в академии — Миоцци Фетон (ведущий солист Мариинского театра). Когда происходит совпадение в паре педагог-ученик, то получается результат. В академии я попал как раз к такому педагогу. Два года пролетели как один день! И на протяжении всей моей карьеры он продолжает помогать мне советом и делом.

Что касается театра, то мне повезло в прекрасной передаче опыта от Артема Николаевича. Особенно в отношении дуэтного танца, так как он еще преподает в академии Эйфмана.

— Вы также окончили магистратуру — что подтолкнуло вас к такому решению?

— Я по характеру все-таки отношу себя к перфекционистам. Считаю, если ты выходишь на сцену, то у тебя нет права плохо танцевать. Тем более, что на тебя смотрят зрители. Они деньги заплатили, чтобы посмотреть красивый спектакль... Поэтому я решил, что мое развитие не должно останавливаться. В какой-то момент у меня стали появляться вопросы по поводу методики. Хоть тело и помнит, но грамотно объяснить языком — это другое. Ведь это важно — не просто иметь свое мнение, а еще и компетентность.

— В «обычных» вузах студенты пишут в магистратуре учебную работу. А что происходит в балетной академии?

— Наш курс учился три года на магистратуре. Потом поменяли на два, как и во всех вузах. Первые два года мы писали и защищали курсовые работы в конце года, а уже третий год — дипломную работу, которая была посвящена влиянию методов Э. Чеккетти и Н.Г. Легата на формирование системы А.Я. Вагановой. Учиться было сложно... А успевать, совмещая с театром, еще сложнее. Но это было очень познавательно. Особенно те предметы, с которыми ты раньше не сталкивался.

— Известно, что театр — это мир конкуренции. Однако в теа-

тре, связанном с балетом, кажется, конкуренции еще больше, да и еще сложнее существовать — за артиста никто, кроме него самого, не станцует. Помните, как пришли в театр?

— У каждого своя «профессиональная» история. Каждый пытается по-своему что-то доказать, как-то проявить себя. Я считаю, что все-таки конкуренция не должна выходить за рамки. Должны оставаться критерии, а не субъективные мнения. Может, я слишком честно рассуждаю, но ведущие солисты не должны бегать по сцене по шестой позиции. Именно поэтому, придя в

театр, я много репетировал, снимал себя на телефон и смотрел, как выгляжу со стороны. Это вообще важно по жизни: смотреть на себя со стороны (*смеется*).

— Вот уже 10 лет, как вы служите в театре. Ваши любимые партии?

— Естественно, это те партии, в которых я чувствую себя как в жизни. Расскажу о четырех образах. Базиль в «Дон Кихоте», Томский в «Пиковой даме», партия шута в балете «Лебединое озеро» и «Вестрис» Якобсона (балетная миниатюра, созданная балетмейстером Леонидом

Якобсоном для танцовщика Михаила Барышникова, и рассказывающая о великом танцовщике XVIII века Вестрисе, — *прим. авт.*).

Если говорить подробнее, то балет «Дон Кихот» — это то, что отчасти характеризует меня в повседневности: шутовская легкость и оптимизм, совмещенный с внутренним диалогом, непринужденность и свободолюбивый характер плюс балетная техника Базиля.

Эпоха Александра Сергеевича Пушкина — это Томский в «Пиковой даме». Пышные костюмы, Петербург, манеры той эпохи, когда слова не расходятся с действиями. Сейчас этого не хватает.

Ну а «Вестрис» — это маски. Сам номер представляет собой смесь неоклассических па и гротескных пантомимных движений. Персонаж

Огюст Вестрис примеряет различные маски — комическую, трагическую, но ни одна не оказывается подходящей. Наверное, каждый из нас сталкивался с тем, что порой приходится надевать маски на лицо.

— Хореография каких балетмейстеров вам больше всего приходится по душе?

— Есть много легендарных хореографов: Григорович, Сергеев, Лавровский, Баланчин, но для меня — это Якобсон... Я работаю в театре Л. Якобсона с первых своих дней, и считаю его гением. Так придумать технически, так наполнить эмоционально свою хореографию... Это гениально!

— Музыкальность и пластичность, образность и донесение мысли, экспрессия и сдержанность, выразительность и техничность — кажется, в балете важно все. Сергей, а что для вас главное в танце?

— Очень интересный вопрос, потому что у каждого свой ответ на него. Многие говорят сразу об образе, содержании. Конечно, без этого никуда. Но для меня все же одинаково равны три критерии — музыкальность, техника, содержание образа. Все три должны сочетаться друг с другом и взаимно дополнять. Естественно, я не буду напоминать про амплуа и внешность. Я считаю, что артист должен быть физически кра-

сив и пропорционален. Но все же три выше означенных аспекта — самые важные.

— Как вы относитесь к современным направлениям в танце?

— Очень положительно. Хорошая современная постановка — это заявка. Если она удачная, то это успех.

— Как вы любите проводить досуг? Как расслабляетесь после тяжелых трудовых будней?

— По-разному. Я увлекаюсь физиологией и биомеханикой, имею в виду не театральную методику Мейерхольда, а физические способности, биомеханику тела. В частности, это анатомические особенности, реабилитация, то есть, как можно предотвратить определенные трав-

мы опорно-двигательного аппарата. Опять же, если говорить про учебу и различные курсы, когда возникают какие-либо новые проекты или фотосессии, я сразу откликаюсь. Люблю спа и различные банные парения. Меня это «обнуляет» и перезагружает как-то.

Когда в Петербурге хорошая погода, что редкость, люблю гулять по городу. Это своего рода медитация для меня.

— Не думаете ли вы о педагогической деятельности в будущем?

— Да! Безусловно. Я думаю, мне есть, что сказать в этом векторе, есть, что передать младшему поколению. Сейчас я веду уроки в студии и индивидуально. Совмещаю преподавание классического балета любителям и общую физическую подготовку. Многие любители хотят прикоснуться к танцу, классическому балету. Это интересно. Я даже не знал раньше, что не балетные люди могут стать такими счастливыми от своих успехов на классическом уроке. Это непросто — донести им, как сделать грамотно *battement tendu*. Вообще люблю помогать людям с помощью движения. Думаю, что буду связывать себя с этим делом в будущем.

Вообще, возвращаясь к теме балетной педагогики, главное здесь для меня — самоотдача и преданность. Преданность как делу, так и людям, которые в тебя вкладывают.

Но нужно понимать, что вкладывать можно по-разному. Для меня работа педагога и артиста — это такой большой тандем, в котором должны сохраняться тонкие нити доверия, преданности, взаимопонимания. Не сразу и не со всеми можно добиться такого контакта. Но мне повезло.

— Мир балета немыслим без музыки, какой классический композитор ваш любимый?

— Конечно же, это Бетховен. Всем известны его знаменитые произведения.

Без Чайковского вообще никуда. А также без Михаила Ивановича Глинки. Еще не могу не назвать Сергея Прокофьева и его балет «Ромео и Джульетта».

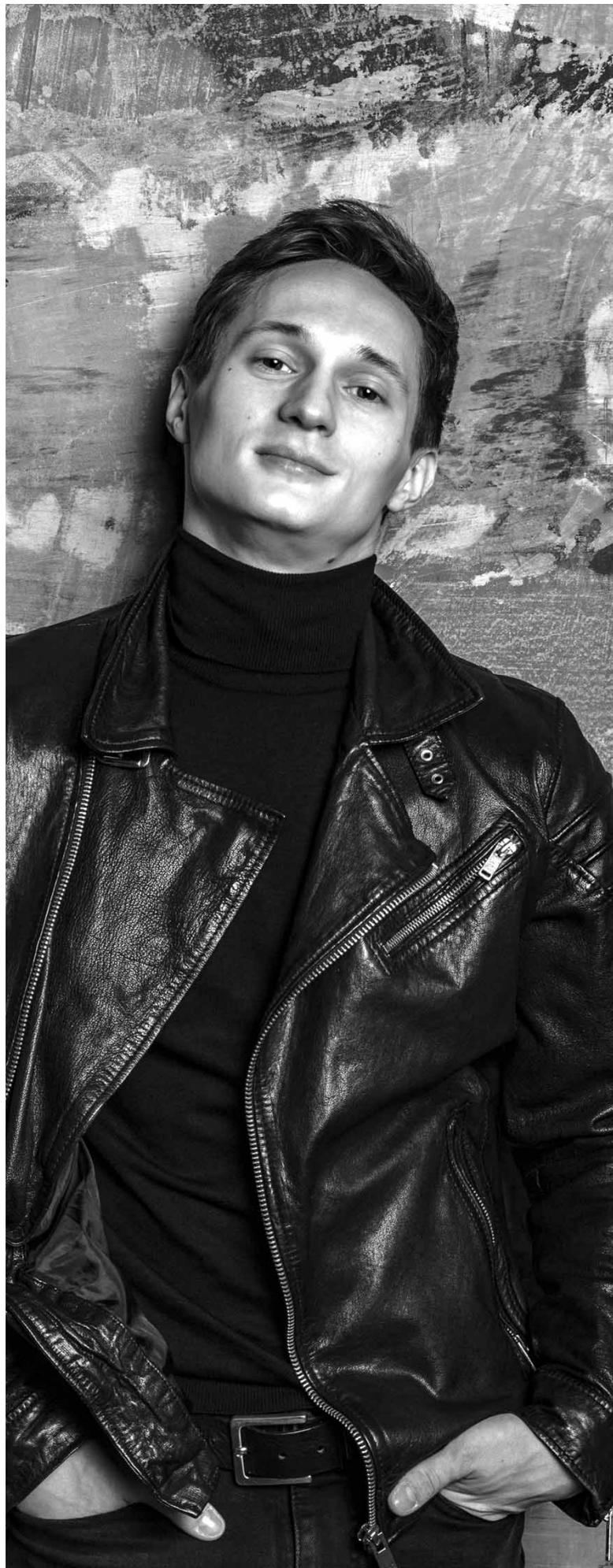
— Какого зрителя вы ждете в театре?

— Ох, это мое любимое! (смеется) Хочу, чтобы каждый человек посещал балетные спектакли. Пусть это будет на свой вкус и цвет, но чтобы люди смотрели и интересовались балетом как искусством, чтобы вникали, сравнивали, анализировали и становились лучше. Это если про «хочу».

А «жду» искренних, душевных и тепло принимающих зрителей. □

Сергей, желаю, чтобы к вам приходили именно такие зрители! Спасибо!

Беседовала **Дарья Парчинская**
Фото Степана Демина и Джигоевой Анастасии

Почем опиум для народа?

Однажды в наш отдел прислали двух молодых студентов из профильного техникума на недельную ознакомительную практику. Теперь в нашем, скромном по размеру, кабинете, расположилось сразу пять человек: двое мужчин в полном расцвете сил чуть-чуть за сорок, два идеологически неокрепших организма до двадцати и я — незамужняя девушка, возрастом где-то посередине названного диапазона.

В принципе, работали студенты неплохо, но был один нюанс — у них абсолютно отсутствовали знания советского кинематографа, в том числе, «нетленных» цитат, которые ранее были известны каждому школьнику, а ведь их так любил и постоянно использовал начальник отдела — Юрий Михайлович.

На второй день практики, обнаружив в холле офисного здания кофейный автомат по продаже натурального кофе, парни приобрели по стаканчику капучино и вернулись в кабинет, распространяя манящий аромат этого божественного напитка. Михалыч, пьющий по привычке растворимый кофе, к тому же не очень высокого качества, опьяненный этим ароматом, хмуро поинтересовался у парней, используя легендарную цитату Остапа Бендера:

— «Почем опиум для народа?»

Гоша, вошедший последним, оглянулся на шефа и испуганно ответил:

— Это капучино! — Потом, когда все расселись по своим местам, добавил: — Если что, мы наркотиками не интересуемся!

Михалыч переглянулся со своим товарищем и недобро усмехнулся, а я, посмеявшись над неосведомленностью молодых ребят, объяснила:

— Шеф спрашивает — сколько стоит стаканчик капучино?

— А-а-а, — с явным облегчением ответил Гоша, — сто пятьдесят.

— «Наши люди в булочную на такси не ездят!» — Отозвался Сан Саныч из своего угла.

Гоша снова напрягся и посмотрел на меня вопросительным взглядом, говорящим — переведи?! Я снова объяснила:

— Саныч говорит, что пить кофе за такую цену — дорогое удовольствие, особенно для студентов!

— Дороговато, конечно, — согласился Гоша. — Зато после этого кофе — бодрячок до самого вечера!

В ближайшую пятницу после обеда парни начали обсуждать предстоящий вечер, из разговора стало понятно, что они собрались в ночной клуб. Михалыч, оторвав взгляд от монитора, вставил свою лепту в их разговор:

— И смотрите там! «Руссо туристо! Облико морале!»

Парни замолчали и, переглянувшись, посмотрели на меня, как бы прося помощи в переводе:

— Шеф говорит, чтобы вы в клубе вели себя хорошо — не напивались и не приставали к девушкам!

— А-а-а, — сказал Артем и, посмотрев на шефа, добавил: — Мы так-то особо не пьем, так что насчет приставаний — это не про нас, чаще наоборот — девушки к нам пристают!

Позже, когда наставников не было в кабинете, парни начали меня расспрашивать:

— Ирина, а откуда Михалыч все эти шутки берет?

— Ну как, откуда? — в свою очередь удивилась я. — Это отрывки из известных советских фильмов: «Двенадцать стульев» или «Иван Васильевич меняет профессию»... — А вы что, никогда эти фильмы не смотрели?

— Смотрели, конечно! — ответил Гоша, — Но так, чтобы их наизусть помнить — это уже перебор!

— Так если их каждый год смотреть... — начала объяснять я, но меня тут же бесцеремонно перебил Артем:

— Каждый год?! А зачем? Я в детстве смотрел эти комедии, но какой смысл их пересматривать по сто раз?

— Не знаю, — ответила я, пожав плечами, потом, подумав, добавила: — Просто раньше хорошие фильмы снимали, вот и пересматривают их, для удовольствия! Я, например, тоже некоторые пересматриваю, особенно когда их перед Новым годом показывают! — Вдруг мне в голову пришла забавная мысль, и я добавила: — Вы, кстати, учтите, что шеф за незнание цитат из фильмов может зачет по практике не поставить!

— Как это?! — опешили ребята и растерянно переглянулись.

— Капец, по ходу, придется все фильмы пересматривать, чтобы быть в «теме»! — покачал головой Гоша.

В этот момент вошел Михалыч и, посмотрев на притихших ребят, спросил:

— «Ну, граждане алкоголики, хулиганы, тунеядцы... Кто хочет сегодня поработать?»

— Юрий Михайлович! — возмущенно ответил Гоша. — Уже половина пятого, мы сегодня и так кучу дел переделали, а вы нас тунеядцами называете...

— Да шучу я, — отозвался Михалыч, — можете по домам расходиться! А я строго добавила:

— Сейчас я вам список напишу, что нужно посмотреть на выходных!

Когда они ушли, я рассказала шефу о своей затее, он посмеялся, но согласился, что, в целом, идея неплохая.

В понедельник, парни пришли на работу в «помятом состоянии», видимо, на выходных выспаться им не удалось. Видя, как Гоша пьет энергетик из красивой баночки, Михалыч изрек:

— Шампанское по утрам пьют или аристократы, или дегенераты!

— Было бы это шампанское! — ответил Гоша. — Но «Бриллиантовую руку» я знаю — моя любимая комедия!

— Юрий Михалыч, — жалобно подал голос Артем, — вы нам практику сегодня подпишете?

— Может, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат? — ответил шеф, грозно поглядывая на него.

— «Двенадцать стульев»! — безошибочно выдал название фильма Артем.

— Ну, считай, что практика не прошла даром! — подала я голос. — Хоть чему-то мы их научили! — И посмотрела на шефа, который выглядел в этот момент довольным как сытый удав.

Конечно же, отчет по практике Юрий Михайлович подписал, студенты вернулись в техникум, и мы позабыли эту историю. Но однажды, года через два, в кабинет вошел молодой парень, который приветливо сказал:

— Здравствуйте! Юрий Михайлович, меня на работу приняли, вот к вам в отдел направили!

— Привет! — отозвался Михалыч. — Знакомое лицо, как фамилия?

— А «фамилия моя слишком известна, чтобы я ее называл!» — ответил вдруг парень, и мы сразу узнали в этом «идеологически окрепшем организме» бывшего студента Гошу.

Место встречи изменить нельзя

Однажды, занимаясь в фитнес-клубе, я заметила парня, который сразу же мне понравился. Во время тренировки я стала выбирать тренажеры поблизости, чтобы он обратил на меня внимание и, в конце концов, это сработало. На одном из тренажеров я специально начала выполнять упражнение неправильно, он заметил и показал, как нужно его выполнять. С этого момента завязалось наше знакомство. Несколько раз мы тренировались вместе, приходя в клуб в одно и то же время, затем как-то раз он предложил мне посидеть в фитнес-баре и выпить по протеиновому коктейлю. После приятного и непринужденного общения Антон пригласил меня в ближайшую субботу в кино.

И вот долгожданная суббота наступила, мы сходили в кино на романтический фильм, посидели в романтическом кафе, а затем он проводил меня до дома и, поцеловав на прощание, ушел, так как обещал родителям вернуться до полуночи, благо Антон жил в этом же микрорайоне, в десяти минутах ходьбы от нашей пятиэтажки. Мы договорились встретиться вечером следующего дня и погулять по набережной. Скажу честно, Антон мне нравился, и я была бы не прочь с ним встречаться, по тому, как он за мной ухаживал, было понятно, что он также хотел бы продолжить знакомство.

Придя домой, я почувствовала жуткую усталость, умылась и тут же завалилась спать.

Рано утром меня разбудил настойчивый телефонный звонок, как оказалось, звонила мама:

— Алена, привет! Ты не забыла, что обещала меня отвезти на дачу?

— Что?! — ответила я, борясь с зевотой. — Мам, ты шутишь? Шесть утра, я глаза не могу открыть, так спать хочется!

— Алена, — возмущенно сказала она, — мы что, зря машину тебе купали? Ты обещала, что будешь возить меня на дачу! Мне нужно посадить рассаду. Сегодня! Прямо сейчас!

Делать нечего, пообещав маме заехать за ней через десять минут, я приняла душ, наскоро собралась и, подумав, что ничего страшного не случится, если я поеду без макияжа и в домашней одежде, вышла из дома. «Все равно в такую рань все нормальные люди спят!» — подумала я, направляясь к машине, припаркованной у дома.

Я заехала за мамой, она напоила меня кофе, и мы выдвинулись на дачу. Вдруг она вспомнила, что там нет питьевой воды, поэтому попросила остановиться у супермаркета и сбегать за пятилитровой бутылкой.

— Мам, ну как я пойду в таком виде?! — возмутилась я. — Посмотри на меня! — На изрядно поношенной белой футболке расползлось пятно от утреннего кофе, который я случайно пролила на себя.

— Ален, ничего страшного, в такое время там вообще нет никого! — заявила мама и, мне пришлось тащиться в магазин.

Зайдя в супермаркет, я осмотрелась в поисках корзины, увидев искомые предметы, наклонилась за одной из них и вдруг услышала знакомый голос:

— Алена, привет! — Это был Антон.

Я с ужасом подумала о том, как выгляжу — не накрашенная, в старой футболке и драных джинсах, — и, прижимая к себе корзину, смущенно ответила:

— Привет! А ты что здесь делаешь?

Рядом с Антоном стояла женщина средних лет:

— Я маму обещал по делам отвезти, кстати, познакомьтесь — Маргарита Петровна!

Поздоровавшись со мной, его мама с улыбкой сказала:

— Ну, то, что она не покрашена — это даже лучше, видно, что красота — настоящая! — На этих словах она посмотрела на кофейное пятно на моей футболке.

— А я вот маму на дачу везу, — грустно сказала я, рассматривая ее маникюр.

— Дача — это хорошо! — ответила Маргарита Петровна и, подумав, добавила: — Кстати, мы на шашлыки едем, старший сын пригласил на природу, может, и ты с нами?

— О, хорошая идея! — оживился Антон. — Поехали, я тебя с братом познакомлю, будет весело!

— Не могу, — помотала я головой. — Мама в машине ждет, я ей обещала!

— Ну ладно, дело твое! — сказала Маргарита Петровна, и они, попрощавшись со мной, пошли на стоянку.

Я же, проклиная дачу, отправилась за водой.

Вода в бутылках большого объема стояла на нижних полках. Пока я выбирала недорогую, пытаюсь рассмотреть ценники, краем глаза заметила чью-то фигуру, стоящую поодаль и откровенно рассматривающую меня. Схватив бутылку, я выпрямилась и возмущенно спросила:

— Обязательно так нагло на меня смотреть?!

Это был мужчина в возрасте, и что-то в его облике мне показалось знакомым. Ничего не ответив, он прищурился, рассматривая мое лицо.

Блин! Я его узнала — это был заместитель генерального директора в компании, куда я ходила в среду на собеседование.

— Здравствуйте, Дмитрий Александрович! — уже спокойным голосом поздоровалась я.

Он тут же вспомнил меня:

— Здравствуйте, Алена! Я просто ждал, пока вы возьмете бутылку с водой, мне тоже нужна пара бутылок!

— Извините! — Увидев, что он рассматривает пятно на моей футболке, я добавила: — Мы с мамой едем на дачу, вот, футболку старую надела, еще и кофе пролила...

— Ну, это ерунда! Мы, кстати, тоже едем на природу, на шашлыки...

В конце торгового ряда показался еще один мужчина:

— Дим, ну ты что так долго?! — сердито спросил он.

— Да вот, Павел Витальевич, девушку встретил, помнишь, я говорил о ней, та, которая в среду приходила на собеседование?

Павел Витальевич напрягся, видимо, вспоминая меня, и честно признался: что-то не припоминаю...

Подойдя ближе, он скептически оглядел меня, обратив внимание на злополучное пятно, и спросил:

— Так, может, ее с нами взять? Там и познакомимся, и обсудим все не спеша?! У нас сегодня выезд с сотрудниками компании на природу, поедете с нами? — предложил он мне.

— Павел Витальевич — генеральный директор! — объяснил Дмитрий Александрович. — Прекрасная возможность пообщаться с ним по поводу работы!

— Но мне маму на дачу отвезти надо! — попыталась я «отмазаться» от этого сомнительного предложения.

— Давайте и маму возьмем с собой?! — предложил Павел Витальевич.

Честно говоря, такого напора я не ожидала. К тому же меня посетила мысль, что, может, действительно это шанс устроиться в компанию на новую перспективную должность.

— В принципе, я могла бы завезти маму на дачу и поехать потом с вами на шашлыки, дача в Веселовке, совсем недалеко отсюда...

— О, так нам как раз по пути, мы на базу «Оазис» едем, за Веселовкой!

В общем, так и договорились. Я завезла маму на дачу, переоделась в приличную одежду, а затем к девяти часам поехала на базу отдыха.

На момент моего приезда там уже было многолюдно, сотрудников компании привезли раньше и рассадили за столами, меня тоже усадили и накормили шашлыками. Осматриваясь вокруг, я обдумывала, о чем разговаривать с Павлом Витальевичем, и тут неожиданно раздался знакомый голос:

— Алена?!

Я обернулась — около беседки стоял Антон и удивленно смотрел на меня.

— А ты что здесь делаешь? — одновременно спросили мы друг друга.

Отойдя в сторонку, мы разговорились, и я рассказала, как встретила в супермаркете руководителя этой компании.

В этот момент он к нам как раз подошел и приветливо спросил:

— Я вижу, вы уже и с моим братом познакомились?!

Мы растерянно смотрели друг на друга, не веря, что возможны такие совпадения. Так в один день, в одном и том же месте, я встретила своего будущего мужа, его старшего брата и моего будущего руководителя в одном лице, а также нашла любимую работу...

Панцирная кровать

Эта история произошла в то время, когда смартфоны только начали появляться в магазинах и стоили приличных денег, которых у меня на тот момент не было, так как зарплаты молодого специалиста хватало лишь на

самое необходимое. Однажды, изрядно намучившись со старым диваном, на котором мне приходилось спать с двенадцатилетнего возраста, я решила поменять его на «нормальную» кровать. Посетив мебельный магазин и ознакомившись с ценами, я прикинула, что для ее покупки мне придется копить полгода, жестко экономя на всем, и этот вариант меня не устраивал. Выход предложила моя лучшая подруга Наташка, она подсказала, что в городской газете можно найти объявления о продаже бывшей в употреблении мебели, но в весьма хорошем состоянии и по вполне приемлемым ценам. Не откладывая в долгий ящик, я купила эту газету и стала просматривать объявления о продаже кроватей. Честно говоря, и здесь цены меня не обрадовали. Поискав около получаса, я вдруг обнаружила объявление, которое привлекло мое внимание и ценой, и описанием продаваемой кровати. Оно гласило, что продается полутораспальная панцирная кровать, бывшая в употреблении, но в хорошем состоянии, причем, с возможностью доставки по адресу покупателя за небольшую дополнительную плату.

Мое девичье воображение тут же нарисовало старинную кровать со спинкой, отделанной черепашьими панцирями, так как я знать не знала, что значит «панцирная» кровать. Я тут же позвонила по указанному телефону и, расспросив подробно о состоянии кровати, уточнила, возможен ли торг? Мужчина, разговаривавший со мной, немного поколебался, но все-таки согласился уступить пару сотен. Согласовав время доставки, я приготовила деньги и принялась ждать. Около пяти часов вечера раздался звонок в дверь. Открыв, я увидела молодого парня, доставившего кровать. Каково же было мое удивление, когда он занес в квартиру железный каркас с крупной сеткой и двумя деревянными спинками.

Увидев мое удивленное лицо, он спросил:

— Что-то не так? Как и договаривались — панцирная кровать, могу даже собрать по-быстрому!

Поняв, что отказаться уже не получится, я обреченно согласилась. Быстро собрав кровать, парень забрал деньги и ушел, оставив меня наедине с этим «монстром». Поначалу хотелось даже плакать от обиды на себя и на свою подругу с ее дурацкими советами. Однако все оказалось не так уж и плохо: сетка была на удивление плотной и почти не прогибалась под моим весом. Позже, после нескольких ночей, проведенных на этой кровати, я вдруг заметила внизу на спинке нацарапанное сердечко с надписью: «Саша + ». Вспомнив парня, доставившего кровать, я решила, что это и есть Саша, и позднее представляла себе, как он долгими скучными вечерами лежал и царапал сердечко — это показалось мне милым и романтичным.

В следующую субботу мне вдруг позвонили с незнакомого номера:

— Здравствуйте! — поздоровался приятный мужской голос, — Меня зовут Саша, я вам кровать продал на прошлой неделе. Извините, но я не могу спать на новом диване, может быть, вы мне ее обратно продадите?

Я, конечно же, отказалась, но именно с этого звонка началось наше общение, которое позже перетекло в романтические отношения.

Когда мы уже стали встречаться всерьез, и он переехал ко мне в «однушку», я торжественно вручила ему гвоздь и сказала:

— Доцарапывай!

— Что? — спросил Саша, удивленно рассматривая гвоздь.

Я указала ему на сердечко и добавила:

— После плюса явно не хватает чьего-то имени!

Через полчаса стараний в сердечке, наконец-то, появилось мое имя. Когда я поделилась об этом со своей подругой Наташкой, она тут же испортила мой романтический настрой, выдав очередной иронический комментарий:

— Мне кажется, что он начал с тобой встречаться из-за своей дурацкой кровати!

Я пересказала этот разговор Саше, он рассмеялся и, покрутив пальцем у виска, сказал:

— Ну и фантазия у твоей подруги!

Позже они познакомились на моем дне рождения, и с тех пор шустрая Наташка стала частенько бывать у нас в гостях, видимо, Саша ей тоже понравился.

Через два года, когда Саша устроился на высокооплачиваемую работу и начал ездить в командировки, у меня появилось время заняться обустройством квартиры. Я наняла бригаду и после косметического ремонта решила поменять мебель. Наташка, забежавшая ко мне в гости и узнав о моих грандиозных планах, предложила продать ей кровать по символической цене, якобы, для дачи. Я согласилась, так как нужно было освободить место для новой кровати. Теперь уже денег на нее хватало, и вместо панцирной я приобрела большое двуспальное ложе с шикарным матрасом известной мебельной фабрики.

Когда Саша вернулся из командировки и увидел ее, он почему-то не очень обрадовался, объяснив это тем, что ему не хватает нацарапанного сердечка с нашими именами. Как ни странно, после этого у нас все чаще начали возникать ссоры, и в один «прекрасный момент» он заявил, что уходит от меня к другой. Самое обидное было то, что он ушел к моей «бывшей» подруге Наташке. Узнав об этом, я вдруг вспомнила ее слова о дурацкой кровати, ради которой, якобы, Саша начал встречаться со мной. Не знаю, насколько это соответствовало действительности, но с тех пор я терпеть не могу панцирные кровати. □

УРОКИ ЛЕГКОЙ ЖИЗНИ

**О любви пишут много.
Это чувство светлое, вечное, счастливое.
И...хрупкое, как дорогая ваза...**

Коля познакомился со своей Ксюшей в караоке-клубе, куда пришел с друзьями. Он сразу обратил на нее внимание, долго исподтишка наблюдал за ней, наконец, решился и пригласил на танец эту симпатичную, нарядную, с пирсингом на нижней губе девушку. Он был молод, опыта по женской части не имел и от смущения стал в сумасшедшем танце Хой рассказывать романтично настроенной девушке о преимуществах Телеграмм против Фейсбука...

Ксюша оказалась девушкой юморной, и они громко хохотали во время танца. Она была студенткой химтехфака по части производства витаминов. Колины «проблемы» в танце она прочитала на раз, но также прочитала для себя и то, что Колин внешний вид ей очень даже понравился.. А как симпатично он морщит нос, когда смеется — так и хочется парня поцеловать! Ксюша всегда выискивала недостатки в своих ухажерах, но в Коле, при всем желании, нашла только один изъян: уж больно громко он хохотал. Впрочем, поправила она себя, кто сказал, что хохот от души — это недостаток? Еще раз взглянула на Колю и вдруг сказала себе, что он будет ее парнем. Сказала, значит, будет...

Ксюша выросла в семье преподавателей математики в Высшей школе, она была девушкой волевой, привыкла ставить себе крутые цели и добиваться их.

Все счастливо сошлось в этой молодой паре: Ксюша — ведущая, а могучий Коля с удовольствием сделался ведомым, любил, когда она давала ему советы, и исполнял их без споров и пререканий.

Колин отец был инженером-строителем, сорокаэтажные дома-свечки, поднимавшиеся кучно в новых московских районах, его прямая заслуга, мама, бывшая когда-то кондитером на подхвате, с недавних пор открыла собственное кафе, желающие полакомиться ее эклерами, занимали с вечера очередь в чате. Все в семье было хорошо, одно печалило родителей: получать высшее образование Коля не спешил.

Оно ему было ни к чему. От рождения к нему были приставлены «золотые» руки и придан талант изобретателя. Вместо того чтобы читать учебники, писать конспекты и развиваться как личность, он с детских лет с удовольствием ковырялся в компьютере, а потом стал блогером и программистом. «Эдисон» — называли его друзья, «Кулибин, вашу мать» — говорили те, кто завидовал его рукам, таланту, заработку и общению с жизнью, в которой все у него легко получалось.

Вскоре молодые люди сыграли свадьбу. Родители с обеих сторон молодых приглубили, новая семья возникла быстро и, казалось, навсегда.

У Ксюшиных родителей обнаружилась старая, запущенная, еще советских времен дача, и тут уж Коля проявил себя во всем блеске. Ксюша, как обычно, командовала — Коля с удовольствием исполнял. Копать землю, сажать, косить, менять крышу и худой, «поющий» водопровод — стало любимым его занятием. Молодой муж все делал быстро, качественно, со смехом, и сил в нем было как у танка. «Легче, Коля!» — говорил он себе, и так же легко, можно сказать, качественно возник у семейной пары маленький Борик — общая семейная любовь математиков, строителей и кондитеров.

Так и жили: дружно, прочно, с долгими планами на жизнь и мечтами. Последние, в основном, рождались в премудрой голове Ксюши. Мечтали о своей просторной квартире и машине — вездеходе, чтобы всей семьей ездить на дачу и на шашлыки у реки, мечтали о дальних путешествиях. Ксюша больше всего почему-то мечтала тогда о стране «утренней свежести», то есть, о Корее. Как только с утра ветерок шевелил занавеску, она сразу вспоминала эту страну своей мечты. А Коля... раз так хочет Ксюша, он тоже стал мечтать о Корее. Они всегда думали и мечтали одинаково, именно о таких говорят: живут душа в душу.

Но однажды, конкретной, 20 февраля 2022 года, неожиданно началась СВО, которая погрузила семью в ожесточенные споры. Подобные новости просвечивают людей лучше рентгена. Особенно когда люди собираются вместе за общим столом.

Борик прыгал и носился по комнате, но на него не обращали внимания — семья молча обдумывала тяжелые мысли. Особенно озабоченно выглядела кондитерская мама, украинка Светлана Пушенко.

— А у меня дед с Бандерой воевал, был ранен, — высказался Илья Михайлович, преподаватель высшей математики.

— Любая война ужасна, — вздохнула Ксюша, — тем более, когда брат воюет с братом.

— Слава богу, — подвела итог супруга Ильи Михайловича математик Наталья Леонидовна, — мы все уже не очень молоды.

Сказала так, не подумав, а когда подумала, заметила, как все смотрят на Колю.

Обед закончился традиционно: кофе с эклерами. Эклеров целая ваза, ешь — не хочу, три пирожных даже Борьку перепало, но разговор о том, что более всего всех волновало, больше не возникал.

Коля тоже весь вечер молчал, смотрел по «ящику» футбол, но Ксения чувствовала, что молчание Коли есть его самое красноречивое высказывание.

И когда, уложив Борьку, они остались вдвоем, она ему твердо заявила, чтобы о войне он даже не мечтал.

— Не сходи с ума, Коля, — сказала она. — У тебя маленький сын, дача, работа, поездки — прекрасная жизнь, одним словом...

— Именно поэтому, — ответил он, — я не могу жить как прежде.

— Я тебе запрещаю! — воскликнула Ксюша. — Категорически!

Он ничего не ответил и молча выключил свет...

На третий день молчания Коля подписал контракт с Министерством обороны. Это был первый раз, когда он ее послушался.

Прощались они без слов.

— Одно могу сказать: ты — дурак, — единственное, что выдавила из себя Ксюша.

— Полный, я знаю, — согласился Коля и поцеловал ее и Борьку. — Сына сбереги, если что...

Она припала к нему, буквально влипла в него носом, зная, что лицо со временем может забыться, а вот родной запах не забудется никогда...

Коле как компьютерщику выдали автомат, броник, гоняли две недели по тренировочным окопам, учили стрелять, бросать гранату и, наконец, определили в спецподразделение беспилотных летательных систем с простой задачей: запускать по врагу свои дроны с взрывчаткой, отслеживать и обезвреживать «птички» противника.

«Легче, Коля!» — сказал он себе и азартно полез в драку. Тем более что его война началась на берегах мутного Днепра, в тех местах, которые он знал с детства, когда приезжал ловить лещей к жившему здесь брату мамы Андрею.

Первые два месяца было трудно. Коля дежурил на передовой точке, заступал парой с такими же, как он, ребяташками, то в ночь, то в день. Зеленки еще не было, и местность просматривалась хорошо, но, увы, и его хорошо было видно сверху. Дрон «Баба-Яга» жужжал над ним басом как шершень, а шершень, он помнил с детства — это не комар, не пчела, не оса, шершень — это смерть, которую надо бояться. Так однажды и случилось. Коля вмиг вспомнил Бога, хотя в церковь никогда не ходил, когда Сашку-москвича, стоявшего рядом, «Яга» накрыла. Нога бойца повисла тряпкой, из нее хлынула кровь...

Коля впервые увидел в изобилии человеческую кровь, но его не замутило. Он с размаху вколол Сашке промедол и потащил солдата в укрытие.

— Отпусти! — стонал Сашка. — Брось меня! ! Не тронь! Дай полежать!

— Счас, счас! — отвечал Коля и, не прерываясь, тащил Сашку к медсестре Вике, которая уже ползла им навстречу.

Сашку спасти не смогли, умер от потери крови у него на глазах. Коля не сообщил об этом эпизоде Ксении. О чем сообщать? О смерти рядом? Написал только, что все нормально, он работает.

А вскоре ранило и его.

Он шел вперед в штурме, и его словно ударило снежком в ногу. Как в детстве — ледяным снежком по тонкой голени. Кроме ожога болью он ничего почувствовал, вырубился сразу.

Вика в тот раз спасла его. Промедол, теплое дыхание у щеки, слова и долгий нежный поцелуй.

— Терпи, Коля, — шептала она. — Думай о жене, сыне, доме. Думай и терпи.

Он думал, терпел и смотрел на собственную кровь. Его не замутило, но удивило, что его кровь такая же, как у Сашки, как у любого раненого солдата, будь то наш или убитый враг, найденный в окопе. Далекие мысли приходили ему в голову, но он не мог их сформулировать...

Колю отправили в тыл. Напоследок майор пожал ему руку и сказал: «спасибо, боец!»

В госпитале его прооперировали, там он узнал, что награжден медалью «За отвагу», а потом комиссовали на гражданку — хромого, с палочкой, правда, временной, пообещали врачи.

Конечно, дома был праздник. Смех, слезы, любовь, торжество. Общий праздник архитекторов, химиков, математиков. Тост за победу выпили

все, кроме уклонившегося кондитера Светланы Пушенко, на жесте которой, впрочем, предпочли внимание не заострять. Медаль «За отвагу» торжественно вручили Борьке, и он так и уснул с ней...

Жизнь на глазах возвращалась на счастливые круги. Любимая жена, сын, родители, любимая дача, где, дожидаясь его, уже желтели бока любимой антоновки. Он получил все положенные выплаты, которых хватило на машину, а на новую квартиру, правда, не хватило, но главный банк страны дал ему безвозмездную ссуду.

Прошрое можно вернуть, думал Коля, и забыть, выбросить из памяти то канувшее время, что было между прежней легкой жизнью и наступающим настоящим, к которому он пришел заново. Сны, правда, иногда мучили его, но он гнал их от себя, ждал, когда они совсем исчезнут.

Но сны и память оказались не самой трудной преградой на пути к новому счастью. Наступил день, когда Коля поймал себя на том, что Ксения и он стали думать и мечтать по-разному.

Все ему было не так. Она, как и раньше, давала ему красное сухое вино, а ему хотелось вредной водки. Она по-прежнему мечтала о Корее, а он теперь больше думал о Байкале. Она бредила шумными улицами, фестивалями, громкой музыкой и смехом, он мечтал о глухой лесной заимке и удочке на берегу озера.

Их по-прежнему держал вместе Борька, и потому оба не заметили, как незаметно треснул семейный плот, они как половинки, разделившись, начали понемногу отплывать друг от друга и делаться чужими.

Каждое утро Коля начинал на бульваре с планшетом, где просматривал последние сводки о войне — дома смотреть такие новости ему мешала Ксения. Потом подолгу гулял с палочкой: сначала по рекомендации военврача, который советовал больше нагружать хроющую ногу, потом из-за того, что не очень тянуло домой.

Ксения первой почувствовала угрозу. Как-то вечером объявила, что заказала два авиабилета на полет в Сеул — Корея. Былая мечта не отпускала ее, и она надеялась, не отпустит и его. Ты со мной? — спросила она.

— Я хочу спать, — ответил Коля и выключил свет.

Ответ был ясен и других толкований не имел. Ксения поняла, что он все еще на войне. Кстати, в ту ночь ему впервые приснилась мединструктор Вика и ее нежный поцелуй...

Коля чувствовал, что приближается «последняя точка». Глядя на Борьку, заставлял себя думать иначе, но получалось плохо.

«Последняя точка» могла не наступить никогда, как не наступает она у очень многих людей, которые по инерции продлевают молодость и зрелость, незаметно переходящую в равнодушную старость. Но у них «последняя точка» наступила быстро.

Джип, который он купил, стал для Ксюши счастьем. Она пела в голос, когда, садясь за руль, полсотни километров летела по широкой ленте на дачу. Она обожала машину, это был ее триумф, ее судьба.

Но... специалист по витаминам оказалась обыкновенным лихачом. Скорость, триумф и счастье на колесах подставили подножку ее судьбе. Как-то вечером Ксения явилась домой в состоянии дрожи и близких слез. Она рассказала, что, заезжая на парковку возле их нового дома, вмазала задним бампером в какую-то дорожную машину. Очень прилично вмазала, смяла весь бок.

— И что? — напрягшись, спросил Коля.

— Потихоньку сдала назад и уехала.

— Не дождавшись хозяина покореженной машины?

— Не волнуйся, там нет камер.

Коля смотрел на нее и не верил своим глазам: интеллигентная, порядочная, честная Ксения — это она?

— Я не о камерах... Я о порядочности.

— Ерунда! Им выплатят страховку.

— В этих случаях страховка не работает... Ты должна вернуться и дождаться хозяина.

— Никуда я не пойду!

И это она, его совсем недавно любимая жена. Сходившая с ума от далекой Кореи и чистых мечтаний и сошедшая с ума от простой машины!..

— На войне тебя бы не поняли, — тихо сказал Коля.

— С чего ты взял?

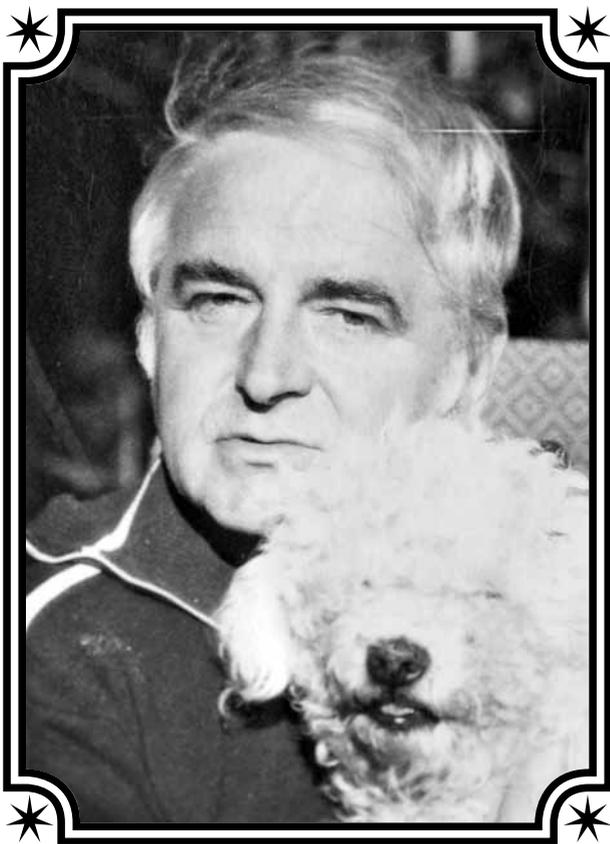
— Я там был. Я видел кровь.

Он дал ей какое-то время, надеясь, что она передумает, но она не передумала. Скрылась в ванной и щелкнула задвижкой.

«Здесь — тоже война, — подумал Коля. — А на войне самое главное — быть на справедливой стороне».

На рассвете, поцеловав Борьку, он от нее ушел.

И, дождавшись дня, позвонил мединструктору Вике... □

Татьяна Кудрявцева

Сад Линда

Судьба распорядилась так, что мы с журналисткой Галиной Георгиевной Зябловой оказались двумя литераторами, «приписанными» ею к этому невероятному человеку: Евгению Алексеевичу Линду, создателю уникального музея искусства блокадного Ленинграда. Этот музей — гимн в честь любимого города, в честь его великой истории, культуры и подвига. Линд придумал создать музей в школе, создать вместе с внуками героев, и назвать его «А музы не молчали» — в противовес древнему утверждению, что, когда, «говорят пушки, то музы молчат». Наши блокадные музы не молчали! Они сражались. Сотворяли бессмертное искусство, которое приближало Победу.

Как пуст сегодняшний мир без Линда... Пространству не хватает размаха, колорита и глубины. Ни сердце, ни голова не воспринимают его уход, хотя прошло уже 20 лет.... Он мог позвонить посреди дня и крикнуть: «Надо срочно написать про доктора Гурчина! Представь себе, он оперировал со сломанным тазом. Сидя! Не стал отменять операции. У него приоритет — спасти больного. Операция прошла блестяще! Гурчин — великий нейрохирург. Бросай все и беги ко мне». Или: «Завтра встреча исполнителей Седьмой симфонии! Ребята нашли Петрова, Петров — это фагот! Искали по всей стране, а нашли в Ленинградской области. Приходи! Поговори с ним! Необыкновенный человек!»

Сколько таких его звонков и заданий сваливалось посреди дня и посреди ночи. Посреди жизни, заваленной заботами, делами, стрессами. Как у всех. Ну никак, ну не с руки было куда-то еще мчаться, а иногда попросту ползти. А уж его настойчивость и дотошность, чтобы вставить в ограниченные «металлом» газетные строчки — и про того, и про этого, не потеряв ни единого факта, ни одной фамилии. Без сокращений! Журналистская жизнь суетлива, все на бегу, на скаку, все в шорах информационных поводов и дат. А для него человек был прекрасен сам по себе. Не только в праздники, но и в будни. Хотя... Линд, обладая гибким умом и неистощимой фантазией, приравнивался к нашей «специфике», талантливо изобретая все новые «информационные поводы», дабы осветить еще одну яркую личность, еще один неповторимый миг истории. И ведь не во имя славы, не во имя сухого факта. Исключительно, чтобы кому-то помочь. А значит, продлить чью-то жизнь...

Сейчас думаю, хорошо, что ехала, мчалась, ползла на его сумасшедшие звонки, хотя и ворчала в душе. И жалею, что не всегда и не все успевала.

Перебирая свои заметки, восстанавливая года и лица, пытаюсь восполнить утраченное во время версток, правок, торопливых сокращений. А если за фактом, за фамилией, некогда открытыми мне Линдом, удастся обнаружить что-то новое,

как произошло в случае с блокадными архитекторами, горжусь и грущу. Горжусь, что чему-то от него научилась, и грущу оттого, что он этого не прочтет. Не позвонит мне, смеясь и плача от полноты чувств, как мог только он.

Господи, до чего ясно теперь: он был прав во всем. Второстепенного в истории не бывает, нить времен непрерывна, тем более, когда речь идет о вершинах человеческого духа.

В этом человеке жизнь была ключом, фонтаном, Ниагарским водопадом. Разве может она просто иссякнуть, иссохнуть, прекратиться?!

В одном моем стихотворении были такие строки — об ушедшей родной душе: «Она во тьме не пропадает, она с тобою говорит...» И правда, говорит.

Увидела в музее, в 235-й школе — комнату Линда, с его коллекцией кукол, стареньким фотоаппаратом, гантелями... Особенно меня поразил кухонный стол. Я просто застыла: как мы, втроем, вчетвером, впятером... свободно и весело за ним умещались?! Оттого, наверное, что его хозяин умел приветить всех и каждого.

У стола мощная старинная, резная столешница. Как основание векового дуба, с множеством годовых колец. Вещи Линда неуловимо похожи на него самого — крепостью и благородством.

Как-то в разговоре, ссылаясь на шведские дедовы корни, Евгений Алексеевич перевел нам свою фамилию: «Линд — это дерево» А ведь,

действительно, он был исполином. Великолепным, сильным, вековым древом... Судьба сложила для него непростую, но прекрасную биографию — сплошные испытания, с первого до последнего дня из огня да в полымя. По сути, Линд прожил не одну, а три жизни. Он был великий импровизатор. Его рассказы я могу уподобить эпосу и джазу — былине и блюзу одновременно. И все это в одном жарком котле, точно кипятик в гейзере, точно в вулкане — лава.

Как часто его истории казались нам придуманными — сгусток небывалых легенд концентрировался на одном сантиметре человеческой жизни! И как часто это небывалое оказывалось правдой. Подтверждения приходят в самый неожиданный момент. До сих пор получаю со всех сторон эти доказательства, будто знак какой-то, что разговор наш с Линдом все длится, что собеседник мой продолжает подавать реплики, яркие как репризы...

Линд спас многих людей. И на суше, и в воздухе, и на водах. У Евгения Алексеевича была медаль за спасение утопающих. Так вот, утопающих в жизни Линда набралось восемь! Естественно, многие сомневались: так-таки восемь, не чересчур ли? Но однажды кто-то из коллег рассказал мне, как случайно повстречался с восьмым не утонувшим благодаря Линду!

А была еще дивная история про то, как он вез старинный питерский

фонарь в слободку Шелеховскую! В музей Ахматовой, который он открыл на Украине. Между прочим, Линд там не только музей помог открыть, но и дорогу построить... Об этом я тоже слышала потом от очень многих очевидцев.

Как часто в его квартиру была открыта дверь — народ шел косяком. Линда почитали и уважали все, начиная от великих и знаменитых, и кончая бомжами, которые заглядывали и спрашивали: «Не нужно ли чего?»

Знакомые и друзья отыскивались порой абсолютно неожиданно. В городе нашем одних только учеников у Линда — тысячи... Однажды Евгений Алексеевич остановил свой «Запорожец» где-то на канале Грибоедова. К нему моментально подлетел бандитского вида молодец: «Мужичок, стоянка здесь платная! Тащи «лимон!»» «Что такое — лимон?» — ошарашено спросил Линд, так и не усвоивший теперешний сленг. Но в ту же минуту, моментально, возникли еще двое — один «браток», другой милиционер, и хором они прокричали первому: «Ты что, обалдел, какой «лимон»? Линда не знаешь!?» И хором Линду: «Извините, Евгений Алексеевич! Здравствуйте!»

... Когда хоронили Линда, некоторые недоумевали, почему так тихо, почему все молчат? И почему город не кричит о том, что случилось: газеты, радио, телевидение? А потому, что Линд хотел уйти тихо. Потому, что в завещании, которое он продиктовал Галине Георгиевне Зябло-

вой, попросил: «Без речей, без некрологов, без митингов». Он боялся суеты, сторонился псевдовеличия и трибун. И в этом тоже была правда его эпической личности. Кто-то все же позвал телевизионщиков, и тогда его приемная (и бесконечно родная) дочь Настя деликатно попросила их уйти.

Не всегда аплодисменты — истина, иногда истина — в гулкой тишине, которая дороже слов. Линд хотел, чтобы мы держали паузу. И мы ее держали. Но вдруг кто-то сбивчиво проговорил: «Нет, Жене надо было возразить! Про него — тихо — это неправильно, про него надо громко! Он любил, чтобы ему возражали!»

Я с трудом разлепила губы и произнесла: «Возразить можно лишь живому. Ушедшему не возразишь, к нему можно только прислушаться. Чтобы уважить его волю».

А сорок дней спустя, посреди морозов вдруг снизошла оттепель. Словно для того, чтобы собрать людей у могил на Сирафимовском. У могил Евгения Алексеевича и Людмилы Николаевны. Наверное, это неукротимый Линд устроил для нас спасительную оттепель. Как послабление...

Именно тогда мы начали писать о нем книгу. Но потом ушла и Галина Георгиевна. Продолжать выпало мне. Вот некоторые фрагменты из этой рукописи.

Первая жизнь Линда

...Линд был парадоксален: по-старинному консервативен и по-современному молод! И размашист, и аккуратен. Необычайно талантлив и органичен. Он был соткан из противоречий: обладал бесстрашием и стеснялся быть нахальным; был способен на резкость и на безмерную нежность, был романтиком и реалистом. Имел буйную гипертрофированную фантазию и не переносил лжи. Умел любить и не умел дарить цветы. Фонтанировал идеями и как никто воплощал в жизнь даже самую невероятную из них. Он мог пробить любую «стену, но страшно мучился, если вдруг кого-то обижал. Линд был выдающимся спортсменом и глубоким интеллектуалом. Сочинял прекрасные стихи, песни, был одаренным режиссером, артистом, певцом, водителем-гонщиком и дотошным исследователем. Отличался красотой и был абсолютно лишен цинизма. Не мог никому отказать в помощи. И был дико нетерпелив.

Как ему удавалось при всем этом «джентльменском наборе» являть собой неповторимого педагога, одному Богу известно! Но то была главная ипостась Евгения Алексеевича Линда — учитель.

Линд преподавал в 235-й школе физкультуру. Но, наверное, легко мог бы давать уроки и по истории, литературе, географии, искусствоведению... Он не произносил пустых

слов о патриотизме, а вовлекал ребят в летопись подвига. Дети не просто росли на фоне Музея, но являлись активными участниками поиска, встреч и озарений, проникаясь силой и красотой духа. Вокруг Линда сплотилось огромное музейное братство. Боже мой, какие это были люди! Титаны.

Впервые я увидела Евгения Алексеевича как раз в то кипучее время. Написала и вспомнила, что историки называют семидесятые «эпохой застоя». Ха! Линд и застой — эти две вещи несовместимы так же, как гений и злодейство...

Музейные витрины разместили, начиная со школьного перехода. Линд сам вел экскурсию. Никогда не забуду своего потрясения. Мне навеки врезалась в память дата: 9 августа 1942 года. День, когда из осажденного города на весь мир прозвучала Седьмая симфония Шостаковича. В витрине были подлинная афиша и блокадный репродуктор — черная тарелка из грубого картона. Фотография Элиасберга: медальный профиль, обточенные голодом скулы и упрямый вдохновенный взгляд. Линд рассказывал нам, как гениального дирижера привезли на первую репетицию на саночках, как большинство музыкантов от истощения не смогли подняться по лестнице, как они сидели, ссутулившись, с черными от коптилок лицами, в шапках. И что та репетиция продолжалась всего сорок минут. И как незадолго до этого Бабушкин, художествен-

ный руководитель Ленинградского радиовещания с горечью сообщал: «Первая скрипка умирает, барабан умер по дороге на работу, валторна при смерти...» Карлу Ильичу Элиасбергу предстояло увеличить оркестр больше, чем вдвое! И восемьдесят раз переписать партитуру — для каждого из инструментов. Все это в условиях нечеловеческой блокады. Переписывали Григорий Фесечко (скрипка) и Михаил Смоляк (тромбон). Фамилии многих оркестрантов я запомнила тогда с голоса Линда: Ксения Матус (гобой), Галина Ершова (флейта), Борис Петров (валторна)... Хотя нет, Петрова следопыты Линда нашли чуть позже.

Голос Линда, ведущего экскурсию, был взволнованный, с грассирующими нотками — мысль набегала на чувство, как волна на волну, и все это выплескивалось из берегов и обрушивалось на вас штормовым «девятым валом». А лицо! Каким освещенным было его лицо!

Открывая нам свои богатства, Линд все время перемещался от экспонату к экспонату, и мы неслись за ним, обратившись в слух

Именно тогда я впервые услышала про букет ромашек с нейтральной полосы, про блокадные балетные туфельки, про ноты, пробитые осколком, про костюм и дирижерскую палочку Элиасберга. Впрочем, нет — костюма и палочки тогда еще не было в витрине. Но они уже были завещаны этому музею Карлом Ильичом. И когда в феврале 1978-го

Элиасберга не стало, Линду позвонила вдова, Надежда Дмитриевна и сказала: «Приезжайте!» А потом Линд исполнил печальную миссию (дирижер попросил его об этом еще при жизни): одну часть пепла из погребальной урны развеял по Фонтанке у Летнего сада, другую у Клодтовских коней... А через несколько дней опять Линду позвонила Надежда Дмитриевна и позвала: «Линдушка, я жду Вас. Я отдам Вам последнее, что осталось, — две тетради записей концертов...»

Прирожденный музейщик, Линд бережно собирал документы, вещи, воспоминания, первым осознав бесценность этих экспонатов. А сколько дней, месяцев, лет ушло на то, чтобы установить имена и даты, обнаружить адреса, разобраться в судьбах, отыскать легендарных людей — всех исполнителей Седьмой симфонии Шостаковича 9 августа 1942 года! Этот учитель поднял на ноги всех своих учеников. Таня Мартынова, Таня Волкова, Лена Смирнова, Оля Огнева, Вера Орлова, Люба Герашко... — несколько поколений следопытов, горячих помощников Линда, обошли все улицы старого Ленинграда, разыскивая квартиры музыкантов; прочли шесть тысяч (!) рукописей, написанных в блокаду композиторами и музыковедами. Отправили тысячи писем. Исправили больше десятка ошибок в программке 1942 года...

Я сейчас говорю лишь об одной теме музея. Но кроме «музыкаль-

Людмила Николаевна Федотова

ной» экспозиции, создавались еще и «театральная», и «цирковая», и «книжная»... Линд задумал немыслимое — воссоздать историю всех блокадных муз. И эта история заново начала рождаться в школьных стенах. Как эпическая поэма...

Музею уже выделили школьный флигелек. Как же мы любили приходить туда на встречи, которые он устраивал, чтобы рассказать нам про своих героев. Герои сидели рядом с нами и моделировали на глазах. Линд продлевал им жизни.

Задумать и создать — для него вещи одного порядка. Таков был масштаб этой личности. Личности с могучей корневой системой, в генах которой дерзкий интеллект навеки сплавился с неукротимым характером.

Генеалогическое древо Линда упирается в аристократов Безбородовых и шведских полководцев, осевших в России со времен Полтавской битвы. Дед Евгения Алексеевича, Павел Эдуардович, учился в Казанском университете во времена оны, и даже, поговаривают, был одним из инициаторов той самой университетской стачки, которую позже приписали вождю. Но вскоре Павел Эдуардович напрочь отошел от идей социал-демократии. Он читал лекции совсем на другие темы, вросши в реликтовый слой петербургской культуры. А еще он был разносторонне одарен — рисовал, музицировал, не чужд был литературным занятиям и даже освоил художественное литье. А еще сам сделал для себя скрипку, и когда повредил правую руку, научился играть левой.

Его сын, Алексей Павлович, отец нашего Линда, был довоенным директором ТЮЗа. Говорят, особенным директором. Редкой душевной организации. Свою единственную героическую роль Алексей Павлович сыграл не на сцене, — в жизни, когда 23 июня 1941 года забрал в костюмерной театра шинель и ушел в ней на фронт. Он воевал на Невской Дубровке, на Ораниенбаумском плацдарме. На самых тяжелых направлениях... Обладая абсолютным слухом, раньше других схватывал на передовой все подозрительные шорохи и шелесты, сохранив этим не одну человеческую жизнь. Свою же положил в Мясном Бору, под Новгородом,

в Долине смерти, которая сейчас называется Долиной Мужества...

Сын нашел его могилу не сразу, после многолетних и безуспешных поисков, став по возрасту гораздо старше отца.

Без войны в тех местах нереально красиво и тихо. Линд приехал в деревню не один, с ним были друзья, — опора будущего музея. Среди них прекрасный актер Александр Хочинский. Линд рассказывал, как они дали в деревне концерт для жителей, бесплатный, разумеется, и Хочинский спел те самые военные песни, которые некогда пел его отец, артист фронтовых агитбригад. Теперь в музее есть зал, посвященный героическим агитбригадам, а когда он создавался, не было ничего, кроме отцовской похоронки и карманных часов Алексея Павловича, перешедших к сыну. Можно сказать, часы продолжали идти, нарезая своими стрелками время, прожитое не зря. Сын не позволил этим часам остановиться...

Лет через пять после открытия Линд привез музейную выставку в Театр музыкальной комедии. И, как всегда, начал рассказывать о блокадном искусстве. В зале установилась хрустальная тишина. Могу себе представить эту тишину. Такая случается после грозы, после вихря, ливня, грома с молниями, когда природа, смолкнув от потрясения, выдает миру волшебную радугу.

Радугой стала встреча, которая была подарена Линду судьбой в тот день.

Когда он закончил выступление, кто-то из артистов сказал ему:

— А наша прима убежала за кулисы. Слушая вас, она расплакалась...

Линд полушутя произнес:

— Что же это за прима Театра оперетты, которая плачет в музее? Познакомьте меня с ней!

Это была Людмила Николаевна Федотова.

Когда я думаю об этой женщине, на ум всегда приходит мысль о щедрости природы, которая, бывает, брызнет россыпью, где каждая песчинка золотая. И тогда на свет является Королева, Донна, с неправдоподобно распахнутыми глазами, с ликующей улыбкой, с редкой статью, с царственной походкой! Такая, как Люся. У нее было необыкновенное лицо и необыкновенный голос, упоительный, необычного тембра — хрустальный и, одновременно, органнй, словно орган был внутри. А еще необыкновенная душа, где нежность соединялась с твердостью, талант с достоинством, красота с умом, чистота с глубиной, лихость с верностью, а истина с любовью.

Им хватило двух встреч, чтобы соединиться навсегда. Линд «удочерил» Люсину семью — Люсину дочку Настю, Люсину маму, Анастасию Алексеевну и их пушистую белую собачку.

Они прожили в гармонии пять лет. А потом случилась беда. В 1978 году...

*Людмила
Николаевна
Федотова
в роли Доньи
Жуаниты*

Вторая жизнь Линда

Судьба часто бывает предусмотрительнее самого человека. Как спортсмен, Линд был хорошо тренирован и вынослив. Словосочетание «настоящий мужчина», ставшее почти анахронизмом, подходит к нему в полной мере. Как-то поздним осенним вечером он защитил на улице незнакомую женщину от полупьяных подонков. В качестве кастета они использовали бетонную урну и били ею по его голове.

Нитка жизни, казалось, почти оборвалась. Почти. Из всех четырех конечностей чуть-чуть двигался лишь один палец на левой, по-моему, руке. Когда Люся привезла бездыханное тело в больницу, врачи сказали ей: «Он безнадежен. Даже если случится чудо, он останется неподвижен и нем. Сейчас нам отвечает лишь один палец на одной руке, воз-

можно, активность этим и ограничится. Вас это устраивает?» И она ответила: «Меня это устраивает! Даже если... Пусть и один палец...»

Операция, которую провел в больнице Урицкого нейрохирург Феликс Александрович Гурчин, фантастична. Впоследствии, узнав о ней, некоторые зарубежные коллеги, недоверчиво качали головами и называли его безумцем. Но на таких святых безумцах и держится наша страна. Пальцы Гурчина были талантливы так же, как пальцы Элиасберга. Хотя дело здесь не только в таланте. Надо быть еще, Божьей милостью, человеком. Он был далек от шумихи и почестей и, я полагаю, вовсе не практичен в житейском смысле. Да и к чему это ему? Провидение само просчитает за гениев по их счетам.

... Гурчин спас этот мозг. Но человек был обречен, по меньшей мере, на неподвижность. Только не

такой, как Линд. И не с такими друзьями. И не с такой женой.

38-й курс Института Лесгафта, сокурсники Линда, — их было двадцать три, у всех свои проблемы, своя судьба, своя семья, — развернули жизнь на 180 градусов, лицом к своему брату. Точнее слова, пожалуй, не подберешь, это была железная сцепка, светлейшее братство. Разбившись на бригады: будняя, воскресная, экстренная, — они превратили сутки в соты, максимально используя каждую ячейку. Их дежурства помимо прочих больничных забот включали в себя массаж — ежедневный, разнообразную гимнастику, с изготовлением специальных приспособлений, и... ходьбу. Разумеется, не сразу. Сначала надо было научить его шевелиться, потом сидеть, потом надевать рубашку (на что понадобилось три месяца), потом вставать. Не просто поставить на ноги — вернуть своего товарища к нормальной жизни.

В их «сотах» не было ни одной пропущенной клетки — ни за неделю, ни за месяц, нет, в течение трех лет!

Они перенесли центр тяжести беды на себя. О такой дружбе я читала только в книгах. В классической литературе.

Они учли все, даже Люсины премьеры, сказав ей, что никаких отмен не будет. Категорически.

За все время беды Люся сумела не утратить силы духа и не потерять голоса. Она жила как на войне. Ее премьеры были, точно взятые города

на фронтовой карте великих сражений. Каждый раз жена давала обет Судьбе: если он выживет, я спою...

Линд прошел через шесть клинических смертей.

В один из черных дней, когда все опять повисло на волоске, Люся, до боли вглядываясь в гаснущий родной взгляд и лихорадочно перебирая в памяти события последних дней, искала соломинку, которая помогла бы задержать этот взгляд на краю бытия. Специалисты называют это доминантой. У каждого из нас где-то, глубоко в коре головного мозга, существует группа клеток, самых жизнеспособных, цепких, в которых как бы фокусируется главный жизненный интерес, ценностный ориентир: Деньги. Слава. Свобода. Карьера. Политика. Или.. Сад...

Люсе казалось, что прошла вечность, а в самом деле, должно быть, миг, и она сказала: «Женя, летчика нашли...»

Ему не надо было объяснять, какого. Того самого, который вез партитуру VII Симфонии Шостаковича сквозь войну.

И это была доминанта жизни ни на кого не похожего Линда.

Жена попала в точку. Она угадала. Точнее, определила эту точку своим безошибочным шестым чувством. В зрачке больного вновь вспыхнула искра.

Потом была еще одна операция. И не один день борьбы. Но никто не отступил. Ни друзья, ни врач, ни Люся, ни он сам. И они его вымолили, вы-

царапали тогда у смерти. Выходили. Орбита их стала общей. Орбита второй жизни Линда. И вечных муз...

А в 1982 году, к сорокалетию исполнения Седьмой, Линд собрал всех участников этого события во Дворце культуры имени Первой пятилетки. В зал, который сейчас существует лишь в нашей памяти, пришли музыканты и артиллеристы, обеспечившие городу 80 минут тишины, работники Радиокomiteта — они на саночках привезли на репетицию великого дирижера. Слетелись те, кто слушал блокадный концерт, и среди них взрослая уже девочка, подарившая дирижеру букет живых цветов тогда, в 1942-м — в блокаде это казалось чудом. Нашли даже работницу завода «Светлана», которая изготавливала радиолампы — с их помощью концерт из осажденного города транслировался на Европу.

Зал был полон любви, единения и величия. Там сидели друзья Линда, друзья Музея. И Линд называл каждого, никого и ничего не забыв.

Когда я услышала фамилию — Литвинов, сразу вздрогнула и устремила на него взгляд. Это был Василий Семенович, полковник в отставке, бравый, крепкий обаятельный летчик, спасший в том историческом полете партитуру Симфонии, и три года назад, невольно для себя самого, спасший Линда.

Были названы имена всех — и живых, и уже ушедших. Красные следопыты не упустили никого и ничего.

А ведь эта встреча никогда бы не состоялась, если бы не Линд!

Это был очередной подвиг человека, совсем недавно вернувшегося к нам с того света, человека, превозмогшего смерть, родившегося во второй раз. Линд опирался на две палочки, но все равно вставал. Вставал и вызывал своих друзей. И голос его звучал как прежде сильно, и мощная его энергетика обнимала весь зал, и люди улыбались... Так продолжалась вторая жизнь Линда, вместившая в себя еще два десятилетия XX века, десятилетия, наполненные новыми поисками, новыми встречами, новыми людьми ...

Третья жизнь Линда

В этой истории поражает не только возвращение в мир неординарного человека, но и то, как сумел он распорядиться дарованными ему днями. Научив ходить, друзья заново научили его водить машину. И он исколесил всю страну и еще полмира, намотав на руль сотни тысяч километров, став чуть ли не победителем в авторалли.

Линд с Люсей одолели громадное расстояние — несколько «экваторов». Где только они не побывали: и на Эльбрусе, и в Каракумах, и у древних русских церквей... Их километры включили в себя и Люсины гастроли. Ни в одну из них она не ездила на поезде, только на машине, на которой он ее отвозил... И новые музеи открывали тоже вдвоем.

Евгений Алексеевич рассказывал, как сначала музеев было 28, потом 111, и — 113. Не все они оказались долговечны, сумев выдержать испытание временем. Но каждый сверкнул! От этих двоих людей исходил такой мощный и чистый импульс, что люди не могли не отозваться.

Чудо было и в том, как Линд и Люся смотрели друг на друга и как отражались друг у друга в глазах...

И когда в Антверпене Линд проводил экскурсии для тысяч зрителей, жаждущих увидеть необыкновенную экспозицию не молчащих муз, сил ему на все достало лишь потому, что Люся находилась рядом...

Он развернул во всю ширь свой главный музей, каждый день помогая ему обретать все новые реликвии. При этом вел постоянные бои за новое здание, достойное этих

коллекций... В одной только витрине, например, находятся три уникальных экспоната: на столе Ольги Федоровны Берггольц — за ним она слагала свои бессмертные стихи — стоит маленький студийный микрофон Марии Григорьевны Петровой, знаменитой артистки радио, политука Радиокомитета. А рядом пишущая машинка, которую принес в музей замечательный писатель Даниил Александрович Гранин. На этой самой машинке была создана знаменитая «Блокадная книга». А в других залах — концертный рояль, которого касались пальцы Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, суровые и пламенные плакаты блокадных лет, исполненные прекрасным художником Василием Селивановым, прославленные рукописи, исторические полотна...

Мемориальная комната Линда в музее

Когда бы я ни звонила Евгению Алексеевичу с вопросом: «Как дела?» — слышала неизменное: «Бурно!»

Сколько же великих стариков держал он «на плаву», собирал их на праздники, опекал и первый прощался с ними. Это было его личное, бездонное горе. Умирая, они звонили не кому-нибудь — Линду. Нина Пельтцер, ярчайшая звезда Театра Музыкальной комедии, того, что священнодействовал в блокаду, была бессменным участником всех встреч-сборов в музее. До последнего. А когда пришло последнее, она набрала номер Линда и сказала:

«Я умираю, рыцарь мой... Спасибо вам!»

Начало нового века принесло Линду множество потерь. Он пытался, преодолевая беду, идти дальше, а потери становились все ощутимее. Так началась его третья жизнь, наверное, самая трудная... Он потерял доктора Гурчина, потерял свою единственную Люсю. Мы похоронили Людмилу Николаевну Федотову в последний день 2004 года.

Каждое мгновение жизни без Люси стало для него пыткой. Евгений Алексеевич пытку эту превозмогал, стараясь сделать максимум. Для

своих муз и для своей музыки. Он не оставлял забот о Музее, о его людях, о грядущем юбилее Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Создал потрясающую, точную, как документ, и пронзительную, как поэму, книгу «Седьмая».

Но главное — писал про Люсю. Страничку за страничкой.

Когда теперь я приходила к нему, мы вместе смотрели фильмы, которые он про нее снял. Где она парила, где она царила, где она излучала... Она продолжала излучать даже сейчас с экрана — неизбывный талант, силу и нежность, мягкий, теплый женский шарм, окрашенный легкой иронией. Как поздняя смородина в саду, в бабье лето... В одном из фильмов был фрагмент — камертон абсолютного счастья. Мягкий солнечный сентябрь, солнце садится, высокая береза на даче в заходящих лучах, точно облита медом. Линд сидит под деревом и смотрит на свою жену. Люся щиплет с куста последнюю смородину и улыбается ему. А надо всем звучит мелодия из «Серенады солнечной долины»: «Мне сентябрь кажется маем...»

Этот кадр и эта мелодия точно остались висеть в воздухе. Мы говорили потом про Люсю, а ее музыка и ее улыбка продолжали нам светить.

Каждый оставшийся ему день он посвящал ей... Только дней оставалось немного. Он сумел прожить без Люси лишь год без девяти дней.

Сороковины после смерти Линда пришлись точь-в-точь на блокадные праздники, которые были для него святы. Словно кольцо блокады опять прорвали, и душа его улетела.

Осиротели не только его близкие, все мы. Этот человек являл собой реликт, скалу, за которую держался наш берег. Достоинство, гордость, славу, душу нашего города. Язык не смеет произнести про этого человека — был. Только — есть.

Муза Евгения Алексеевича теперь навсегда с ним, все остальные пребудут с нами.

В Народный школьный музей «Амузы не молчали...» каждый день приходят люди. Приносят сюда свои святыни, свидетельства горьких блокадных испытаний. Их вещи так же бесценны, как раритеты искусства. В нашем городе великое сплетается с будничным, подобно корешкам в родном дерне. Люди приходят послушать экскурсии, которые сейчас ведут ребята. Это происходит в новом прекрасном здании, о котором так мечтал Евгений Алексеевич. Мы называем этот дом Дворцом Муз. Дружба поколений продолжается в нем до сих пор — в Саду, возвращенном Линдом.

Музею почти шестьдесят лет, его фонды насчитывают более 20 тысяч реликвий, а школа давно носит имя Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

Судьбу Линда теперь дописывают его птенцы, птенцы его Сада... □

В течение года мы отмечаем всем известные праздники: Новый год, 8 марта, День Победы, День учителя, День матери и так далее. Но мало кто знает, что в году есть еще праздники, может, менее значимые, но не менее интересные.

День знаний

Традиционно в России, да и во многих других странах мира дети идут в школу 1 сентября. Это День знаний, начало нового учебного года. Дети, особенно в младшей школе, несут учителям красивые букеты георгинов, гладиолусов, пионов, роз и многих других цветов. Каждый из нас сам когда-то был школьником. А вот задумывались ли вы, а почему учебный год начинается именно 1 сентября, а скажем, не спустя 2 недели, 15-го, или же 1 октября?! Традиция эта очень давняя и восходит своими корнями в седую древность. К окончанию лета у сельского населения России (которое тогда составляло подавляющее большинство жителей страны) завершался основной цикл сельхозработ, в которых зачастую активное участие принимали и сами дети. И, что еще более важно, Новый год на Руси начинался не с 1 января как сейчас (эту традицию заложил Петр I в 1700 году), а именно с 1 сентября. В церковном календаре этот день, 1 сентября, называется новолетием, правда, ныне он празднуется не 1, а 14 сентября, поскольку после реформы календаря в 1918 году большевиками и перехода на новый, или григорианский, стиль православная церковь осталась верна традиционному юлианскому летоисчислению, которое мы называем старым стилем.

День рыжих

На протяжении веков обладатели огненно-рыжей шевелюры будоражили сознание окружающих своими волосами, бледной кожей и обилием веснушек. Такое яркое отличие и численное меньшинство породило множество мифов, предрассудков и откровенных небылиц.

Мировая история наглядно показала нам, как людей с необычным цветом волос обвиняли в пособничестве дьяволу, кол-

довстве, подвергали гонениям и физической расправе. Только к эпохе Возрождения отношение к людям с огненными волосами начало меняться в лучшую сторону. А в современном мире рыжеволосые вызывают только искреннее восхищение. Наверное, во многом благодаря такому непростому жизненному пути и многовековой несправедливости, медноволосые обрели свой праздник — День рыжих.

Немало рыжих персонажей было среди известных в истории личностей. Например, Чингизхан, Александр Македонский, Нерон, Джордж Вашингтон, Бисмарк, Галилео Галилей, Фридрих Шиллер, Винсент Ван Гог, Роден, Антонио Вивальди, Марк Твен, Сара Бернар, Джон Рокфеллер, Уинстон Черчилль, Билл Гейтс.

День граненого стакана

Праздник с забавным названием «День граненого стакана» существует на самом деле, а не только в шутках над любителями выпить. И, что совсем немаловажно, граненый стакан — это универсальная посуда, подходящая для любого напитка. Как свидетельствует история, именно в этот день в 1943 году на стекольном заводе в Гусь-Хрустальном был выпущен первый советский граненый стакан.

Дизайн граненого стакана советского образца (с гладким ободком в верхней части) приписывают Вере Мухиной, знаменитому автору монументальной композиции «Рабочий и колхозница», что рядом с ВДНХ. Впрочем, документального подтверждения этому нет. По некоторым сведениям, Вера Игнатьевна разработала форму граненого стакана специально для советского общепита. Ну и, конечно же, какая же романтика дальних странствий и путешествий на поезде без ароматного, крепкого, душистого чая в граненом стакане от проводника в фирменном железнодорожном подстаканнике.

День парикмахера

Почему мастера, делающие простые и сложные прически на головах людей, называются парикмахерами? Ведь первая

часть этого слова означает парик — то есть искусственную шелюру, накладные волосы. Дело в том, что сама профессия зародилась еще в Древнем Египте, где в моде из-за жаркого, влажного климата голову налысо брили как мужчины, так и женщины. Оттого искусство этих мастеров, как и сами накладные парики, были очень востребованы в тогдашнем обществе. Впрочем, уже в те древние времена мастера этого ремесла не только изготавливали парики, но и окрашивали волосы тех, кто, несмотря ни на что, решил их оставить и не сбривать, а также завивали локоны с помощью металлических прутьев, нагретых на огне. Причем у первых цирюльников уже были аналоги современных ножниц.

А вот первые салоны красоты в близком к современному значению этого слова появились в Древней Греции. Правда, посетить такое заведение могли себе позволить лишь знатные дамы. Обслуживали же клиенток специально обученные люди, а точнее, рабы. Древнегреческие цирюльники обычно окрашивали клиенткам волосы с помощью травяных отваров, а также предлагали им завивки и модные для того времени прически.

В Средние века в моду вошли сложные высокие прически, над созданием которых, как правило, трудилась целая группа мастеров. Причем в XVIII веке высокие сооружения из волос на голове были настоящим трендом. Так, французская королева Мария-Антуанетта носила прическу, высота которой достигала почти метра! А иные модники и модницы носили на своих головах сложные и затейливые конструкции, в которых парикмахеры порою умудрялись разместить даже клетки в живыми певчими птицами. Впрочем, со временем отношение к волосам и прическам заметно упростилось.

Новый виток в развитии ремесла получило в конце XIX века, когда появились первые профессиональные школы парикмахерского искусства, по окончании которых выдавались официальные дипломы. Первая такая школа была создана в США.

Главная традиция современного Дня парикмахера связана именно со школами, которые занимаются подготовкой профессиональных парикмахеров, а также повышением их квалификации.

День светофора

Современную жизнь в городах невозможно представить без многочисленных светофоров, регулирующих движение транспорта и пешеходов. Но совсем недавно (по историческим меркам конечно) их не было вообще. Самый первый светофор в мире был установлен в конце 1868 года в столице Великобритании перед зданием парламента. Изобретателем светофора считается инженер Джон Пик Найт, который модернизировал таким образом железнодорожные семафоры. Первые светофоры были не электрическими как в наши дни, а газовыми. И после взрыва в 1869 году такого газового светофора, травмировавшего своими осколками прохожих, светофоры в Европе были одно время даже запрещены! Электрические светофоры начали появляться на планете лишь с приходом XX столетия, постепенно завоевывая все большую популярность и повсеместное применение. Привычные всем нам ныне трехцветные светофоры (красный-желтый-зеленый) появились всего сто лет тому назад сначала в Америке, а затем и в Старом Свете. В нашей стране первый светофор появился в 1930 году в Москве, находился он на пересечении улиц Петровки и Кузнецкого моста. Невероятно, но факт: в СССР до 1959 года красный и зеленый сигналы светофора были на местах, противоположных нынешним! А привычное нам всем расположение цветов светофора установилось после присоединения Советского Союза к Международной конвенции о дорожном движении и к Протоколу о дорожных знаках и сигналах.

День левшей

Практически все люди на планете правши, и количество этих «странных» левшей в человеческой популяции меньше 10%. Однако большинство из нас даже не задумываются, насколько левшам непросто жить в мире правшей, причем с самого детства. Ведь еще совсем маленькие левши вынуждены приспосабливаться или переучиваться под правую руку, ибо все инструменты, да и просто предметы быта сделаны под правую руку, начиная от дверного замка и ножниц и заканчивая расположе-

нием панели и кнопок управления многих бытовых приборов. Причины леворукости до сих пор не разгаданы, особенно если оба родителя у леворукого ребенка правши. В прошлом левшей насильно переучивали на правшей, однако в наши дни от этой практики отказались, поскольку ведущая с рождения левая рука связана с иным, нежели у большинства из нас функционированием полушарий мозга. Очень многие из левшей невероятно одаренные и талантливые, среди них было немало гениальных личностей. Среди самых известных левшей в мире: Аристотель, Александр Македонский, Фридрих Ницше, Франц Кафка, Ганс Христиан Андерсен, Лев Толстой, Владимир Даль, Иван Павлов, Герберт Уэллс, Николай Лесков, Марк Твен, Сергей Рахманинов, Льюис Кэрролл, Майя Плисецкая.

День малинового варенья

Как хорошо всем известно, живший на крыше обаятельный и в меру упитанный «мужчина в самом расцвете сил», да еще и с пропеллером, просто обожал малиновое варенье, которое он поглощал банками. В нашей стране тоже очень много тонких ценителей этого сладкого лакомства. История праздника малинового варенья зародилась еще в прошлом веке, а в наши дни она получила свое второе рождение. Малина, будь то садовая или лесная, вообще с давних пор одна из самых любимых ягод в России. На Руси этот день называли незатейливо и просто — малинником. Малину ценили во все времена за ее вкус и полезные качества и использовали не только как продукт питания, но и как целебное средство против простуд и для повышения иммунитета. Малина очень любима и широко используется в кулинарии (пироги, желе, кисели и так далее). Ее заготавливают впрок самыми разными способами — сушат, замораживают, варят компоты и варенья. День варенья из малины — признание в любви этому десерту и повод встретиться с друзьями и родными за чашкой чая.

Мария Рузанкина

«Поющим инклюзивным детям тоже нужны слушатели, и сколько чудес бывает на их концертах!»

Увидеть способности ребенка и раскрыть его талант может далеко не каждый. А работу с инклюзивными детьми можно назвать даром свыше. Наш сегодняшний разговор пойдет с музыкальным теоретиком, педагогом и концертмейстером Марией Рузанкиной, которая не понаслышке знает, что это такое. Самая разнообразная концертная и индивидуальная работа с детьми является ее основной деятельностью. Кропотливый, ежечасный музыкальный труд — дело, которое, подчас не под силу представителям сильной половины человечества, и с которым виртуозно справляется молодая девушка.

— Как ты пришла к музыке?

— Как будто и не было никогда долгих размышлений, в какую область идти в будущем, я довольно решительно отвергала все уверения, что можно оставить музыку как хобби — не мыслила себя ни в чем другом, хотя и делала попытки. Мне нравились литература и история, но я отложила эти варианты и «отправилась в музыку».

— Почему решила поступать в Гнесинку именно на теоретическое отделение?

— Изначально я хотела не на теоретическое, а на журналистику, но поступала сразу на два отделения. А в решающий момент меня поймала декан теоретического отделения, сказала, что у меня абсолютно теоретический ум, и я все же решила поступать на теоретическое. Уже на

первом курсе пришло понимание, что совмещать теорию с журналистикой сложно, и так постепенно идея заниматься музыкальной журналистикой изжила себя. К тому же я уже окунулась в музыкальный театр, хоть и не представляла, как это будет реализовано в будущем.

— Как называлась твоя дипломная работа и чему она была посвящена?

— Как раз музыкальному театру! Это я решила сразу, как только увидела в Театре оперетты мюзикл «Джейн Эйр». Тогда я открыла для себя композитора Кима Брейтбурга. Сразу вспомнилась постановка мюзикла «Дубровский» в моем родном Новосибирском музыкальном театре, и возникла идея взять эти произведения одного автора для аналитической работы. С моим прекрасным научным руководителем мы писали и магистерскую диссертацию — тема ее возникла как искра! На премьере мюзикла «Средство Макропулоса» я уже в антракте зна-

ла, что именно эта музыка станет материалом моего исследования. Вскоре я связалась с Владимиром Баскиным — можете представить себе эмоции композитора, к которому обратились с вопросом о написании такой магистерской?! Наша теплая дружба продолжается, и я готова обойти весь мир, смотря постановки его спектаклей.

— После окончания Гнесинской академии ты оказалась в Детской школе искусств «Кусково». Расскажи об этом опыте?

— Да, я оказалась в прекраснейшем учреждении из объединения четырех школ — в ДШИ имени Римского-Корсакова. Мне очень повезло с окружением, а своих замечательных коллег по отделению я люблю до сих пор и поддерживаю с ними связь. А какие в «Римкоре» были дети! Некоторые искренне восхищали меня своей сообразительностью и чуткостью. Опыт был, конечно, разный, но скажу точно, что неинтересных детей там не было.

— Знаю, что ты занималась с детьми инклюзивного отделения. Это был интересный опыт?

— Как такового «отделения» для особенных детей у нас не было, но таких учеников все равно выделяли в отдельную категорию, чтобы занятия у них были индивидуальные. Именно эти занятия я и вела. С каждым учеником работа была разной: разучивали песни, занимались сольфеджио, изучали подробнее литературную часть. Именно благодаря этим детям однажды весной у нас возникла идея сделать еще один концерт...

...Еще один? Расскажи, чем ты занималась в школе помимо основной деятельности?

— Однажды осенью теоретики предложили мне «помочь в паре номеров на концерте. Что-то екнуло у меня тогда в самом сердце. Что значит — помочь? Что за концерт? Оказалось, у теоретиков давно существовала традиция устраивать песен-

ные рождественские концерты. Вскоре мы скорректировали планы и стали готовиться к «Весеннему дисканту». Мне предложили сыграть фортепианную партию в песнях, нот которых не нашли — была только запись! Переложение я придумала быстро, и в процессе репетиций осторожно стала советовать, как улучшить ансамбль, как распределить роли... Так постепенно внедрилась в процесс подготовки всех номеров концерта.

После этого успеха мы решили, что поючим «инклюзивным» деткам тоже нужны слушатели. На подготовку нового концерта было не больше месяца — к нему я написала обработку для вокального трио песни «Темная ночь» и «Беловежскую пушчу» для камерного ансамбля и нашей лучшей солистки — девочки с очень красивым тембром. И, конечно, на этом концерте пели особенные дети, что было воистину героически.

— Традиция таких концертов продолжилась?

— Конечно! С осени мы сразу же начали готовиться к «Рождественскому дисканту». Мои чудесные теоретики подавали мне идеи, предлагали разные произведения, а я придумывала, как их адаптировать и воплотить в жизнь. В азарте подготовки вспомнила об одной чудесной старинной песне о волхвах — ее однажды для трио аранжировал один мой талантливый друг, мне же пришлось сделать обработку этой обработки, чтобы мое трио смогло ее спеть. Это признали лучшим номером концерта! Наверное, все дело было в костюмах: для этого номера я сделала короны и посохи для трех «волхвов».

— А весной концерты были?

— Весной-то и произошло самое интересное! К середине апреля наша дивная заведующая предложила подготовить «Вечер романсов». Необычных номеров набралось с лихвой! Для нашего лучшего камерного ансамбля я переложила «Зимнюю дорогу» Алябьева и совершенно безбожно вторглась в музыкальный синтаксис «Нищей» — этот романс спела удивительная ученица с очень низким голосом. Мы репетировали с ней даже на каникулах, пробовали разные тональности, работали с психологическими зажимами... Был и цыганский дуэт! Но за основу я взяла не сам романс «Уйди, совсем уйди» Льва Дризо, а обработку этого романса композитором Ефремом Подгайцем, который использовал его в своем мюзикле «Бесприданница». Этот музыкальный реверс имел большой успех!

За майский концерт пришлось немало побороться, но история рождения идеи концерта вышла очень профессионально-романтическая: в поисках материала я нашла запись «Баллады о матери» Новикова в исполнении Людмилы Зыкиной и сразу поняла, что это обязательно должна спеть наша девочка-контральто! Для пущей аллюзии я упростила наших замечательных педагогов по баяну и домре присоединиться к нашему ансамблю — почти камерный оркестр собрался! И сколько еще было подобных чудес...

— К чему стремишься сейчас?

— Эти школьные концерты открыли мне, что мое настоящее дело находится там, где можно составлять и исполнять аккомпанементы для вокалистов, ансамблей, хоров. Сейчас я надеюсь, что смогу найти место, где буду отчасти продолжать делать то, что в «Римкоре» — только с позиции концертмейстера. Я вдохновляюсь лучшими аккомпаниаторами прошлого, умевшими импровизировать гениально — Михаил Аптекман, Игорь Урьяш, а мой Учитель в настоящем — лучший пианист Петербурга, а может, и всей России — Олег Вайнштейн. Достаточно лишь наблюдать за ними, чтобы учиться самому постигать свою любимую науку. И я стремлюсь к этому каждый день. □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото из личного архива

«ПРИЮТ ГРЕЗ»

Эриха Марии Ремарка

Ремарк — писатель для всех и каждого. Один из самых культовых прозаиков минувшего века, он создал произведения, пережившие свое время. Его ранний роман «На Западном фронте без перемен» вошел в тройку главных романов «потерянного поколения», наряду с «Прощай, оружие!» Хемингуэя и «Смертью героя» Олдингтона.

Героев этих классических книг война забрала восемнадцатилетними, и заставила убивать прежде, чем многие из них окончили школу. Вернувшись с войны, они зачастую не могли адаптироваться к мирной жизни, спивались, сходили с ума, случалось, кончали с собой...

«Приют грез» — дебютный роман молодого Ремарка о побежденной Германии 20-х годов, в котором ни слова о войне. Но призрак ее придает трагический оттенок первой любви сверстников автора, их надеждам на прекрасное будущее в доме под названием «Приют грез». Его построил их лидер, открыв двери этого Приюта для тех, кто потерял веру в себя. Как и все последующие книги Ремарка, «Приют грез» учит даже в самых тяжелых обстоятельствах не утрачивать способности любить и радоваться жизни, уметь прощать и не сгибаться под ударами судьбы.

Любовь моего, очень старшего, поколения к Ремарку зарождалась еще в поздние школьные годы, поскольку к общедоступному чтению в перво-классных переводах он был допущен «хранителями социалистической идеологии» как безусловно «прогрессивный западный писатель-антифашист», коим действительно являлся. Но для нас, старшеклассников, его мужественно-стоические герои были также реальным воплощением свободомыслия и независимости личности, к чему нас в «оттепельные» шестидесятые очень тянуло.

Любовь (преимущественно трагическая) и война рефреном проходят через все произведения замечательного прозаика, простого и сложного одновременно, и всегда глубоко человеческого. Певец искалеченного мировой бойней «потерянного поколения», к которому он причислял и себя, Ремарк писал просто и очень доступно, но зачаровывает с первых же строк, пробуждая «музыку сердца». Неисправимый романтик и трезвый реалист — таким он вошел в сознание миллионов читателей в разных странах, таким мы воспринимаем его сегодня, и таким его будут воспринимать наши потомки.

Эрих Мария Ремарк (при рождении Эрих Пауль) родился в нижнесаксонском городе Оснабрюке 22 июня 1898 года. Он был вторым ребенком в семье книжного переплетчика Петера Франца и его жены Анны Марии. Были у будущего писателя две сестры и старший брат, умерший в пятилетнем возрасте. Ничем не примечательное отрочество его отмечено любовью к чтению, причем, серьезному. Герман Гессе, Томас Манн, Достоевский, Марсель Пруст и Гете с ранних лет стали неразлучными спутниками Ремарка.

Он учился сначала в народной школе, а затем в католической учи-

тельской семинарии там же, в Оснабрюке. Оттуда в 1916 году был призван в армию и направлен на Западный фронт Первой мировой войны, где вскоре получил ранения осколками гранаты в правую руку и шею. Остаток войны провел в военных госпиталях Германии. А после выписки из госпиталя в октябре 1918-го был переведен в запасной пехотный полк, дислоцированный в Оснабрюке. Там же его наградили Железным крестом I степени. От ордена и почетного знака Ремарк отказался, и из армии его уволили, что дало ему возможность окончить семинарию и начать работать школьным учителем.

Но уже через год молодой специалист разочаровался в избранной профессии и за несколько лет сменил множество разных занятий: работал торговым служащим, бухгалтером, продавцом надгробий, воскресным органистом в часовне при госпитале для душевнобольных... Так приобретался бесценный жизненный опыт, который отразился затем в ряде произведений писателя и, прежде всего, в межвоенном романе «Черный обелиск».

Судьбоносным решением стала для Ремарка работа редактором в местном журнале, открывшая ему путь в литературу. «Талант, как деньги, — давно заметил некий остроумец, — если есть, так уж есть, а если нет, так уж нет». У Ремарка талант был в избытке и ждал только

счастливого часа, чтобы проявиться. Он взял второе имя псевдонимом по имени матери, став Эрихом Марией, и втянулся в первые пробы пера.

С 1922-го жил в большом городе Ганновер, а спустя два года переехал в Берлин, центр тогдашней культурной жизни. Осел в спортивном журнале и публиковал там с конца 27-го по начало 28-го года дебютный роман «Станция на горизонте». И еще женился на бывшей танцовщице Ильзе Замбоне, страдавшей от чахотки и послужившей прообразом притягательных, но надломленных туберкулезных героинь

Ильза Замбона — первая жена

Взлет писателя к вершинам литературной славы произошел в 1929 году с выходом в свет романа «На Западном фронте без перемен». Потрясая своей правдой, этот роман стал подлинным манифестом лишённого надежд «потерянного поколения», чья молодость была растоптана с мировой бойне

будущих романов писателя, прежде всего, Пат из «Трёх товарищей».

Брак этот продлился чуть более четырех лет, однако в 1938-м уже широко известный к тому времени писатель вновь заключил его с бывшей женой, чтобы она могла выбраться из фашистской Германии, где нацисты публично сжигали ремарковские книги, и переехать к нему в Швейцарию. Позже они вместе эмигрировали в США. И хотя в 1957-м Ремарк вновь развелся с Ильзой, он продолжал поддержи-

вать ее материально до конца жизни и завещал ей крупную сумму денег. Как и его любимые герои, Ремарк был глубоко порядочным человеком.

Взлет писателя к вершинам литературной славы произошел в 1929 году с выходом в свет романа «На Западном фронте без перемен». В нем автор описал кровавую и бесчеловечную жестокость Первой мировой войны, увиденную глазами 20-летнего солдата Пауля Боймера и его фрон-

товых товарищей. Роман, потрясая своей окопной правдой, стал подлинным манифестом лишенного надежд так называемого «потерянного поколения», чья молодость была растоптана в мировой войне.

Найти издателя для книги оказалось не так-то просто, некоторые отказались, считая роман излишне пацифическим и порочащим германскую армию. Но едва только он был опубликован, как сразу же сделался бестселлером, вызвал огромный резонанс в обществе и оказался переведен на 50 языков. В Голливуде в 1930 году сняли оscarоносный фильм по этому бессмертному произведению (а недавно он удостоился там же новой экранизации). Однако набравшие в Германии силу национал-социалисты и реакционный Национальный совет германских офицеров приняли картину в штыки. Геббельсовская шайка даже не раз пыталась сорвать ее берлинскую премьеру.

Все это, вкуче с нападками на роман желтой прессы, сильно удручало Ремарка, у которого за brutальной внешностью скрывалась ранимая, трепетная душа. Он начал сильно пить и, чтобы заглушить тягостные переживания, обратился к коллекционированию полотен импрессионистов, благо заработанное на книге состояние позволяло ему страстно предаваться этому крайне дорогому увлечению. Так, перелопатив уйму

специальной литературы, писатель за короткое время стал подлинным знатоком живописи, наделив этим достоинством героя одной из своих последних книг — романа «Тени в раю».

На фоне развязанной против него публичной травли Ремарк был выдвинут на Нобелевскую премию мира. Стефан Цвейг назвал «На Западном фронте...» совершенным произведением, а крупнейший немецкий писатель XX века Томас Манн в своем дневнике уступил его автору пальму первенства.

Вышедший в том же 1931-м году роман «Возвращение» продолжил историю Пауля Боймера и его друзей. Вернувшись с войны, они безуспешно пытаются адаптироваться к мирной жизни. Их преследуют воспоминания о фронте, чувство вины перед погибшими однополчанами, ночные кошмары... Им не дано познать счастье любви, не удается найти общий язык ни с близкими, ни с обществом, которые жили собственными заботами и уже забыли о войне.

После триумфа предыдущего романа писатель пришел к выводу, что рассказанная в нем история предстателей «потерянного поколения» еще не закончена и что важно показать разрушительные последствия войны в умах и сердцах уцелевших на фронте солдат. Однако до художественного уровня «На Западном фронте без перемен» «Возвращение» все же не дотягивало и

не пользовалось повышенным спросом читающей публики.

Пройдет еще около восьми лет, прежде чем Ремарк создаст второй легендарный роман, что удавалось в XX веке лишь очень немногим мастерам прозы — Хемингуэю, Фолкнеру, Платонову, Стругацким... Этим романом станут «Три товарища» (1936), пронзительное произведение опять-таки о загубленных войной судьбах «потерянного поколения»; роман о любви и одиночестве, о взаимопонимании и братстве, о хрупкости человеческого бытия.

К моменту завершения работы над романом лишенный германского гражданства писатель уже покинул родину, где к власти пришли нацисты во главе с Гитлером, которые запретили и демонстративно сожгли его книги на Опернплац в Берлине. Ремарк нашел прибежище в Швейцарии, а с началом Второй мировой войны перебрался в США.

В 1935 году он принял участие в парижском конгрессе писателей в изгнании и осенью 1937-го повстречал в Венеции свою давнюю знакомую, Марлен Дитрих, знаменитую немецкую актрису, ставшую к тому времени голливудской звездой, певицей и секс-символом. Между ними завязался мучительный для Ремарка любовный роман, кончившийся расставанием и оставивший глубокий след не только в душе писателя, но и на страницах его буду-

Натали Палей

щих произведений, таких, как «Триумфальная арка» и «Тени в раю», где прообразом изменчивых, ускользающих возлюбленных главных героев послужила как раз Марлен Дитрих.

«Три товарища», наверное, один из самых лиричных и трогательных романов Ремарка. В центре его — судьбы трех фронтовых друзей, пытающихся выжить в условиях экономического кризиса и политической нестабильности побежденной Германии конца 20-х годов. Эти трое молодых людей совместно управляют небольшой автомастерской, потеряв во время войны очень многое, но сохранив главное — дружбу.

Роман явился подлинным гимном человечности, незыблемым ценно-

*С Марлен
Дитрих*

стям гуманизма. Он с подкупающей убедительностью показал, что даже в самые «темные» времена можно найти силы жить и надеяться на счастье. Этим ремарковские «Три товарища» по-прежнему дороги читателям.

В Америке Ремарк сблизился с другими видными немецкими писателями-эмигрантами: Фейхтвангером и Брехтом, но, в отличие от них, пользовался большей известностью, отчасти благодаря тому, что некоторые его произведения издавались в английских переводах, как и роман «Возлюби ближнего своего» (1939), с которым он, собственно, и прибыл за океан.

Продолжая быть безнадежно влюбленным в Пуму, как он называл Марлен Дитрих, Ремарк изливал свою тоску в рукописи «Триумфальной арки». Писатель работал над этим одним из лучших своих, во многом исповедальным, сокровенным романом долго, с перерывами. В нем развернута захватывающая история любви двух одиноких сердец на фоне тревожной и томительной атмосферы предвоенного Парижа.

Талантливый немецкий хирург Равик вынужден жить в столице Франции нелегально, чудом вырвавшись из лап гестапо. Он оперирует за гроши под чужим именем, пытается забыть пережитые ужасы и обрести новую жизнь. Встреча на ноч-

ном мосту с притягательной и загадочной актрисой Жоан Маду, чьим прообразом послужила Марлен Дитрих, переворачивает привычный мир героя романа. Их страстный, но отчаянный, лишенный будущего любовный роман заканчивается разрывом как раз накануне вторжения гитлеровских армий во Францию, которую им обоим предстоит покинуть... Роман ярко отразил тревожную обстановку в Европе, все еще питавшей иллюзии избежать рокового столкновения с фашистской Германией за счет СССР.

В самый разгар решающих сражений Второй мировой на Восточном фронте, в 1943-м, младшая сестра Ремарка, оставшаяся в Германии, была арестована за антигитлеровские и антивоенные высказывания. По свидетельству очевидцев, следователь заявил ей: «Ваш брат, к несчастью, скрылся от нас, но вам не уйти». На суде ее признали виновной и гильотинировали. Причем старшей сестре выслали счет на сумму 495 марок и 80 пфенингов за содержание младшей сестры в тюрьме, за судопроизводство и саму казнь...

О гибели своей сестры Эльфриды Ремарк узнал лишь после войны и посвятил ей вышедший в 1952 году роман «Искра жизни». А в победный 1945-й он завершил «Триумфальную арку», два года спустя получил американское гражданство и смог на следующий год присутствовать на помпезной премьере

экранизации своего романа, в которой роль Жоан сыграла голливудская звезда Ингрид Бергман.

И вот после девятилетнего перерыва прославленный немецкий писатель вернулся в Европу. К тому времени он состоял в долгих и трудных любовных отношениях с Натальей Палей, внучкой российского императора Александра II, французской фотомodelью и актрисой. Постоянные ссоры, разрывы и примирения привели их к окончательному расставанию, и Ремарк уехал из Европы обратно в Нью-Йорк, где в 1951 году познакомился с популярной актрисой, танцовщицей и продюсером Полетт Годдар. Эта легендарная женщина сводила в молодости с ума многих известных мужчин, одно время была замужем за Чарльзом Чаплиным, а также возлюбленной великого американского композитора Джорджа Гершвина и великого мексиканского художника Диего Риверы.

Чаплина, как и позднее Ремарка, она вытащила из депрессии и вдохновила на новый творческий порыв. Ремарку Полетт помогла оправиться после разрыва с Марлен Дитрих, но не смогла излечить от алкоголизма и застарелых психических комплексов. Тем не менее, он женился на ней и был счастлив вплоть до смертного часа. Полетт Годдар целиком посвятила себя ему. А он посвятил ей прекрасный возвышенный роман «Время жить и время умирать» (1954).

Начиналась новая, последняя глава жизни писателя.

«Будучи трезв, я не могу общаться с людьми и даже с самим собой», запишет он в дневнике. Страдая от диабета и все тех же застарелых психических комплексов, Ремарк в начале 50-х навестил родной город Оснабрюк, тепло пообщался с отцом и сестрой Эрной, после чего вернулся в Швейцарию, где еще раньше окончательно обосновался. Отец вскоре умер, и его смерть писатель переживал тяжело.

цем надгробными памятниками в полуразрушенном войной маленьком немецком городке. Он пытается найти достойное место в новом послевоенном мире, полном цинизма и разочарований. При этом Людвиг иронично наблюдает за суетной жизнью соотечественников, пытающихся забыть недавнее прошлое. Но оно преследует Бодмера мучительными воспоминаниями о фронте и погибших там друзьях...

Правда, герой находит утешение в трогательной любви к молодой девушке, стойко переносящей психи-

В 1956 году увидел свет роман «Черный обелиск» — наиболее необычное произведение писателя, сочетающее в себе черный юмор, философские размышления и трогательную историю любви. Этот роман до сих пор остается одним из самых читаемых романов Ремарка

В 1956-м в Западном Берлине состоялась премьера спектакля по ремарковской пьесе «Последний полустанок», а через месяц увидел свет роман «Черный обелиск», наиболее необычное произведение писателя, сочетающее в себе черный юмор, философские размышления и трогательную историю любви. «Черный обелиск» остается во всем мире одним из самых читаемых романов Ремарка.

Его главный герой — Людвиг Бодмер, бывший фронтовик, работает (как в свое время и Ремарк) торгов-

ческое расстройство, и в результате они дарят друг другу возможность вновь обрести смысл жизни.

Таким образом, несмотря на трагикомическую атмосферу романа, отразившего личные переживания автора, «Черный обелиск» помогал читателям увидеть в послевоенной действительности Германии не только разрушение и отчаяние, но и надежду на лучшее будущее.

Сам писатель, отягощенный помимо сахарного диабета и алкоголизма еще и возрастной депрессией, а также подрывающей слух ушной болез-

нюю Меньера, не теряя эту надежду благодаря уже упомянутой выше поддержке чудесной жены-актрисы, придававшей ему силы жить и творить. Ровно через год после женитьбы на Полетт Годдар, в 1959-м, он выпустил горестно-просветленный роман «Жизнь взаимы».

И вновь перед читателем развернулась здесь печальная история романтической любви одинокого сильного человека, автогонщика Клерфэ, и больной туберкулезом очаровательной бельгийки Лилиан, угасающей в швейцарском санатории. Она понимает, что обречена, но не желает ждать смерти в больничных стенах и решает отправиться с Клефрэ в Париж, чтобы насладиться последними месяцами жизни.

В 1962 году вышел последний прижизненный роман Ремарка «Ночь в Лиссабоне», а год спустя у писателя случился инсульт, который ему удалось преодолеть в разлуке с Полетт, снимавшейся в то время в Риме.

Эрих Мария Ремарк и Полетт Годдар

Дальше его стали преследовать сердечные приступы, с которыми он до поры мужественно боролся.

...«Ночь в Лиссабоне» проникнута ностальгическими нотами и подлинным лиризмом. Роман рассказывает о безымянном немецком эмигранте, который в 1942-м, подобно другим беженцам из разных стран Европы, спасающимися от нацистов, нашел с женой временное пристанище в Лиссабоне и теперь пытается эмигрировать на корабле в США, не имея при этом ни денег на билеты, ни визы. Ему повезло встретить товарища по несчастью, соотече-

ственника, и тот предложил отдать за ночь беседы свои билеты на корабль в Америку и визы на себя и жену. До утра двое мужчин переходят из бара в бар, и незнакомец рассказывает герою романа историю своей жизни...

Роман полон выразительных деталей скитальческой эпопеи несчастных изгнанников, хорошо знакомых автору. Именно личный опыт писателя делает это произведение столь достоверным и впечатляющим.

В 1964-м к Ремарку в Швейцарию прибыла делегация из его родного города, чтобы наградить писателя почетной медалью, а в 1967-м немецкий посол вручил ему орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германией». Во время торжественной церемонии у Ремар-

ка случился очередной сердечный приступ. Примечательно, что, несмотря на награды, немецкое гражданство классику мировой литературы XX века так и не вернули.

Между тем, к 70-летию Ремарка швейцарский город Астона, в котором он обосновался с супругой, избрал его своим почетным гражданином.

Две последние зимы шестидесятых Ремарк и Полетт провели в Риме. Летом 1970-го у писателя произошла остановка сердца. В больнице в Локарно врачи безуспешно боролись за его жизнь, и в сентябре он скончался от аневризмы аорты. Ему было 73 года.

Замечательный итоговый роман «Тени в раю» опубликовала вдова

писателя в 1971 году. Он написан от лица главного героя, немецкого журналиста Роберта Росса, у которого нацисты убили отца, пытали его самого в гестапо, откуда ему удалось чудом вырваться и бежать за границу. Два года Росс скрывался в Брюссельском художественном музее и под конец войны добрался в США. Привычная ремарковская пластика стиля и эмоциональность, доверительная интонация делают это горькое произведение и поныне очень популярным у читателей разных стран.

На страницах книги предстают типичные образы разноязыких эмигрантов, бежавших от преследования фашистов в «землю обетованную» и встреченные героем в Нью-Йорке и Голливуде, где он некоторое время подвизался на киностудии в качестве консультанта (грустная ирония!) по реалиям нацистской Германии, а заодно приторговывал по поручению своего нью-йоркского босса картинами импрессионистов. Знаток живописи герой, как мы помним, сделался волею судьбы в бельгийском музее, где днем прятался в подсобном помещении, а ночью выходил в экспозиционные залы и при призрачном свете луны долгими месяцами любовался шедеврами изобразительного искусства, находя в них единственную отраду и утешение.

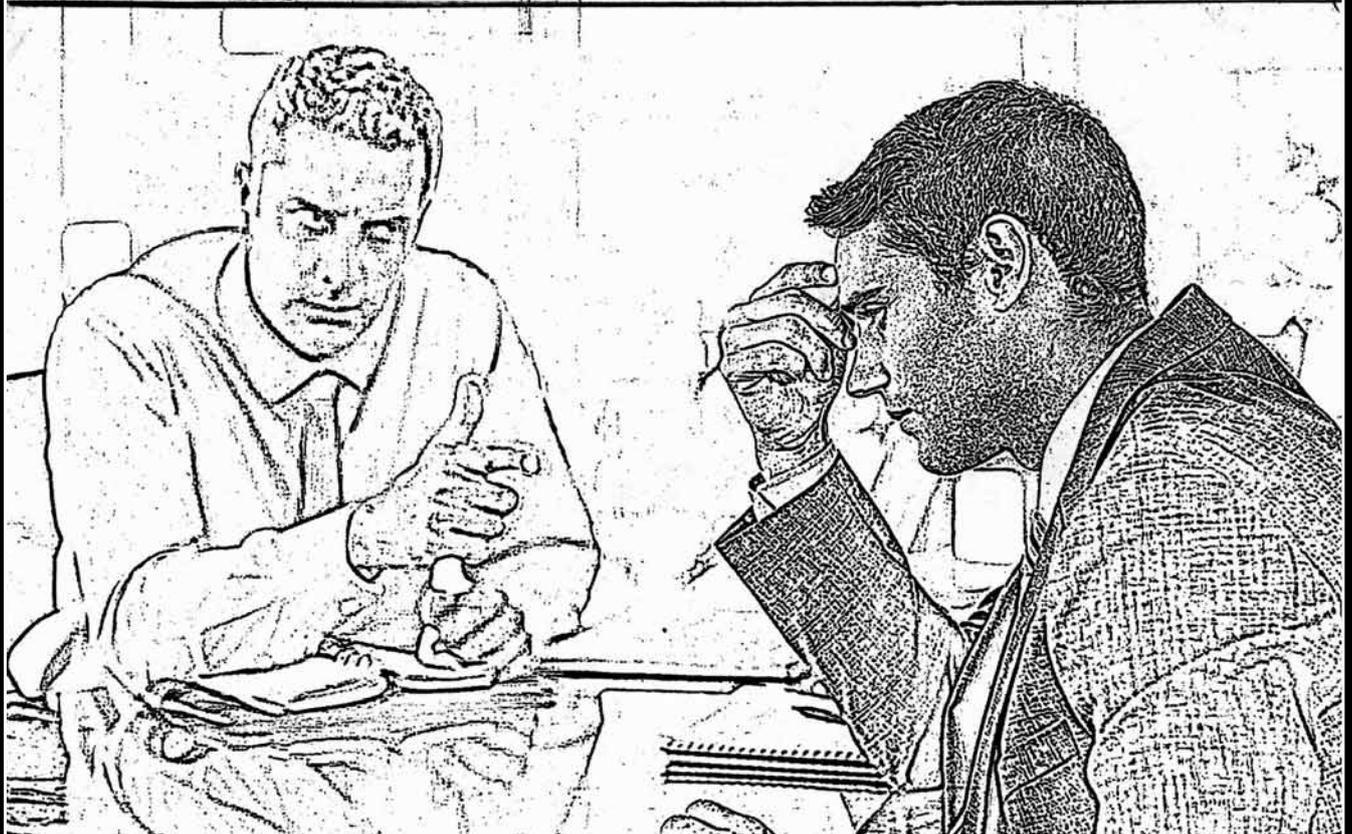
Название романа символично. По сути, весь он пронизан описаниями трагедий в жизни гонимых эми-

грантов, переселившихся в Америку, каждый из которых по-своему справляется со своими психологическими и физическими травмами. И для большинства из них американский «рай» остается чужим. Они в нем — лишь тени. Кто-то начинает сильно пить, кто-то с головой уходит в работу, кто-то сводит счеты с жизнью. При этом, вынужденный цинизм и грубость людей, испытавших ужасы фашизма, не исключают искренней дружбы и настоящей любви.

Такую любовь встречает на своем горестном эмигрантском пути и герой романа. Ее зовут Наташа Петрова, она манекенщица, родившаяся во Франции и эмигрировавшая в США. Она прелестна, взбалмошена и непостоянна. Ее любовь с Россом драматична и тоже лишена будущего. Считается, что в романе отражены отношения автора с княжной Палей.

Вот как кончает Ремарк свой последний художественный текст.

«Иногда я размышлял о возможности остаться в Америке. Если бы я заранее знал, что меня ожидает в Европе!.. Возврата быть не может, ничто не стоит на месте: ни ты сам, ни тот, кто рядом с тобой. Все, что от этого осталось, в конце концов, это редкие вечера, полные грусти, — грусти, которую чувствует каждый человек, ибо все преходяще, а он — единственное существо на земле, которое это знает, как знает и то, что в этом — наше утешение. Хотя и не понимает почему»... □

СМЕРТЬ В «ЗАМКЕ»

15

Под аккомпанемент размышлений новая петля выросла в свое место прочно, на века. Так что с разгону я решила поменять и верхний лоскут на рюкзачной крышке — потерся, совсем неприлично выглядеть стал, ни о каких «веках» и речи быть не может. Решила, однако, перед следующим этапом ремонта взять небольшой «кофе-брейк». Кофе, правда, уже остыл, зато и час прошел, пора Ланке перезванивать.

Вкратце объяснив мне, кто я есть, раз столько времени пропадала (вот интересно, а сама она никак не могла позвонить?), деловая Ланка тут же взяла быка за рога:

— Ладно, наверняка по делу звонишь. Говори, чего хочешь. Только если портфолио кому-то сделать, извини, не раньше, чем через... секунду, сейчас погляжу...

— Стоп! — остановила я стремительный бег Ланкиных идей. — Уже никто никуда не идет, никаких портфолио никому не надо. Ты Арину Барр знаешь?

— Ха! Кто ж ее не знает! Неужели ты светской жизнью заинтересовалась?

— Нет, не заинтересовалась, — я поневоле подстроилась под предложенный телеграфный стиль. Ланкиной энергии и скорости хватило бы, чтобы запустить ракету, как минимум, к Марсу. А то и к Плутону. — Точнее, заинтересовалась, но частично. Ты у нас девушка занятая, так что давай-ка мне быстренько расскажи, что про эту Арину знаешь.

— Что тебе надо знать?

— Все, радость моя. Что за человек, окружение, ну, прошлое...

Ланка хмыкнула, но раздумывала не больше минуты:

— Девушка очень толковая, работать с ней приятно...

Мысленно я «переводила» телеграфный стиль в обычный рассказ. «Девушка толковая, работать с ней приятно»... ну... надо, как минимум, знать, что вообще-то единственное, что Ланка действительно любит — это работать с детьми. Но эти охотничьи уголья не слишком богаты, в смысле — жить на «это» можно лишь очень и очень экономно. Поэтому — модели. Ланка, по-моему, относится к ним так же, как к детям, то есть, любит, независимо от природных и прочих данных. Но оценивает не очень высоко. То есть, любить-то Ланка их любит (а многих еще и жалеет, и даже помогает вполне бескорыстно), но особых иллюзий насчет уровня развития не лелеет.

— Ноги, конечно, феноменальные. У кого там самые длинные ноги в Голливуде? У Джулии Робертс? А у Арины они еще и красивые. Правда-правда. В общем, ноги плюс мозги — представляешь, она еще и книжки читает! — сочетание убийственное.

Мне подумалось, что при слове «убийственное» мне пора уже задыхаться и биться в судорогах.

— Прошлое толком не знаю, но что-то обыкновенное. Родители вполне рядовые, школа тоже, филфак в педде... Сниматься начала еще в школе, кажется, года три или четыре назад она ее окончила, то есть сейчас курсе на четвертом должна быть. А может, уже на дипломе... Вроде бы «русский язык и литература», но не поручусь, если хочешь, узнаю. Криминала вокруг никакого...

— Это рядом с девушкой такого класса? — не поверила я.

— Я же тебе сказала, что у нее не только ноги, но и мозги наличествуют. Кстати, не удивлюсь, если она на самом деле не на филфаке, а на какой-нибудь физике или биологии. Не знаю.

— Нет, ну как наши братки такой цветочек упустить ухитрились?

— Господи, Ритуля, повторяю для тормоза от паровоза: у девушки кроме прически есть кое-что и в черепе. Я с ней работала, правда, немного совсем, но до сих пор в восхищении: сомнительных поклонников девушка отшивала виртуозно, без обид. Что еще... в последний год она вообще всех разогнала... Поймала все-таки свою первую золотую рыбку. Замуж собирается...

— Уже не собирается, — не удержалась я. В конце-то концов надо же было как-то возместить Ланке потерянное на меня время, почему бы не информацией, которая до нее почему-то еще не дошла? Только попозже бы мне проговориться, ведь самый главный свой вопрос я еще не задала. А! Попытка не пытка:

— Ланочка, а поклонники Арины как отнеслись к тому, что она их, как ты выражаешься, разогнала? Никто не проявлял недовольства по поводу ее замужества?

— Ха! Попробовали бы они! Она их в черном теле держит: шаг вправо, шаг влево, кому не нравится, может перейти на другую сторону улицы. Недовольные-то наверняка были, но... Арина, она такая — где сядешь, там и слезешь, чихнуть не успеешь... Погоди... Ты почему про свадьбу сказала, что уже не собирается?..

И я в том же телеграфном стиле пересказала Ланке последние события. Она ахала и подавала реплики: «да ты что!», «не может быть!» и «какой ужас!»

Я поблагодарила за информацию и распрощалась. Не преминув, впрочем, намекнуть, что хорошо бы порасспросить тусовку. Главное — про поклонников: кто, что, где, когда и как, и имена с фамилиями, адресами и телефонами неплохо бы...

— Есть, мэм! — ответствовала Ланка. — Разрешите исполнять? — хихикнула и отключилась.

М-да, «дыр много, а вылезти некуда» (если кто не помнит — так заканчивается поговорка про «чудеса в решете»).

Ладно, займемся все-таки ликвидацией «самой очевидной версии» (да и не версии вовсе, так, идеи). Ясно, что никакого такого «убийства в запертой комнате» существовать не может. Из ничего ничего и не возникает. Значит... Либо это не «запертая комната», либо это не убийство. Второй вариант прост и логически не противоречив (объяснить непонятные перемещения пистолета гораздо проще, чем проделать то же самое для убийцы). Правда, остается соображение — «такие люди не кончают с собой». Оно, конечно, весьма туманное, но... Во-первых, я привыкла доверять туманным соображениям, они, как правило, выводят к чему-то истинному. Во-вторых, «туманное соображение» разделяют и близкие покойника, они-то должны знать, что за человек. И вообще... если «не убийство», то как-то неинтересно.

О! Первая здравая мысль — наконец-то! — знаю, что мне завтра понадобится. Но непонятно, где мне «это» взять. Господин начальник охраны на меня несколько косо смотрит. У Ильина клянчить придется, но еще и неизвестно, с каким успехом, он же просил меня ни во что не лезть... И Глебов на меня дует, значит, к нему обращаться бесполезно. Или не бесполезно? Да и помириться все-таки надо бы, а тут такой повод, что грех не воспользоваться... А может, Лельке позвонить? Может, у нее с прошлых приключений чего-то завалось?

Из глубины размышлений меня вырвал телефонный звонок. Да сколько можно? Кому от меня опять что-то понадобилось?

Я схватила трубку и тут же чуть ее не выронила: звонил Санечка. Церемонно поздоровавшись, он вежливо поинтересовался, не отрывает ли меня от чего-то, могу ли я разговаривать? Оставалось лишь вздохнуть.

— Рита, ты вроде Замакиным интересовалась, — начал он. — Я тебе говорил, что у него внебрачный сын есть?

— Нет, не говорил, но я уже знаю.

— Ну, хорошо, с этим ясно... У меня тут еще любопытная информация образовалась...

— За дополнительный гонорар? Излагай.

Санечка почему-то обиделся:

— Ты уж меня совсем за вымогателя держишь. Я так... Просто... Если что будет, ты ведь мне сольешь?

Понятно. Информацию Санечка любит даже больше, чем пиво.

— Куда ж я денусь! — радостно подтвердила я. — Все равно больше никто не оценит. Кстати, ты в курсе, что вдова Замакина — то есть, когда она была еще не вдова, — пристроила начальником охраны своего одноклассника? И мне кажется, что он к ней сильно неровно дышит. Могло у них там что-то быть или так, школьные годы чудесные? Ты вроде говорил, что в посторонних связях мадам не замечена.

— Любопытно, — хмыкнул Санечка. — Узнаю, конечно, хотя вряд ли... Но любопытно, любопытно. Я ведь из-за нее и звоню. Тут выяснились интересные вещи. Во-первых, в давние времена, еще до замужества, у нее случился мимолетный роман с... помнишь, я тебе говорил, что Замакин на чужую делянку залез? А хозяином этой делянки был довольно известный спортсмен, борьбой занимался. Дробыш его фамилия.

Да, Дробыш — это серьезно... В миру он известен как БТР — простенько, но комментарии излишни. Какое, однако, у Ларисы Евграфовны разнообразное прошлое...

— А во-вторых?

— Я тебя по поводу «Замка» немного в заблуждение ввел. Там, оказывается, есть некоторые тонкости. Как бы попроще... Вот если завтра этот, который теперь стал как бы главным...

— Досин, что ли?

— Ну да. Если сейчас, пока он еще числится ИО — а по действующему уставу он им будет числиться еще месяц — так если прямо сейчас этот «господин Беда» вдруг откажется работать Фуксом...

— Вдова получит «Замок»?

— Не перебивай. Нет, конечно, не все так просто. Но катавасия там начнется изрядная, и шансы у нее появятся интересные. Ну? Надо тебе это?

— Черт его знает! — вполне искренне отозвалась я. — Однако действительно интересно.

— Ладно, разберусь поподробнее, расскажу. Ты тоже, если что, а?

Я поклялась держать его в курсе. Не жалко.

В итоге, «объект вожделений» мне, разумеется, раздобыл Глебов. Оказывается, он — Кешка, а не «объект» — вовсе не дулся, а меня воспитывал. Чтобы не пропадала, то есть, телефон держала при себе, а не неизвестно где. Точнее, сначала воспитывал, а потом просто обстоятельства так сложились. Моэма этот юный обалдуй, разумеется, читал и про то, как следует держать взятую паузу, помнит.

У Кешки были основания обижаться. Он для меня настоящий подвиг совершил (какими-то своими электронными способами добыл вожделенные поэтажные планы «замкового» дома), а я изволю где-то пропадать! Само собой, я не стала его огорчать рассказом о собственном визите в Комитет по имуществу. Зачем? Он старался, а мне вроде как и без надобности.

Мужчинам вообще нельзя дать заподозрить — даже на мгновение, — что какой-нибудь их подвиг не в тему, что и без них бы справились. А ведь некоторые особо «сильные» представительницы прекрасного пола и больше себе позволяют: мол, не только без Него справилась — еще и лучше получилось. Ну и нечего потом жаловаться, что мужики «не те» пошли, что им бы только перед телевизором валяться, никаких активных действий от них не дождешься. Ясно, что не дождешься, если перед этим полжизни каждый «подвиг» обламывать, дескать, зачем ты совался, я и сама сумею.

Кто бы спорил — конечно, сумеет. Только... Что ж вы, сильные, тогда жалуетесь? И зачем вам, самостоятельным, вообще мужики? Не в физиологии ведь дело! Конечно, нет.

Без них, родимых, жизнь становится... не то чтобы скучная, но какая-то блеклая, чего-то не хватает. Как авитаминоз. А чтобы этого самого авитаминоза избежать, надо ведь совсем немного. Мужчины, если ими не восхищаться, чахнут. Разве трудно воскликнуть «Ах... ты... слов нет! Как тебе это удалось? Невероятно!» — и глазками еще похлопать? Это, кстати, не только к мужьям и возлюбленным относится, а ко всем приятелям и знакомым. Правда, поначалу придется себе напоминать (и даже одергивать от привычных упреков и недовольной мины), но потом привыкнете, начнете даже удовольствие от собственного восхищения получать. Зато взамен вместо расстройств по поводу «не тех» мужиков, вдруг обнаружите, что вокруг вас много очень даже «тех». (Которые совсем безнадежны, сами незаметно за скобки выпадут, остаются только нормальные, проверено). Причем кучкуются в полной готовности к подвигам. Что, знаете ли, очень украшает жизнь.

Вообще-то Глебову все эти мои реверансы — как медузе подтяжки: несмотря на юный возраст, уже и сам с усам. Но рефлекс есть рефлекс (да и мало ли, мужская психика хрупкая, а юношеская — вдвойне). Поэтому вместо доклада о собственных достижениях я интенсивно возрадовалась Кешкиным, потому что очень вовремя: как раз завтра в «Замок» собираюсь, и не поможет ли мне гениальный добытчик добыть еще и металлоискатель. Рассказ о призраке Глебова развеселил, а про миноискатель он сказал, что нет проблем, скоро принесет, вместе с планами, каковые тоже лучше притащить лично, чтобы почту мне не перегружать (действительно, связь у нашего провайдера такая, что тяжелые письма принимаешь раза с третьего-четвертого).

Кстати, радовалась я не совсем уж притворно. Одно дело — смотреть и стараться все запомнить, и совсем другое — когда источник информации под рукой, сколько хочешь, столько изучай и сравнивай. Тем не менее, спать я легла пораньше, рассудив, что перед смертью не надышишься, а утро вечера мудренее.

16

Приступы здравомыслия — вроде решения лечь спать пораньше — на меня нападают редко (боятся, должно быть), но пользу приносят немалую: невзирая на вчерашний недосып, я вскочила ни свет ни заря. Марат уже ждал, хотя особо счастливым от лицезрения меня не выглядел. Ну и пожалуйста, и не больно-то хотелось, я тут не улыбки улыбаться пришла, а по делу. Но с мысли холодность «принимающей стороны» меня все-таки сбила, и если бы не «глаз» при входе, точно забыла бы, с чего хотела начать. А начать, в первую очередь, хотела с просьбы показать мне запись камеры наблюдения, «не заметившей» призрака.

По-моему, там и замечать было нечего: в мертвенном фонарном свете половина приемной, входная дверь и по кусочку двух других дверей — кабинетной и комнаты отдыха. От кадра к кадру — ни малейших перемен. Может, правда призрак?

Я прогоняла десятиминутный кусочек уже третий раз, когда поняла, что картинка все же немного меняется. Почудилось? Нет. На трех кадрах справа, там, где виднелся краешек двери в комнату отдыха, что-то неуловимо... появлялось?.. двигалось?.. Не знаю, но что-то там определенно было. Эх, жаль, съемка покадровая, при «сквозной» записи было бы движение, его заметить проще.

Марат, смотревший вместе со мной, согласился, что да, что-то тут есть. Покрутили дальше... Точно, есть! Несколькими кадрами дальше то же самое «появилось» слева, где вылезала кабинетная дверь.

— По-моему, двери открывались, да?

— Похоже, — согласился Марат. — И по времени подходит. Минуты через две мы звуки услышали.

— Призрак или не призрак, но его определенно тянуло в кабинет.

— А... может... может, он сам?.. — раздался из-за наших спин дрожащий голос. — Марат Ильич, я уволюсь, не могу больше! Не зря самоубийц в церкви не отпевают. Вот он и ходит...

— Отставить панику! — скомандовал Марат. — В чем дело, Денис? Ты полночи в приемной просидел, разве видел его?

— Н-нет, не видел, — робко отозвался поименованный Денис — невысокий, крепкий парень, чьи темные волосы торчали на затылке смешным хвостиком. Ни за что не подумала бы, что он может бояться призраков и даже вообще верить в их существование. Вон, румяный какой, и мышцы ничего себе, наверное, каждый день в «качалку» ходит. — Не видел, — повторил Денис, — но что он там, я чувствовал. Он в стенах ходит, точно говорю! Только глаза прикроешь, сразу скрежещет, и холодом тянет...

— А нечего глаза на дежурстве закрывать! Призрак у него в стенах ходит! Ходил бы в стенах, двери ему не понадобились бы. Видел запись?

— В-видел, — признался охранник, но трястись не перестал.

— Вот еще экстрасенс навязался на мою голову! — вздохнул Марат. — Это одной из технологов сынок. Одну мистику читает, вы не поверите.

— Хорошо хоть, вообще что-то читает...

— Да? Может быть, — с некоторым сомнением согласился Марат. — Пойдемте, там посмотрим. А ты не трясись тут, день на дворе, днем призраки спят.

«Там», конечно, имелась в виду приемная, где несчастная Марина во-зи-лась с какими-то бумагами.

Комната отдыха была как все подобные комнаты отдыха: кресла, диваны, столики, шкафчики типа бар, плазменный телевизор в полстены, душевая кабинка за неброской деревянной перегородкой (если бы не Марат, я и не догадалась бы, что там такое). Орудовать металлоискателем я не стала. Пистолет могли — то есть физически могли — вынести из кабинета только три человека, больше никто туда просто не заходил. Ну, еще я, но я-то точно знаю, что этого не делала. Досин не заходил в релакс-рум. Марина... Во-первых, ей вообще не было надобности таскать пистолет туда-сюда (строго говоря, такая надобность была только у Лары и — быть может, по непонятным причинам, — у гипотетического убийцы). Во-вторых, Марина давно уже могла вынести оружие не только в комнату отдыха, но и куда подальше.

Дверь пресловутого «черного хода» скромно пряталась за углом душевой кабинки и как бы маскировалась такими же деревянными панелями.

«Как бы» — потому что эти панели облицовывали полкомнаты. То есть, совсем не та «потайная дверь», о которой я мечтала, а нечто вполне обыденное.

— А почему на ней ручки нет?

— Зачем? — пожал плечами начальник охраны. — Если открывать ключом, он же и ручкой работает. А без ключа все равно не откроешь.

— Так ключи-то хоть есть?

— Нет. Когда дверь перекосило, куда-то они делись — может, выбросили, все равно без толку.

У меня были по этому поводу свои соображения, но я предпочла оставить их при себе. Кто знает, на какой «стороне баррикад» сражается этот... начальник охраны. «Не говорить лишнего» — золотое правило. Жаль только, мой язык обычно скачет впереди мозгов. Когда удастся его удержать, я начинаю страшно собой гордиться. Примерно так, как страстно худеющая дама гордится тем, что смогла удержаться от куска торта.

В общем, ничего интересного в комнате отдыха не было.

— Значит, не открывается? — подытожила я. — Ну, тогда не иначе как настоящий призрак тут развлекается. Ладно, пошли кабинет смотреть.

Марат послушно двинулся за мной. Интересно, чего это он такой исполнительный? Ни я сама, ни мое присутствие его не радуют, однако делает все, что велят, без всяких возражений. Потому что несравненная Лара так пожелала? Или у него тут свой интерес имеется?

В кабинете я, наконец, вытащила из рюкзака добытый с боем металлоискатель. Почему с боем? А что? Я же первая этому малолетнему обалдую позвонила, чем не подвиг? Марат, как ни странно, к поисковому оборудованию отнесся с полной индифферентностью. Не только ничего не спросил, даже бровью не повел. А мог бы, например, спросить, не призрачные ли цепи я собираюсь этой штукой разыскивать? Призрачные-то они призрачные, но ведь металлические!

Искать я, впрочем, собиралась совсем другой объект. И обстановка вполне благоприятствовала. По планам Глебова, единственные трубы проходили под полом вдоль наружной стены, где окно. Кстати, на моих планах никаких труб вовсе не было, сплошная архитектура, и ничего больше. Значит, Кешка добыл бумаги из какого-то другого источника, и восхищалась я не зря.

Больше для очистки совести, чем рассчитывая что-то обнаружить, я прошлась вдоль стен и начала водить «штукой» по полу. Наиболее перспективно в моем воображении выглядел «мышиный» шкаф, я даже под него залезла, но впустую. Остальное пространство пола также не принесло открытий. Естественно, пицал системный блок компьютера и началь-

ственное кресло (которое действительно валялось на боку). У окна, как и ожидалось, пищало сильнее. Ну, вдоль этой стены трубы лежат плюс радиатор отопления... Хотя... Радиатор, кажется, керамический. Но в районе окна сигнал определенно сильнее, чем вдоль всей остальной стены. Интересно...

Я подняла металлоискатель и направила его прямо в окно. Писк стал оглушительным.

— Рамы металлические или пластиковые? — спросила я Марата.

Он посмотрел на меня, как на полную идиотку:

— Они же деревянные...

Да видела я, что деревянные! Но кто их знает, эти стеклопакеты, что у них внутри? Марат, должно быть, подумал о том же самом, потому что добавил:

— Запорный механизм, наверное, металлический...

— Наверное... — прикусив от нетерпения губу, согласилась я. — Пора позвать Марину.

— Зачем? — удивился он.

— На всякий случай, чтобы вас было двое. Я, конечно, лицо не процессуальное, но мы ничего трогать и не будем, только посмотрим. А вы вдвоем, если что, сможете подтвердить, что все в полной неприкосновенности. Кажется мне, что тут что-то не так, как должно быть.

Вообще-то надо было сразу вызвать Ильина. Но... Что сказать? Привет, дорогой, я у покойника в кабинете покрутила металлоискателем, и тут чего-то пищит? Да он меня на смех поднимет! Впрочем, это я зря. Никита свет Игоревич — личность сердитая, но душевная. Чего-чего, а ехидности, вроде моей или Глебова, в нем ни грамма нет. Вот только как я-то буду себя чувствовать, если здесь ничего не окажется? Как мальчик, который кричал «волки»?

Но детектор-то пищал!!

Явившаяся на зов Марата Марина смотрела равнодушно, сам он — скептически.

За сдвинутыми жалюзи обнаружилось — кто бы мог подумать? — стекло. За ним — снег — слежавшийся снежный параллелепипед, который закрывал окно почти до форточки. Я опасалась, что при открывании окна снег посыплется, похоронив под собой необходимое «ничего трогать не будем», поэтому тянула раму еле-еле, сощурившись и задержав дыхание. Даже сердце, кажется, замолчало.

Когда просвет между створками достиг сантиметров десяти, стало ясно, что снежный столб за зиму слежался как следует и сыпаться не собирается. Переведя дух, я потянула сильнее. После первого напряжения каза-

лось, что створка должна скрежетать как ржавые ворота. Нет, открылась мягко и беззвучно.

Я снова взялась за металлоискатель. Через минуту стало ясно: сильнее всего пицит на уровне середины сугроба, ближе к правому краю. Ну, да, так я и думала — форточка! Интересно, кто вообще додумался засунуть форточку — не узкую боковую створку, а именно форточку — в стеклопакет?

А пицит-то, господа хорошие, совсем локально...

На столе обнаружилось нечто вроде указки — тонкая, длинная, гладенькая... Эй, а как же «ничего не трогать», завопил внутренний голос.

В слежавшийся снег указка входила легко, пока не уперлась в стенку оконного «колодца», до которого было с полметра. А вот в очаге писка сантиметров пятнадцать — и стоп!

Итак, что мы имеем?

Снег. А в снегу что-то твердое, металлическое, сложной формы, размером с пару кулаков...

Наблюдающие за мной Марат и Марина глядели уже как-то иначе: в глазах Марата засветился интерес, в глазах Марины — что-то вроде надежды.

Н-да, теперь точно пора звонить Ильину.

17

Никита меня даже ругать не стал, только вздохнул:

— Львовна, когда же ты угомонишься?

— Да ладно! — заныла я, — ты ведь мог и сам догадаться, а? Если форточка закрыта, а люди говорят, что она всегда открыта, да еще и штора помята...

— Причем тут штора? А, черт! — перебил сам себя герр майор, которого, видимо, осенило: — Так ты из-за шторы догадалась?

— Ну... в основном, — скромно согласилась я.

— Достали? — устало спросил Ильин.

Понятно, что спрашивал не о каких-то вредоносных персонах, которые действуют мне на нервы, а о пистолете. Вот будет смешно, если там все-таки не пистолет, а что-то другое. И за кого меня герр майор, собственно, держит? За дуру безмозглую, которая бездумно хватается за вещдоки, разрушая первоначальную картину?

Мелькнула какая-то мысль, смутная, неоформленная — так, неясная тень. Мелькнула и пропала. Ладно, после разберусь. Неужели Никита и в самом деле считает, что я способна...

— Обижает! — возмутилась я. — Что я, не понимаю, что ли? Даже не видели. То есть, не раскапывали. Следов никаких, будь уверен. За раму я

хваталась через носовой платок. Указка тоненькая, проткнула какой-то не-большой твердый предмет. Сложной формы, металлический. Посуди сам, что там еще может быть? Двор-то охраняемый. Да, понимаю, может, там какая-то ерунда из бетонной стенки торчит, но, честно, я подобного ни разу не встречала ни у единого подвального окна. Кусок арматуры — да, может быть. Но для куска арматуры объект великоват.

— Ох, Львовна, и почему я тебя до сих пор терплю?

— Да вот еще! Терпит он! Кто заставляет-то? Сам, все сам. Так что, должно быть, от большой любви...

— Ты полагаешь? — почти безнадежно и, по-моему, чисто риторически поинтересовался Никита. — И что мне с этим делать? Ладно, проехали. Будем оформлять повторный осмотр, а ты вали оттуда, чтобы и близко тебя не было! Окно не забудь закрыть! В комнате тепло, подтаает твой сугроб и...

Подумаешь — «не забудь»! Между прочим, мог бы и спасибо сказать за идею. Да и за проверку тоже. Как же, дожدهшься от них! Обидно. Ну и пожалуйста! Пойду домой, предамся сну...

Но почему-то все мои благие намерения разбиваются о неодолимые препятствия. В коридоре я наткнулась на Сергея Александровича, причем, восторга от нашей встречи он, кажется, не испытывал: глаза холодные, улыбка кривоватая. Раньше он намного любезнее смотрел. Или это освещение такое?

— Маргарита Львовна! С чем на этот раз связан ваш визит? Хотя, может, оно и к лучшему, пойдёмте в кабинет...

Досин усадил меня за стол, предложил чай-кофе и долго молчал. Я его, кстати, вполне понимала. Путается под ногами этакая фря...

Надо сказать, что новая должность его не украсила. Во всяком случае, не доставила удовольствия. Еще несколько дней назад Сергей Александрович охотно улыбался, шутил и вообще радовался жизни. Теперь же свежеиспеченный Большой Начальник выглядел усталым и не слишком довольным. Даже, пожалуй, разочарованным.

Не было у бабы хлопот, так купила поросся.

— Маргарита Львовна, поймите меня правильно. Против вас лично я ничего не имею. Вы отличный журналист, у вас прекрасный слог и способность выделить главное, — он вдруг поперхнулся, но, откашлявшись, продолжил: — с вами очень приятно работать. Но... То, что вы сейчас делаете — это... это... У фирмы тяжелый момент, да еще допросы, осмотры... Вадима уже не вернешь, надо срочными делами заниматься. А тут милиция каждый день шастает, людей отвлекает, охране призраки мерещатся — сумасшедший дом, одним словом, а не работа... — Я, соглашаясь, только кивала, как китайский болванчик. — А тут вы еще тень на пле-

ть наводите. Статеечки пишете, сенсации вынюхиваете. Призраки вас интересуют? Что вы себе позволяете, в конце-то концов?! — вдруг сорвался он на крик.

Впрочем, тут же взял себя в руки, но теперь в его голосе отчетливо звучал металл:

— Значит, так. Если вы хотите таким образом выбить компенсацию за сорвавшийся заказ, то это... стыдно. Хотя... я готов вам заплатить. За спокойствие. Чтоб вы больше не мешали работать. Сколько вам там причитается?

Стыдно? Кому тут должно быть стыдно? Лично мне почему-то стало смешно.

— Сергей Александрович, вы меня с кем-то путаете, честное слово!

— Понятно. Все-таки вам сенсации хочется. По-хорошему вы никак. Тогда... Если вы еще здесь появитесь, охрана вас просто вынесет. А если еще в какой-нибудь газетке ваши очередные домыслы появятся, пеняйте на себя, неприятности я вам гарантирую.

Тут я совсем развеселилась. Довели мужика, надо же, как из-за ничего бесится.

— Вы мне угрожаете?

— Нет. Предупреждаю. У меня дел по горло, Вадим, светлая ему, конечно, память, довел все до ручки, мне работать надо, а не за такими, как вы, грязь подтирать.

— Все? Разрешите исполнять?

— Ступайте, — скрипнул не то зубами, не то креслом Большой Начальник. — И оставьте, наконец, «Замок» в покое, займитесь чем-нибудь другим.

— До свиданья! — кивнула я и, каюсь, перед тем как закрыть за собой дверь, помахала ему ручкой.

Честное слово, жалко мужика: не успел стать начальником, как сразу куча проблем и никакого удовольствия.

Так, может, это он и убил? Вон, какой нервный. И в нынешней комнате отдыха раньше его кабинет был... Ну и что? — фыркнул внутренний голос. — То, что Досин знал про черный ход, пусть даже лучше всех знал — аргумент так себе, хлипковатый. Если кто и ходил через эту чертову дверь (которая якобы не открывается), так только «призрак». А убийца... Не верю я, что двум трезвым и бодрым дамам можно так отвести глаза, что они не заметят здорового мужика на расстоянии трех метров. Пусть даже не особенно крупного, но все равно не лилипута.

Так, может, Досин правильно на меня злится? Был ли мальчик-то? Обнаружение пистолета возвращает к версии самоубийства. Против этого остается единственный аргумент — этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

Или не возвращает? Если Замакин застрелился, пистолет не сам же в окно прыгнул да еще и форточку за собой прикрыл?.. А если оружие кто-то другой выбросил — то зачем? Только для того, чтобы из самоубийства сделать убийство? Убийце это явно не нужно. А нужно одной лишь Ларисе Евграфовне. Возможно ли, что Марина до такой степени хорошо к ней относится и до такой степени быстро соображает? В кабинет-то после выстрела никто больше не заходил...

Одни и те же рассуждения прокручивались в голове уже, кажется, по третьему разу. А это значит — либо я чего-то не вижу (ага, например, еще один потайной ход — в кабинете), либо что-то вижу под неправильным углом...

18

Ильин поджидал меня во дворике. Мирный такой, прямо на удивление.

— Тебя подвезти?

— Какая честь! На твоём ржавом ведре?

Ну почему я такая язва? Машинка у Никиты, в самом деле, невзрачная, но для оперативника — в самый раз, никто внимания не обратит, если что. И внешняя непрезентабельность не мешает ей бегать очень даже быстро (наверняка над движком супер-мастера колдовали, а то и вовсе меняли) и практически бесшумно. А уж насчет ржавости я и вовсе нагло вру. Вредина, что и говорить. А потом удивляюсь — почему это герр майор не торопится с проявлениями нежных чувств.

Впрочем, ему тоже палец в рот не клади. Парировал мгновенно:

— Повторяешься, радость моя! Ржавым ведром ты ее уже называла, придумай что-нибудь новенькое. А то потеряешь квалификацию, выгонят из журналистов, придется богатого мужа искать. Так подвезти?

Пришлось согласиться:

— Пошли, все равно меня тут не любят.

— Это кто же такой отважный?

— Да начальник новый. Такой был милый человек, а залез на самый верх — как подменили. Чуть не загрыз меня. Главное, ни за что!

— Ну-у, дорогая моя, это ты думаешь, что ни за что. На его месте после твоего замечательного интервью с вдовой я бы тебя точно в каком-нибудь подвале закрыл. К тому же следователь ему сегодня настроение подпортил.

— А что случилось?

— А! — Никита, посмеиваясь, покрутил головой. — Дурдом какой-то. Позвонил следователю Гаврилову этот твой Досин и поинтересовался, когда можно будет получить изъятый из кабинета покойного директора

диск. На нем данные, нужные для работы, и хотелось бы поскорее. Гаврилов, естественно, не в курсе, какой диск, ничего такого вроде не изымали, но пообещал уточнить. Уточнил и перезвонил Досину, мол, не изымали никакого диска с места происшествия. А тот вроде даже удивление изобразил: какой диск? Кто звонил? Я звонил? Да что мне, делать больше нечего? Гаврилов в него и вцепился. А в кого еще вцепляться?

— Теперь понятно, отчего он такой вздрюченный... А что за диск, выяснили? И кто звонил?

— А черт его знает! Представился ИО генерального директора «Замка» Сергеем Александровичем Досиным, номер не определился. В общем, черт знает, кто и что. Ни про какой диск с данными тоже никто ничего не слышал, голос звонившего вроде похож на голос Досина, но ты же знаешь нашу связь.

Это точно, нашу связь я знала. Иногда мальчика от девочки или бабушку от девушки отличить невозможно, что уж там более тонкие тембровые различия. А уж когда помехи на линии появляются, тут не то, что голос — не разберешь, на каком языке с тобой разговаривают. С мобильными телефонами проблем меньше, но не так чтоб совсем все прекрасно, ГТС же — праздник души и именины сердца.

Уже ясно было, что попадание оказалось точным, но я все-таки спросила:

— Пистолет-то нашли?

— Нашли. Тот самый оказался, что на фирму зарегистрирован, а в сейфе отсутствует. Баллистику к завтрашнему дню обещали сделать, может, и сегодня управятся, дело-то резонансное, но, скорее всего, сюрпризов не будет — орудие убийства почти наверняка. Кстати, господин Досин считает, что днем раньше пистолет еще находился в сейфе. Хотя присягать в том не станет. Так что, я думаю, оружие могли украсть заранее... Нет, но как ты догадалась?

— Профессионал! — подхватила я рекламную цитату. — Как вы-то не догадались? Почему за окно не заглянули?

— Потому, — веско и вполне исчерпывающе объяснил Никита. — С какой стати? Форточка была закрыта, сугроб в «кармане» вроде целый, снаружи следов тоже не было, так чего туда лезть? Ты знаешь, сколько времени каждый осмотр занимает? Почему бы нам тогда и весь двор не осмотреть? И уж весь офис — для гарантии! Да ладно, это я так... А ты молодец!

Надо ли говорить, что до самого дома я млела... Почти... Никита прервал мою как бы мечтательную как бы задумчивость прозаическим вопросом:

— Кофейком напоишь?

— Ни в коем случае! — как бы поддержала я как бы игру.

— Понятно, — вздохнул Ильин и тормознул у ближайшего магазинчика. — Какой-нибудь еды возьму.

— У меня есть еда! — не очень искренне возмутилась я.

На Ларины деньги я забила под завязку холодильник, купила — а как удержаться? — три-четыре книжки и «законопатила» еще несколько столь же срочных дыр. В том числе и кофе на квартал вперед.

— Еда есть, значит, наверняка вода кончается, — предположил Никита, вылезая из машины. Вернулся он с двумя пузатыми пакетами. Один явно позванивал. Мне показалось, что там мелькнуло горлышко кагорной бутылки.

— Токайского не было, извини.

Ну да, про мою любовь к токайскому пополам с минералкой знает вся доступная вселенная и, возможно, некоторая часть недоступной. Это не означает, что я не употребляю иных напитков. А кагор... Он, конечно, совсем другой, но, с точки зрения чисто вкусовых ощущений, заменяет токайское с минералкой вполне удовлетворительно.

Кофе я все-таки сварила, хотя вполне можно было обойтись и без него. Ильин выгрузил на стол невероятное количество пакетов со всяческой готовой едой вроде жареных кальмаров, сырных рулетиков, копченых абрикосов и маринованных лягушачьих хвостов, на фоне которых кофейная турка выглядела явно лишней.

Оглядев гастрономическое безобразие, я сказала:

— Не иначе, сейчас Глебов явится.

— Кто бы сомневался! — подхватил радушный герр майор.

Это вовсе не означает, что Кешка какой-то банальный обжора. Просто Никита любит приносить в мой дом еду, а Глебов — хлебом не корми — летит на «совещания». Он их улавливает как охотничья собака — легендарным «верхним чутьем».

Ну вот, не прошло и года. Точнее, пяти минут. И, разумеется, с традиционным свертком за пазухой. На этот раз хлебосольная Амалия Карловна послала голодной (по ее разумению) журналистке пирожков с ливером. Свеженьких, почти горячих.

Что они все думают? Мне же этого за год не съесть! А я ненавижу, когда пропадает еда, это хамство.

— Кешка! Ты же знаешь, у меня нынче не только деньги есть, я даже еды купила!

Но тот лишь руками развел:

— Рит, она сказала, что таких пирожков ты все равно нигде не купишь, а печь тебе некогда и лень.

Главное, конечно — лень, но Амалия Карловна вежлива и тактична.

Ильин умял три пирожка за полторы минуты, и пугаться за судьбу продуктового склада, в который превратилась моя берлога, я как-то перестала. Пока он ел, я доложила Глебову о последних событиях.

— И что ты теперь об этом думаешь? — спросил герр майор, сложив в надлежащее место килограмма полтора продовольствия.

— Да ничего! — довольно злобно отозвалась я. Злобно потому, что, конечно, злилась на саму себя — мыслей-то ноль. Ну... не совсем ноль, они, мысли, имели место быть, но все не по тому делу. Невероятным усилием воли я постаралась вернуться в «тему».

Что — теперь? Что, собственно, изменилось? Ясно же, что пистолетная эквилибристика к факту, способу и причине смерти господина Замакина не имеет не малейшего отношения!

— Ты так считаешь? — кажется, во взгляде Никиты светилось что-то, похожее на восхищение. Хотя, скорее всего, это на меня так кагор действует. Мерещится всякое.

— А чего тут считать? — поддержал меня Глебов. — Очевидно.

— Сдаюсь! Против вас двоих я в одиночку не выстою. — Ильин демонстративно поднял руки, но не унялся. — Так, может, это все-таки самоубийство?

— Почему — нет? — согласилась я. — Только все говорят, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

— Кто — все?

— Ну... Марина, Лариса Евграфовна...

— Ларисе самоубийство, как ты сама понимаешь, не с руки — она в этом случае хорошие денежки теряет. Марина ничего такого не говорила, хотя, если и скажет — ничего удивительного, она повторит все, что понадобится госпоже Замакиной. Редкий случай, но, видимо, бывает — она на супругу своего любовника молиться готова. Так кто эти «все»?

— Хорошо. Я.

— Что — я?

— Я считаю, что этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Не тот человек.

— О'кей, доверимся женской интуиции. И что тогда?

— Не знаю, — честно призналась я. — Тогда, значит, это не «запертая комната». Кешка! Надо разрешить логическое противоречие.

— Сколько угодно! Марина тебя загипнотизировала и Замакина грохнула.

— Отлично! Только меня загипнотизировать нельзя. По крайней мере, до такой степени. Я девушка доверчивая, даже наивная где-то, но практически гипнозу не поддающаяся. Так что давай еще версии.

— Еще? — Глебов задумался. — Там, в кабинете, точно нет еще одного потайного хода?

— Нет, — устало подтвердил Ильин.

— Тогда его этот зам застрелил. Или супруга.

— Ага! — обрадовалась я. — А после этого покойник вспомнил о чем-то незавершенном и решил позвонить по телефону. Сидит, понимаешь, с дыркой в башке и разговаривает.

— Львовна, я тебя умоляю! По телефону он разговаривал! А ты видела? Нет. Только слышала. С чего ты взяла, что это он разговаривал?

— А кто же? — Честное слово, иногда я сама удивляюсь собственной тупости. — Ладно, идея понятна, можно обдумать, хотя... — мне вспомнилось «маленькое» зеленое платье Лары, узенькая плоская сумочка размером чуть больше почтового конверта. — Нет, ерунда, давай еще.

— Еще? Прилетел вдруг волшебник в голубом вертолете — прямо в форточку... или кто-то из посетителей соорудил... ну... что-то такое...

— Кстати! — обрадовалась я. — О посетителях...

Ильин обреченно вздохнул:

— За весь день, если не считать секретарши, у Замкина побывало пятеро. Двоих последних ты видела. С утра заходила главный бухгалтер. Потом некто Синицкий, из Калининграда, что-то по поводу поставок. Таможня, все такое... Потом был курьер, но он в кабинет не заглядывал, поздоровался с Мариной, оставил почту — и привет. Незадолго до твоего там появления директор посетил господин Строев, хозяин магазинов «Строй-ка». Посетил по довольно странному поводу — якобы просил отсрочки по оплате партии не то сантехники, не то отделочных материалов.

— И что тут странного? Зима, обороты у всех строительных магазинов падают...

— Странно то, что у Строева проблем с деньгами туда-сюда не бывает, он живет под крылышком у Дробыша, и, естественно, живет припеваючи. Зачем ему вдруг понадобилась отсрочка платежа?

— Дробыш — это который раньше был БТР, а теперь по строительству подвизается? Вроде бы на его делянку Замкин недавно влез, да?

— Точно, — подтвердил Ильин. — Вполне возможно, что Строев приходил как раз по этому поводу, а вовсе не за отсрочкой платежа. Но у Замкина уже не спросишь, а сам Строев стоит намертво.

— А хочешь, Никита свет Игоревич, я тебе еще кое-что интересное скажу? Много-много лет назад у вышеупомянутого господина Дробыша имел место быть роман. Знаешь, с кем?

— Неужели?! — ахнул Ильин, но тут же осекся и сказал: — Мало ли что было давным-давно. Думаешь, это имеет отношение к сегодняшним событиям?

— Заметь, это ты сказал, — почему-то разозлилась я. Разозлилась, в основном, опять на себя. Не надо было сообщать майору об этом давнем романе. Или надо? Не люблю совпадений. И с кем, в конце концов, Замакин перед выстрелом по телефону беседовал (если беседовал)? А вдруг с самим Дробышем? Мало ли, что тот мог сказать. Тут и в самом деле до самоубийства недалеко.

— Эй, ребята, вы чего? — всполошился Глебов. Он страшно пугается, когда мы с Никитой ссоримся. Тьфу, леший! Как бы это мне их потактичнее выпроводить и спокойно подумать?

— Кешенька, а не познакомиться ли тебе с младшим поколением, то есть с сынулей секретарши? Ну, там, как живут, не нервничала ли в последнее время? Да ты сам все лучше меня знаешь, а?

19

Сообразительные читатели уже, конечно, все поняли: и что случилось, и как случилось, и кто, значит, воду мутит и даже — что за призрак и зачем он являлся. Все части головоломки уже собрались в кучку, осталось лишь расставить их по местам. И все же у меня к этому моменту подозрения едва-едва выстроились по степени вероятности. В том смысле, что стали концентрироваться более-менее на определенном лице. Но и только. Можно сказать, что я двигалась в нужном направлении, но абсолютно неподходящим способом. К примеру, я даже не осознавала важности того обстоятельства, что Марина, ворвавшись в кабинет Замакина, выдернула из розетки компьютерный шнур. Уж хотя бы этот факт я могла бы оценить по достоинству, все же не первый день с техникой общаюсь. А вот отнюдь!

Быть может, я просто тупая? Мне, однако, приятнее думать, что, как утверждал Арчи Гудвин, находиться внутри событий или читать о них, развалившись в удобном кресле, — очень разные вещи.

Так или иначе, проведив гостей, первым делом я позвонила Марату. Хотя, как оказалось, могла этого и не делать.

— Конечно, Рита, один из охранников будет ночью в приемной. Я уже распорядился.

— И, Марат... Хорошо бы кого-то посмелее, кто не будет жмуриться от страха перед привидениями... — довольно робко попросила я.

— У меня таких больше нет! — почему-то обиделся начальник охраны. А чего обижаться? Один-то есть — значит, могли бы и еще найтись.

Следующей в моем списке звонков значилась Марина. Не то чтобы я рассчитывала на какую-то важную информацию — скорее, оттягивала время перед главным разговором — но все-таки надеялась получить хоть что-то.

— Лариса Евграфовна всегда приходит... приходила без звонка. Может быть, на трубку звонила, я не знаю, но думаю, что нет, это не в ее духе, она привыкла, что все вокруг нее крутится. За деньгами? Это я неправильно выразилась, денег она у Вадима Петровича не просила, вроде бы ей и своих хватало, вот несколько раз он ей с помещением для курсов помогал, у него ведь такие связи в администрации были.

Тут мне вспомнилась фраза насчет «длинных ног» — и подумалось, что, как бы замечательно Марина к Замакиной не относилась, махонький червячок ее внутри точил. Да, наверное, любая женщина на ее месте про себя думала бы, что роль жены подходит ей лучше, чем той, которая в данный момент эту роль играет. Очень понятно. Во всяком случае, вряд ли она терпела статус кво более десяти лет, а тут вдруг взорвалась.

Форточку каждое утро Марина открывала сама, примерно за час до появления Вадима Петровича. Вечером закрывала, иначе кабинет за ночь выстывал до арктических температур. Летом — нет, летом форточка не закрывалась круглосуточно.

Господин Строев приходил не впервые. Был за неделю до того злополучного дня, и еще раньше. О визитах договаривался заранее. О чем именно он с Вадимом Петровичем беседовал, Марина не знала, возможно, что и о пресловутых отсрочках. Хотя обычно Замакин с «торговцами» старался не общаться, переадресовывал к менеджерам или — тех, что помасштабнее — к Досину.

Синицкого из Калининграда Марина знала хорошо, он как-то там с таможней связан, приезжает нерегулярно, то полгода нет, то каждые две недели появляется. И все прочее в этом духе. Все эти сведения называются «не пришей кобыле хвост». Информации вроде и немало, а ценность приближается к нулю. Ну и ладно, не больно-то и надеялась!

Самый главный звонок адресовался безутешной вдове. Я не стала делиться с Ильиным своими — пусть и вполне очевидными — выводами из того факта, что пистолет нашелся именно там, где я предполагала. Но из этого следовало, что моя реконструкция событий правильна (по крайней мере в той части, что я представляла себе более-менее ясно). Значит, выбирать приходилось между Мариной и Ларой — но у Марины было слишком мало времени, да и мозги, по-моему, не такие эффективные. Лариса же Евграфовна соображает молниеносно и вполне могла успеть.

Если это она... тогда копать надо совсем в другом направлении. Но, как ни крути, разговора с Ларой не избежать. Убедиться-то надо...

Беда в том, что я совершенно не представляла, о чем ее спрашивать. Зачем она это сделала? И так понятно. А больше не о чем. Если только

намекнуть, что, раз пистолет нашли, следствие может решить, что и у Марины, и у меня — проблемы со слухом, тогда все просто-напросто вернется на круги своя, и результат оперативных действий с Ларой окажется опять нулевым.

Мне ведь от нее только и нужно, что подтверждение. Но, разумеется, это возможно только в личной беседе. По телефону я могу лишь вызвать на встречу. Тьфу, как все глупо!

Не знаю, удивилась ли Лара моей просьбе, но встретиться согласилась сразу. Место стыковки оставили прежним. Я, правда, опасалась, что по вечернему времени угодим в полный аншлаг, но обошлось. Едва завидев Лару, Дамир превратился в одну сплошную предупредительность: усадил в отдельном кабинете (явно рассчитанном на целую компанию) и кроме заказанного кофе «от всего сердца» притащил блюдо с отборным виноградом и тому подобными фруктовыми радостями. Да, похоже, поразила его Лара в те стародавние времена до глубины души. По-моему, он не только помнил ее, но и до сих пор на что-то надеялся.

Но нет худа без добра. Переживая пароксизм гостеприимства, я, кажется, придумала, что говорить.

— Лара, вы извините, что я вас так выдернула. Мне в самом деле нужно с вами поговорить.

— Я здесь, — пожала она плечами.

В переводе это явно означало «не тратьте время на реверансы, приступайте к сути».

— Дело в том, что из-за меня ваша... активность может оказаться абсолютно безрезультатной. Так что, я чувствую себя где-то виноватой...

Я сделала паузу, но Лара ею не воспользовалась, молча смотрела на меня. Статую воплощенного внимания с нее ваять! Редкая женщина, что и говорить.

— Вы, конечно, уже знаете, что пистолет нашли. Я не стану спрашивать, зачем вы это сделали, все вполне очевидно. Любопытно, почему вы оставили форточку закрытой, но это тоже непринципиально.

— Я вас не понимаю... — Недоумение ее было настолько искренним, что на мгновение я поверила. На мгновение.

— Лариса Евграфовна, давайте не будем размазывать манную кашу по чистому столу. Весьма вероятно, что следствие сейчас вернется к версии самоубийства, решив, что пистолет с испугу выбросила Марина... — я отхлебнула кофе. Лара продолжала хранить молчание. — Хотя Марина — это даже не смешно. Во-первых, у нее просто времени не было на то, чтобы все сообразить и соответственно действовать. Меньше минуты, мо-

гу поручиться. Это несерьезно. И, главное, у нее-то не было необходимости хвататься за штору. Она эту форточку открывала и закрывала каждый день, ее отпечатки там были по определению. Так что кроме вас некому. Надо было только форточку открытой оставить...

— Тогда была вероятность, что они будут искать в снегу за окном...

— Что они вполне успешно сегодня и проделали, — почти автоматически буркнула я, не успев даже удивиться, как это Лара вдруг «проговорилась». И уже через секунду поняла — удивляться нечему: она опять все мгновенно рассчитала. Выкручиваться и юлить ей гордость не позволяет, а «проговариваться» передо мной можно хоть до второго пришествия, свидетелей-то нет. Дамир время от времени заглядывает, но не подслушивает же он под дверью... Львовна, ты, часом, не спятила? — спросил внутренний голос.

Наверное, я молчала слишком долго, потому что Лара как-то вдруг нахмурилась.

— Погодите... Вы что, думаете, что это я?..

— Да ничего я не думаю! И какая разница? Они сейчас в Марину вцепятся, и я не удивлюсь, если она скажет, что это она пистолет выбросила.

— Вы так считаете?

— Ну... я почти уверена. Собственно...

Мне вдруг подумалось, что застрелить Замакина Марина вполне могла — пока я в туалет бегала. Но симпатичной эта идея не казалась. Абсолютно.

— Собственно — что? — Лара как-то выпала из своей невозмутимости и спрашивала с явным интересом.

— Мне все это кажется глупым, но у Марины была лучшая возможность заранее заполучить пистолет. Тем более что господин Досин почти уверен: днем раньше пистолет еще лежал в сейфе.

— Сереженька? — безутешная вдова странно хмыкнула.

— А что вас удивляет?

— Да так, ничего. Обычно все его идеи надо делить на восемьдесят пять.

— Странно. А все говорят, что именно на его идеях «Замок» держался.

— Кто — все? — усмехнулась Лара.

Ощущение дежавю было настолько сильным, что пришлось ущипнуть себя за ногу — буквально два-три часа назад я обменивалась точно теми же репликами с Ильиным. Только теперь и возразить нечего. Потому что действительно «кто именно — все?»

— Ну... лично мне он показался вполне... — я задумалась, подбирая слово, — вполне компетентным.

— Еще бы! Он ведь настоящий крошка Цахес, ну, знаете — «мы пахали»?

Никогда бы не подумала, что Сергей Александрович — крошка Цахес. Или просто безутешная вдова его за что-то сильно не любит? За что бы это?

— Кстати, Лара, говорят, что сейчас у вас есть возможность получить в «Замке» немалое влияние.

— Кто говорит? Хотя, в самом деле, какая разница? Вы, вероятно, хотите знать, правда ли это? В принципе — да, но реализовывать эту возможность я не собираюсь. — Заметив начертанное на моей физиономии недоверие, она пояснила. — Занять центральное место нереально, генеральным в любом случае станет Досин, а значит, через год от «Замка» мало что останется. Дима в последнее время тоже не блистал прозорливостью, а Сергей Александрович в попытках что-то исправить разнесет все в пыль. И зачем мне это? У меня одно намерение — постараться получить свою страховку, а они потом пусть как хотят. Вы же теперь, должно быть, окончательно уверились в том, что это самоубийство?

— Не-ет, — проблеяла я. — Как раз теперь я не просто «уверилась», теперь я точно знаю — это убийство.

— Почему? — изумилась безутешная вдова.

— Потому что галлюцинациями я никогда не страдала, и вряд ли вдруг во мне такая способность проснулась. Лара... раз уж так сложилось, может, вы расскажете поподробнее? Вы вошли в кабинет и увидели...

Она вздохнула.

— Наверное, я увидела то же, что и вы... Я ведь ничего кроме пистолета не трогала. Крови было совсем мало...

— Кровь была свежая? Жидкая или уже густеть начала?

— Н-не знаю, растерялась вдова, — я как-то не присматривалась.

Тут я сообразила, что вопрос мой дурацкий (меньше надо детективов читать!) — кровь начинает сворачиваться минут через десять-пятнадцать, а то и больше. Для полного свертывания вообще не скажу, сколько времени нужно, это от многих привходящих обстоятельств зависит, включая состояние здоровья жертвы. Неспециалисту заметить тонкие различия в консистенции — это сомнительно, разве что на ощупь. Но вряд ли Лара пальцем в дырку тыкала...

— Ладно, а какая первая мысль была, когда увидели кровь и поняли, что Вадим мертв?

— Первая мысль была — «доигрался». Потом я поняла, что все это выглядит чистым самоубийством, и надо что-то делать. Дальше... вы уже догадались.

— И ни на мгновение не мелькнуло чувство, что это самоубийство?

— Нет. Это совершенно невероятно. Невозможно даже придумать такую причину, чтобы...

— А если бы угрожали, всерьез угрожали? Вам, или Марине, или мальчику? Сын для Вадима Петровича был важен?

— Да, сын для Вадима был очень важен. Марину я, конечно, не оставлю, если вы об этом...

У меня ничего подобного в голове и не мелькало. А тут вдруг мелькнул абсолютно фантастический мотив — нереализованное материнство. Пристрелить неверного мужа, подставить вечную любовницу, и кто бы усомнился, что Лара сумеет нажать на все нужные кнопки, чтобы заполучить ребенка. Ну и деньги страховые, разумеется.

— Нет, — Лара поморщилась, как от короткой, но ощутимой боли. — В любом случае — нет. Вадим все равно решил бы, что, так или иначе, выкрутится.

— А если бы он вдруг узнал о неизлечимой болезни?

— Нет, — тут она даже усмехнулась. — Просто не поверил бы, проверял бы двадцать раз, а потом все равно не поверил бы. Понимаете, тут ведь дело не в том, насколько веская причина. Просто есть люди, которые могут в себя выстрелить, и есть те, которым это и в голову не придет.

— Понятно. А где был пистолет?

— На полу, под правой рукой — как и должен был быть в случае самоубийства.

— А компьютер работал?

— Компьютер? Кажется... погодите... понимаете, они ведь сейчас везде, уже и внимания не обращаешь, но... да, точно работал. Монитор был темный, но на системном блоке огонек горел. Работал, точно. Вадим всегда ставит... ставил «нулевой» хранитель экрана, считал, что так монитор меньше выгорает...

Дамир попытался настоять на том, что наш «ужин» — за счет заведения. Но мы все-таки победили.

20

Итак, что мы имеем с гуся? Жир, господин учитель!

Лара весьма неуважительно отзывается о Досине, утверждает, что «Замок» ее не интересует, ей бы страховку получить, и больше ничего не надо. Может, и не врет. Не позвонить ли Санечке? Вроде не так еще и поздно...

— Рита Львовна, немилосердно так эксплуатировать больного человека! — умирающим голосом простонал он, ответив на звонок.

— Ты еще не выздоровел? — ненатурально изумилась я. — Извини, пожалуйста!

— Ладно, спрашивай, чего хотела?

— Солнышко наше осведомленное, может, ты случайно знаешь, нет ли у замакинской вдовы срочной нужды в деньгах?

— Есть. Она сейчас новое направление разрабатывает — индивидуальные образовательные туры. У нас в городе практически никто этим не занимается, туризм отдельно, образование отдельно, потому дело перспективное, но, сама понимаешь, даже на самое перспективное дело, прежде чем оно начнет приносить прибыль, уйма денег уйдет.

— И страховка за супруга ей позарез нужна?

— Натюрлих! — с явным облегчением подтвердил «умирающий».

— Санечка, я тебя обожаю! Выздоровливай скорее!

— С вами выздоровеешь, — буркнул «Главный Справочник» и отключился.

Ну и что? Лара и не скрывает, что ей деньги нужны. Едем дальше. Она утверждает, что «Замок» ее не интересует (ну, может быть, может быть), и говорит, что Марину, конечно, не оставит. Почему «конечно»? Что за странный альтруизм? Не «мальчика не оставит — это как раз можно понять — в память о супруге, а Марину, будто она ее от чего-то прикрывает. От чего? От подозрений? От прямых обвинений? Может, точно знает, что Марина виновна, но просто жалеет ее? Раз уж Замакина не вернешь, а тут человек почти родной...

Или... не могла ли она сама застрелить супруга? Вот так вот нагло, почти прилюдно. А ведь могла! Сымитировать последующий телефонный разговор... ну... тут возможны варианты. Магнитофончик какой-нибудь оставить... В голове опять мелькнула некая смутная мысль. Мелькнула и снова пропала.

А Марина? Я отсутствовала в приемной не больше двух минут. Мало-вато. Даже если заполучить пистолет заранее. А уж рискованно-то... И потом... Как она вскрикнула «Димочка!», как тряслась и стояла вся белая. Арчи Гудвин утверждал, что ни одна женщина не может по заказу побледнеть. Но теоретически...

И Досин мог... Да и Строев этот, наверное, тоже. А Сергей Александрович увидел свеженький труп шефа и испугался, что станет первым подозреваемым. Правда, обстановочка была — чистое самоубийство, но чужая душа — потемки, вполне мог испугаться.

Зато бухгалтерша и калининградский посетитель — чисты. Просто учитывая время смерти...

В этих размышлениях я и заснула.

Приснилась мне приемная Замакина. А вот стена между ней и кабинетом отсутствовала. Нет, не так. Стена стояла, даже картинка на ней висела, но кабинет, тем не менее, был отлично виден, только выглядел по-другому,

в соответствии с названием «Замок». Шкафы нахмурились темным дубом, лампы дневного света начали выплескивать язычки настоящего пламени, банальное «кресло руководителя» сменилось сооружением, которого не постыдился бы сам Вольтер (хотя мой личный опыт подсказывает, что «кресло руководителя» гораздо удобнее): стол солидно оперся на массивные львиные лапы, компьютер... вот компьютер остался прежним.

Тяжелые створки одного из шкафов медленно отворились, впуская в кабинет Ларису Евграфовну. Зеленое платье-футляр (то самое, которое было на ней в нашу первую встречу) и крошечная сумочка смотрелись среди окружающего «средневековья» еще более дико, чем компьютер на львиноподобном столе. Лара достала из сумочки пистолет и швырнула в окно. Форточка была открыта, но пистолет стукнулся о раму и свалился на пол. Из сумочки появился еще один ствол, точно такой же, как первый, и тоже полетел в сторону форточки. С тем же успехом. И еще один. И еще. Некоторые ударялись не в раму, а в стекло — без всякого вреда для оногo. Лицо Лары выражало полную сосредоточенность на процессе, и неудачные попытки ее, кажется, не обескураживали. Это что, новый вид спорта такой — метание пистолетов?

Когда счет бросков перевалил за дюжину, очередной «снаряд» угодил, наконец, в форточку. Лара явно расслабилась, подошла к окну и стала собирать «лишние» пистолеты, складывая их все в ту же сумочку. Потом на мгновение задумалась, шагнула к столу и сунула в сумочку настольную лампу. За лампой последовал письменный прибор, фотография в рамке, стеклянный глобус и горшок с каким-то лопухастым цветком. Кресло, не выдержав энергичных хождений вдоль стола, рухнуло набок. Лара недовольно оглянулась на источник шума — и кресло отправилось по накатанному маршруту.

Когда дело дошло до компьютера, в кабинете появились Досин, Марина и Марат. Марина совала Ларе пластмассовую офисную лейку и, похоже, настаивала на том, что цветок надо увлажнить прямо сейчас. Досин помогал запихивать в сумочку компьютер, но то ли Марина с лейкой мешала, то ли места уже не осталось, то ли вдвоем действовать было неудобно — «объект» упирался. Досин вынул из воздуха что-то длинное и тонкое, вроде спицы, и заявил, что с этой штукой сейчас все, как надо, получится. Лара продолжала свою бесплодную борьбу с компьютером, Марат его отнимал, Досин, тыкал своей спицей... Наконец, бедный агрегат не выдержал и разлетелся на много блестящих колесиков, которые с веселым звоном и лязгом раскатились по всему кабинету. Откуда в компьютере колесики? — успела подумать я до того, как проснуться.

Нетрудно догадаться, что звук был настоящим и шел из телефона, который дребезжал изо всех сил, только что с тумбочки не спрыгивал. Если

бы не этот звонок, я наверняка разобралась бы во всем прямо спросонья: колесики, бездонная, каких в жизни не бывает, сумочка и, главное, булавка, похожая на спицу, навели бы меня на правильный путь рассуждений, и ничего бы больше не случилось. Но, увы, не судьба.

Звонила Инга. Она у нас в редакции заведует кадрами и прочим делопроизводством. Некоторые считают ее секретаршей, но, по-моему, это то же самое, что Микеланджело обозвать маляром (хотя стены и потолки он раскрашивал).

— Привет! — сказала Инга. — Ты в редакцию сегодня собираешься?

— Холодно! — закапризничала я, уже понимая, что просто так не спрашивали бы. — Вроде не надо. Случилось что?

— Холодно ей! — якобы возмутилась Инга. — Пять градусов всего, и без ветра. Давай-давай, не ленись. Тебя бухгалтерия ждет, шеф премию выписал.

— Что за спешка? — удивилась я. — Я думала, он к зарплате добавит...

— Ну, не знаю, может, боялся позабыть. Давай, ждем.

Насчет пяти градусов Инга, конечно, преувеличила, в смысле, преуменьшила. Денек был морозный (нос и пальцы чувствительно пощипывало), хотя и солнечный, кое-где даже поблескивали крошечные лужицы (с пятак размером, а все равно радует — значит, весна уже близко).

Пока собиралась (душ, кофе, почту проверить), пока добиралась (пробки, гололед), прибыла в редакцию без чего-то час. Инга посмотрела на часы и вздохнула:

— Ну, вот, будешь теперь ждать, давай, я тебя хоть чаем напою.

Эти слова проистекают из довольно простых обстоятельств. В редакции, естественно, рабочий день не регламентируется. Народ по-разному приходит, по-разному уходит (журналисты раньше, верстка позже). Бухгалтерия — единственный отдел, для которого понятие «обеденный перерыв» является не гипотетическим, а вполне даже конкретным. С часа до двух — это святое, и хоть умри под дверь. К начальству это, понятное дело, не относится, но всем остальным приходится подлаживать свои дела к режиму бухгалтерии (даже если тебе надо быстренько оформить документы на рекламу стоимостью в половину недельного тиража — жди, когда «обед» закончится). Почему так — непонятно. Так — и все. И ведь никто не ропщет!

В начале третьего солнышко продолжало светить так же ярко, как с утра, в кармане ощутимо шевелился шальной прибыток, срочной работы в ближайшие несколько дней не предвиделось — в общем, тянуло на подвиги. А это значит что? Это значит, что надо срочно, пока есть возможность, себя чем-то побаловать. Что означает — книжный магазин, да побольше. Таких у нас в городе штук пять или шесть. Я предпочитаю тот, что поближе

к дому, с романтическим названием «Матильда». Никто не знает — почему и что бы это значило. Может, у хозяина так любимую женщину зовут? Или он, владелец, большой поклонник истории отечественного балета?

Собственно, причины моей любви к «Матильде» не только территориальные.

Сегодня удача была на моей стороне. Едва я успела подойти к любимым детективным полкам, как обнаружила новое пополнение. Отобрав среди классики (жанра, я имею в виду) по паре томов Дика Френсиса и Эллери Квина, любимую Хмелевскую (взяла бы и больше, но на них никаких премий не напасешься), на одном из соседних стеллажей увидела роскошный талмуд с названием «Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино». Стоила эта роскошь... тоже роскошно. Но — кутить, так кутить, зато радости надолго хватит.

Проницательный читатель, который давно уже догадался, кто злодей, и ждет — не дождется, когда же мы его поймаем, уже начал, должно быть, сердиться: события-то где? Ничего-ничего, сейчас будут вам события.

Едва я вернулась домой — даже переодеться не успела, только сапоги сняла, — как в дверь позвонили. Я прикинула к «глазку»: кажется, Марина с каким-то молодым человеком. Проклиная все на свете и посылая тоскующие флюиды к сумке с книгами, я, вздохнув, пошла изображать из себя гостеприимную хозяйку...

21

Марина, которую я привыкла видеть всегда... м-м... «залакированной», сейчас больше всего напоминала боевого воробья после встречи с очень голодной кошкой. Один конец шарфа болтался в районе колена, другой едва доставал до пояса, из кармана пальто свешивалась перчатка (где находилась другая — неизвестно, но не на руке), из пяти пуговиц застегнуты были три, а шапка вообще отсутствовала. Оно и понятно, назвать пейзаж на марининой голове прической язык не поворачивался, ни один головной убор не удержался бы, разве что пожарная каска с ремнем.

Марина ввинтилась в мою не слишком просторную прихожую, пропихнув впереди себя «молодого человека», который при ближайшем рассмотрении оказался не старше Глебова, даже, пожалуй, младше. Только повыше, где-то с меня ростом.

— Рита, я... — Марина оборвала сама себя. — Коленька, это Маргарита Львовна. Рита, это Коля. — Прямо «Пудинг, это Алиса, Алиса, это пудинг!» Только я в тот момент Кэрролла даже не вспомнила, ошарашенная диковинным обликом всегда безукоризненной секретарши. — Рита, мы можем поговорить, чтобы... — она замялась, но я почему-то

сразу уловила суть проблемы и, подтолкнув Коленьку к двери в комнату, сказала:

— Молодой человек, вон там есть компьютер, включить сумеете? Игрушек, правда, не густо, но уж — чем богаты. И... буду вам крайне признательна, если вы никуда больше лазить не станете. Договорились?

Юноша кивнул, только что ножкой не шаркнул:

— Угу, то есть, да, сумею... А... из шахмат ничего нет?

— Пошарьте в папке «GAME», что найдете, все ваше.

Подпихнув отпрыска в комнату, я с некоторым удивлением понаблюдала, как привычно он угнездился перед компом, и слегка успокоилась — этот не пропадет, лишь бы не снес мне чего ненароком, но это уж как повезет.

Марину, стащив с нее пальто и шарф и буквально вынудив вылезти из сапог, я отвела на кухню.

— Рита, я... ты извини, что я вот так... ворвалась... я боюсь!

— Так. Тихо-тихо! Что случилось?

— Ничего, — помотала головой Марина. — Наверное. Я просто дура, да? Но Коленька... у меня же ничего больше нет, понимаешь?!

Понимать-то я вроде понимала. Вот только почему делать это предлагалось мне, а не Ларе, например? Я напряглась, вспоминая, куда Ильин сунул бутылку с остатками коньяка. Она нашлась в нижнем отделении сушилки, между тарелками. Потом достала широкие коньячные бокалы и сунула один бокал Марине:

— Давай-давай, ликеров у меня нет, уж извини, давай, глотай.

Помогло. Она слегка порозовела и даже пригладила волосы. Еще немного, и зеркало попросит.

— Рассказывай!

— Мне позвонили в обед, сказали, что... сказали... Коленька разбился на тренировке... он не только шахматы... он... прости, это неважно. Я... я сразу побежала, приемную закрыла и...

— У кого отпрашивалась?

— Ни у кого. Сергея Александровича сегодня нет, а... Надо было Марату сказать, но я...

— Но ты была в растрепанных нервах. Дальше.

— Я приехала в школу...

— Почему в школу? Если несчастный случай, значит, сразу «скорая» — и в больницу. Что тебе сказали?

Марина растерялась. Потом... потом удивилась. Сквозь поток эмоций начали пробиваться мысли.

— Я... не знаю. Действительно, если что-то случается, надо в больницу... нет, про больницу он не говорил... я не помню... но надо было ехать в школу. Как же так?

— Вот так. Развели тебя как маленькую, остается выяснить — зачем.

— Да... — механически согласилась Марина. — А я думала — как можно такое подстроить...

— Никто ничего не подстраивал, тебя просто выманили в нужное место. Дальше что?

— Ну... я приехала, у Коленьки как раз дневная тренировка закончилась... Я, как его увидела, сознание потеряла, сердце не выдержало. Они меня в медпункт отнесли... потом... потом мы с Коленькой домой поехали, я же ничего такого не думала, кто-то, наверное, что-то перепутал, ужасно, конечно, но бывает. Приехали домой, а в двери записка, вот, — она протянула мне листок.

«Отдай что взяла

У тебя только один сын

В следующий раз все будет

НА САМОМ ДЕЛЕ»

М-да. Клинический случай.

По-моему, очень глупо, но, с другой стороны, на Марину-то подействовало! Не притворяется же она, в самом-то деле.

А если серьезно, то информации ноль. Лазерный принтер, стандартный лист А4, кегль не меньше тридцать шестого, только строчки не поперек страницы идут, как обычно, а вдоль длинной стороны. Эффектно. Даже убедительно. А толку?

— Я... я ничего не брала! — энергично замотала головой Марина.

— Почему ты Марата не предупредила, что уходишь?

— Торопилась...

— Торопилась она... Ладно. Сейчас первое, что надо сделать, — спрятать на время Коленьку, так?

Марина снова замотала головой с той же энергией и посмотрела на меня с надеждой:

— Может быть, ему можно ненадолго здесь остаться?

Конечно, это было проще всего — но здравый смысл возражал. Ну и я вслед за ним:

— Вряд ли это настолько безопасное место, я и мой адрес вычисляются в две секунды.

Как доказательство последнего утверждения зазвонил мой телефон. Рефлексы хорошей секретарши победили: Марина дотянулась до трубки раньше:

— Алло! Здравствуйте... Да...

Через минуту трубка упала на рычаг, а большие глаза Марины округлились еще больше и набухли слезами:

— Он сказал, чтобы я не дергалась.

Я удивилась. Не сильно, но все-таки. Конечно, выяснить, что Марина сейчас находится у меня, не слишком сложно. Но голоса у нас более-менее похожи, а, набирая чей-то номер, ты, как-никак, ожидаешь, что трубку возьмет хозяин помещения.

— Он тебя узнал?

Марина отрицательно помотала головой, до хруста сжимая пальцы.

О боги, дайте мне терпения! Я трижды глубоко вздохнула и выдохнула. Весь этот ужас (побелевшие губы, остановившиеся глаза и прочее в этом духе), изображаемый Мариной, казался мне несколько преувеличенным. По разным причинам казался. В том числе, потому, что опыт подсказывает: угрозы очень редко осуществляются. Тот, кто по-настоящему делает — не грозит. Это чисто психологический прикол. Ну, знаете, как это бывает: «В следующий раз я тебе этого так не оставлю!» Конечно, в следующий раз повторится то же самое. Впрочем, эмоции мешают большинству людей рассуждать здраво. С этим уж ничего не поделаешь, только принять как данность.

— Дословно можешь повторить? — спросила я у Марины.

— Он сказал... «Марина у тебя?.. Передай ей, чтобы она не дергалась, тогда все будет хорошо».

— Мужчина?

Она кивнула.

Странно. Даже глупо как-то. Хотя... И звонивший следователю «Досин» явно был мужчиной...

Массаракш! Не зря говорят, что третий раз — волшебный. Мелькавшая прежде смутная мысль теперь взорвалась в голове с ослепительным треском — так молния заливает пейзаж мгновенным, но безжалостным в своей точности светом. Можно ли быть такой идиоткой?!

Ясно, что у меня в руках единственная возможность... если я ее еще не упустила, и если она вообще была. Надежда, впрочем, есть, и немалая. Иначе с чего бы взяться призраку?

— Голос, конечно, не узнала?

— Хриплый такой...

Ну, еще бы! Для хриплости достаточно говорить негромко и на октаву-две ниже своего диапазона. Никаких зацепок. Придется ловить летящую пулю прямо в воздухе. И, возможно, зубами. В стиле Вильгельма Телля или Дэвида Копперфильда. Но что делать, если ничего другого не остается?

Но сначала — Коленька. Лучше бы, конечно, поторопиться и начать с Марата, однако справедливость справедливостью, возмездие возмездием, а безопасность (особенно чужая) — превыше всего. Редко-то редко, но, на грех, и грабли иногда стреляют.

Да и Марину жалко. С такими переживаниями и до инфаркта недалеко.

Лучше всех остальных телефонных номеров (даже лучше собственного) я помню два. Начнем с Кешки. Только бы он дома был (не помню, первая у него смена или вторая)! Если нет, придется подключать Амалию Карловну, которая, конечно, объект нежной моей любви и безмерного восхищения, но еще один человек в цепочке — это еще один человек.

Повезло. Глебов оказался уже дома. Насчет же его согласия поучаствовать в предполагаемых «безобразиях» у меня и тени сомнений не было, потому что Кеша — авантюрист похлеще меня.

— Инвентарь какой-нибудь требуется? — деловито поинтересовался авантюрист.

Я задумалась. Вообще-то...

— У тебя куртка поярче найдется?

— Спрашиваешь! Которую предки осенью прислали, годится?

Глебовские предки который уже год торчат в каком-то дальнем нефтяном зарубежье, заколачивают длинный доллар. Появляются иногда на несколько дней, дабы облобызать ненаглядное чадо и его не менее ненаглядную тетушку, а в остальное время напоминают о себе всяческими подарками. Куртку я вспомнила сразу: совершенно безумная, оранжево-бирюзовая расцветка и рост подходящий — авантюристу она пока что великовата, а Коленке в самый раз будет.

— Самое оно, — согласилась я.

— Маскироваться собралась?

— Ну... вроде того.

Судя по длинной паузе, Кешка пошел к окну.

— Расслабься, никто за тобой не следит, во дворе чисто, — сообщил он минуты через две.

— Умный, да? — возмутилась я. Терпеть не могу, когда из меня идиотку делают (у меня и у самой это неплохо получается, обойдусь без помощников). — А если из какого-нибудь окрестного подъезда в бинокль?

— Один-ноль, твоя взяла. Тогда балкон открой, чтоб уж не светиться.

— Глебов! Зима на дворе!

— Да ладно, зима! Сколько ее там осталось? Открывай, открывай, оно спокойнее будет.

В принципе, он был прав. Может, никто за моим подъездом и не наблюдает (а тогда и огород городить незачем), но если да, лучше перестраховаться. На подростков внимание редко обращают, но в нашей-то истории один подросток уже имеется.

Пришлось открывать балконные окна. Минуты через три в проем плюхнулся моток репшура — мне оставалось только зацепить его за ввинчен-

ный в стену крюк (у нас давно все налажено). По шнуру скользнул карабин с прицепленным к нему объемистым пакетом. За пакетом на мою много-страдальную лоджию съехал сам изобретатель «лестницы».

Рано в этом году лето начинается...

Представив гостям Иннокентия, я вкратце объяснила, что именно мы собираемся делать. Марина не возражала и вообще сильно напоминала зомби: решения принимают другие, она только исполняет. Интересно, это профессиональное или личное? То ли дело наша Инга: милая, тихая, воспитанная, исполнитель идеальной — но заподозрить ее в безынициативности все равно, что заподозрить пантеру в вегетарианстве. Люди такие разные...

Куртка сидела, как на Коленьку шитая.

— Пошли, что ли, подпольщик, — подтолкнул его к двери Кешка.

Коленька обернулся и робко посмотрел на мать.

— Иди, мой хороший, иди с мальчиком... А не заметят? — Марина с сомнением посмотрела на Глебова.

Ишь, ты! Однако, не такая уж она и зомби, соображает вполне здраво. А что идеями не фонтанирует, это, знаете ли, кому что дано. Где бы мы все были без исполнителей?

— Обижаете! — Кешка погромел добытой из кармана связкой подозрительного вида железок. — Пройдем через чердак, выйдем из соседнего подъезда, в моем доме так же сделаем. Не беспокойтесь, все нормалек будет. Львовна, я потом еще понадоблюсь?

— Еще как, Кешенька, как же я без тебя! Займи юношу чем-нибудь и возвращайся.

— Понял. Амалия присмотрит. Ну... я скоро.

Следующий звонок представлялся значительно более трудным. Я заранее надела на физиономию самое умильное выражение из всех возможных (хотя по телефону и не видно собеседника, но, в зависимости от выражения лица и голос меняется).

— Никита? Ты сейчас очень занят?

— Перезвоню через пятнадцать минут! — рыкнул мой любимый герр майор и отключился.

Кофе уже остыл, но мне и холодный сгодится. Интересно, когда это я успела его сварить? Превращаюсь в робота?

Нет, не превращаюсь. Под моей «пятой точкой» словно поселилось семейство очень маленьких, но очень беспокойных ежиков, пришлось даже привстать, проверяя — не подсунул ли Глебов одну из своих, хм, штучек. Штучек не наблюдалось. Нервная ты, Маргарита Львовна.

Марина же, наоборот, успокоилась и явно начала обдумывать сложившуюся ситуацию.

— Рита, а ты... ты не знаешь, чего он хотел?

— Догадываюсь.

— И... ты знаешь, где это находится?

— Знаю. Только не говори мне — давай отдадим, и пусть все идет, как идет.

— Ну...

— Ну и фигушки! У убийц на поводу я еще не ходила и не собираюсь! Или ты думаешь, что раз Вадима Петровича уже нет, то какая разница, да?

— Но... но он же сам...

— Ага, двадцать восемь раз сам! Плохо же ты его знала!

— Ты думаешь, что его убили?

Можно было дождаться, пока «свежая» идея уляжется в марининой голове, но, как говорил незабвенный персонаж (даже два персонажа), «куй железо, не отходя от кассы!»

— Здрасьте! Я не думаю, я знаю. Кстати, у меня к тебе гипотетический вопрос: если бы меня в приемной не было, когда Лариса Евграфовна появлялась, ты потом сказала бы, что она приходила?

Марина не замаялась ни на мгновение:

— Нет, конечно! Я от нее только добро видела и после этого, думаешь, буду ей гадости делать?

— Что, вот прямо так соврала бы? На камерах все равно увидели бы...

— Днем их частенько и отключают, — механически сообщила Марина, явно о чем-то задумавшись. — Ты что, думаешь... С ума сошла! Зачем ей?

— Ну... — многозначительно протянула я.

— Да не может быть! И... Кто меня пугал, кто записку в дверь сунул? Лара просто позвонила бы мне и сказала, что ей нужно, она знает, что я все для нее сделаю. Да у нее язык бы не повернулся Коленке угрожать! Ты ничего не понимаешь! Лара к нему как... как... Это ведь какой надо быть сволочью, чтобы ребенку... Господи!

Н-да, кажется, я немного перестаралась.

— Да не волнуйся ты, уже немножко осталось. До Коленки не добратся, ты пока тут побудешь, эту дверь танком выламывать надо...

От телефонного звонка я подпрыгнула на полметра, приземлилась, едва не поломав стул, вздохнула поглубже и...

— Привет, неутомимая ты наша! Сколько моего мяса тебе на этот раз нужно?

Я потеряла дар речи. Ну и ну! Должно быть, смерть мне суждена от рук добрых гринписовцев (это я к тому, что если Ильин такой миролюбивый, значит, в лесу сдохло какое-то очень крупное животное).

— Ау! Ты там онемела, или тебя на мушке держат? — радостно поинтересовался герр майор.

— А-а... О-о... Нет, — содержательно ответила неизменно невозмутимая Маргарита Львовна. Погоди, какая Маргарита Львовна? Ах, это же я! Ну-ка, соберись уже! Я собралась. Но продолжить свою речь не успела.

— А я-то надеялся! — «огорчился» Ильин (Интересно, надеялся на то, что онемела, или на то, что меня на мушке держат?). — Значит, ты хочешь мне рассказать, кто додумался повесить пиджак в шкаф... тьфу! кто додумался швырнуть пистолет за окно.

— Можно подумать, ты сам не знаешь? Нет, этого я тебе пока рассказать не хочу... — ну, теперь самое трудное... — Никита, у меня есть одна штука...

— Неужели еще один ствол?

— Ну, знаешь! — возмущению моему не было предела. — Где бы я его взяла? В общем, с этого... предмета надо снять отпечатки...

— Обалдеть! И куда их потом приклеить?

— Ники-и-ита! — заныла я. — Вы ведь можете оформить изъятие задним числом... Могли забрать при осмотре места происшествия, а?

— О господи! Что мы еще не заметили при осмотре места происшествия?

— Диск, который был в компе.

— Так он же все равно пустой!

— Во-первых, на этот счет нас доподлинно просветит Глебов, есть у меня некоторые сомнения в абсолютной пустоте этого диска. Во-вторых, отпечатки на нем — нутром чувствую — должны быть.

— Ну, Львовна! Сиди на месте, приеду минут через двадцать, так оно быстрее будет.

— Погоди! — попыталась я его остановить. — В квартиру не поднимайся, позвони снизу, я спущусь. Ладно?

— Да что там у тебя происходит?

— Приедешь, все объясню. Давай, жду, целую.

Леший меня задери! Сейчас же Глебов вернется!

23

Глебов недовольно заявил, что я поймала его прямо на пороге:

— Чего гонку устраиваешь? Сейчас приду, и все скажешь.

— Иннокентий, — я постаралась произнести это максимально размеренно, исполнившись важностью момента. — Не надо пока никуда ходить. Я должна отбыть ненадолго, подожди, а?

Кешка, конечно, мог начать демонстрировать характер — мол, раскомандовалась тут. Нет, он, похоже, уловил, что дела идут серьезные (кстати, я очень редко называю его Иннокентием), поэтому ограничился сугубо конкретными вопросами:

— Недолго — это сколько?

— Не знаю, Кешенька. Думаю, часа полтора, но это как повезет.

— Когда вернешься, я тебе нужен?

— Да. И очень. Коленку спрятать — это так, мелочи. Ты мне вот что скажи... А то, может, я зря и огород горожу. Хотя...

— Короче, Склифосовский! — оборвал меня Кеша. — Ты вроде торопилась куда-то.

— Короче? Вопрос к тебе, как к главному спецу. На стертой RV-шке можно прочитать, что на ней раньше было?

— Зависит от того, как стирали. Если начисто — нет, если по стандарту — да. Правда, совсем как раньше не восстановишь, так, фрагментами. Смотреть надо. А что за файлы?

— Погоди... Кеш, для тупого — в чем разница между двумя вариантами удаления?

Глебов явно поперхнулся, но вовремя сообразил, с кем разговаривает — уж наверняка я не техническими подробностями очистки лазерных дисков интересуюсь:

— Капитальная чистка минут десять занимает, стандартная — минуту. Тебе это помогает?

— Наверное... Какой процедурой чаще пользуются?

— Стандартной, конечно. Ты же не форматируешь дискету после каждого использования. Просто удаляешь файлы, и работаешь дальше. Принцип тот же. — Глебов на минуту замолчал. — Погоди... У твоего Замакина в порте пустая RV-шка стояла?

— Ну... да. Согласись, это как-то глупо.

— Что ж ты голову морочила — как покойник мог по телефону разговаривать? И где ты раньше с этим диском была?

— Ну, Глебов, не все же такие умные, как ты. Забыла про него начисто.

— Маргарита Львовна, я от тебя такого не ожидал. Привози, — заявил умный Кеша и отключился.

Ильин позвонил через несколько минут — я едва успела провести ревизию гардероба. Да, дую на молоко, да, скорее всего, никто за Мариной не следил, ну а вдруг? И потом... Может, сейчас и не следят, но следили ведь? Звонок-то веселенький последовал на мой телефон, а?

Скептически перебрав свои шмотки, я выбрала дубленку, которую надеваю два с половиной раза за зиму (в куртке мне как-то комфортнее), напялила шапку и высоченные сапоги на жутких шпильках. Подтянула повыше воротник свитера, нахлобучила капюшон, глянула в зеркало — мама родная не узнает, не то что человек, видевший меня всего-то раз... не помню, сколько, но немного.

Уже стоя на пороге, выдала Марине последние наставления:

— Дверь не открывай ни в коем случае. Понятно? Ни в коем случае! Даже если там кто-то моим голосом станет стенать, что ключи потерялись.

— А вдруг ты действительно их потеряешь?

— Не волнуйся, найду, где дубликаты взять. Так что поняла? Ни-ко-му. Телефон можешь брать, если вдруг опять, но постарайся узнать голос. Звонок своего мобильного убавь до минимума или вовсе переключи на вибро.

Марина, до того послушно кивавшая, уточнила, махнув в сторону двери:

— Там слышно, да?

— Леший его знает! — честно ответила я, попутно удивившись тому, что Марина, оказывается, неплохо соображает (очень просто набрать номер нужного мобильного и послушать под дверь — не в этой ли квартире засел хозяин трубки). — Не было случая проверить. Скорее всего — да, акустика тут та еще. Так, что-то я еще хотела... Да, пока дожидаясь, попробуй... В общем, не могла ли ты забыть кого-то из посетителей?

— Как это? — удивилась «идеальная секретарша».

— Ну... не забыть — не обратить внимания. Кого-нибудь таких, обыкновенных, своих. Уборщица там, курьер, охранник, почтальон, в конце концов, Марат тот же самый...

— Да нет, вряд ли. Марат в тот день, по-моему, вообще в офисе не появлялся, это сейчас он там днюет и ночует из-за призрака этого дурацкого. Нет, не знаю.

Даже профессиональная память работает избирательно, автоматически разделяя посетителей на «важных» и «неважных». Про визитеров «второй категории» способна забыть даже идеальная секретарша.

— Ты все-таки подумай. Если что — звони мне на трубу. Не дрейфь, я быстро!

Ильин к моему маскараду отнесся странно: хмыкнул и сообщил с непонятной интонацией:

— Тебе идет.

Ах, ну, разумеется — полфизиономии закрыто! Или все-таки нижние конечности в таких сапогах смотрятся элегантнее, чем в кроссовках или тем паче в гриндерсах?

Сомнения разрешились быстро.

— Если мадам будет и впредь носить эти сапоги, я готов служить для них извозчиком все свободное от основных занятий время.

Обратите внимание — для сапог он будет извозчиком. А я так, бесплатное приложение.

— Ага! А потом скажешь, что я тебя компрометирую, и потребуешь взамен большой и чистой любви.

— Это с тебя-то? Ну-ну.

И все! Всю остальную дорогу Ильин молчал, как памятник генералу Карбышеву. Уставился на дорогу и хоть бы раз в мою сторону глянул! Правда, на наших «трассах» на мгновение отвлечешься — и ты вверх колесами, если не хуже. Зато домчались моментально (Ильин вообще ухитряется летать по городу с какими-то безумными скоростями).

— Давай свой объект. И пошли сразу тебя откатаем, чтобы отсечь.

Я вручила Никите драгоценный диск и обиженно заявила:

— Не пойду. Нечего там отсекал. Моих там нет.

— Уверена?

— Абсолютно. Я диски за поверхность не хватаю.

Вернулся он быстро. Отдал мне диск и вздохнул:

— Знала бы ты, что я ради тебя терплю...

Возмущению моему не было предела:

— Ради меня?! А тебе самому не интересно? Поехали, а? Глебов уже, наверное, копытом бьет.

Ничего подобного! Картинку мы застали прямо-таки идиллическую: Коленька помогал глебовской тетушке лепить вареники. Амалия Карловна тут же насыпала с полсотни в коробочку и всучила мне. Я пыталась доказать, что у меня сейчас запасов продовольствия — как на оборонном складе, но разве ее переспоришь?

— Знаю я твои запасы! Три мышинных хвостика да пачка соли. Бери и не разговаривай. Сунешь в морозилку, всяко пригодятся. А лучше сразу свари, мужиков кормить надо. Вон как у Никиты Игоревича глаза блестят! Таракан твой — как его? Вольдемар? — и тот скоро сбежит, если не померет раньше.

Ильин хохотал. Кстати, таракана моего зовут Бенедикт. Впрочем, его не зовут, он сам приходит.

Иннокентий, с головой ушедший в какую-то магическую (или героическую? Я их не различаю) игрушку, даже не повернулся, только руку протянул:

— Давай. Чего так долго?

24

— Ни фиги себе! — присвистнула я и мысленно зааплодировала собственной сдержанности. «Ни фиги себе» — это было слабо сказано. Обстановка заслуживала, по меньшей мере, семнадцатипятиэтажного монолога. Но это не ко мне, увы. Если я говорю, что произнесла слово из тех, о которых воспитанным девушкам и знать не положено, это почти наверняка банальные «сволочь» и «скотина» или чуть менее банальные «зараза» и «холера». Для менее печатных определений практики не хватает. Мысленно

могу, а вслух — язык не поворачивается. Для «вслух» требуется такое мощное волевое усилие, что всякий смысл пропадает. Ведь все эти «выражения» служат именно для выражения — своего отношения к окружающему, причем, — выражения предельно сжатого, чистая экспрессия. А если слово приходится проталкивать через глотку силой — какая уж тут экспрессия?

Кто-то из больших знатоков как-то заметил: «слов немного, быть может, пяток — но какие из них комбинации!»

А уж тем, кто эти самые «комбинации» умеет составлять, я завидую страшно: иногда окружающая действительность прямо требует надлежащей (то есть, единственно возможной) оценки.

За всей беготней никто не заметил, как официальный рабочий день подошел к концу. Глебов управился меньше, чем за час. И не успели мы еще прослушать восстановленный (ну, насколько удалось) диск, как в маринном мобильнике прорезался удивленно-встревоженный Марат.

Когда большая часть сотрудников покинула помещения «Замка», он отправился на ежевечерний обход. Добравшись до приемной, удивился отсутствию Марины, ибо был абсолютно уверен, что она не выходила. Вот только он живой человек, с присущими всем живым естественными надобностями, и отбежал в туалет. Марина специально не подгадывала момент, само собой получилось. Марат оглядел приемную — вроде все в порядке — и тут уже по-настоящему забеспокоился: дверь кабинета была приоткрыта. Чуть-чуть, на пару сантиметров, но — приоткрыта. А ей полагалось стоять запертой.

Заглядывать Марат не стал. По крайней мере, так он сказал, и вообще, про «случайно обнаружил» — это с его слов, как на самом деле, неизвестно.

Обнаружив непорядок, он позвонил Марине на трубку, дабы выяснить, куда она делась, и сообщить о нештатной ситуации во вверенном ее попечению помещении.

Ну и что было делать?

Ильин после недолгих, но весьма аргументированных уговоров остался оценивать результаты глебовских стараний, а мы с Мариной двинулись «поглядеть».

Вот и поглядели.

— Какой ужас! — выдохнула Марина.

— И главное — среди бела дня, — равнодушно констатировал Марат.

— И вы в дежурке ничего не слышали? — не удержалась я, в очередной раз позавидовав тем, кто умеет употреблять разные слова, которые воспитанным девушкам и знать не положено.

Марат покачал головой.

— Мы ведь обычно в передней комнате находимся, в той, что к входу примыкает, посещения контролируем. В прошлый раз оно случайно получилось.

Объяснение более чем исчерпывающее.

Но «среди бела дня» — это и впрямь забавно. Призраки гуляют все больше по ночам, а чтобы днем, да с такими... убедительными результатами... Может, оттого и по ночам, поскольку днем они чересчур буйствуют?

Как бы то ни было, в этот раз призрак порезвился на славу. Перед интерьером (вернее, тем, повторяю, что от него осталось) замакинского кабинета первозданный вселенский хаос выглядел каталожным отделом научной библиотеки. Преувеличиваю, конечно, но общее впечатление создавалось... сильное.

Ковру кто-то сообщил о его родстве с пустынями (судя по цвету) — и ковер вздыбился барханами и прочими красотами пустынного рельефа.

Панель, прикрывавшая радиатор отопления, уныло висела на одном болте (или на чем там она еще закреплялась? — в общем, на одном углу), украшенная россыпью свежих вмятин и изгибов. Роскошный кожаный диван стоял поперек, почти перпендикулярно стене. Сопутствующие кресла выдвинулись почти к центру кабинета. Кресло руководителя вообще угодило в дальний угол.

Даже шкафы «отправились гулять», отойдя от стен сантиметров на двадцать-тридцать. Кажется, единственным предметом «на своем месте» оставался стол. Ему, впрочем, от этого было не легче: все пространство вокруг (метра три диаметром) усеивали бумаги, диски и коробки от дисков. Похоже, наш призрак в отличие от своих классических собратьев обладал реальным весом: многие диски и коробки были раздавлены чьей-то тяжелой поступью.

Осторожно двинувшись к столу, я старалась наступать на пустые участки ковра — этот чертов пластик ломается со звуком а ля перестрелка на Диком Западе. И охрана ничего не услышала, ибо находились они «в передней комнате». Ну... допустим, допустим...

Стол, естественно, опустошили: ящики валялись кверху брюхом, дверцы распахнуты, содержимое громоздилось на месте сбежавшего в угол кресла...

Из вершины мусорного террикона головой рассерженной кобры высывался компьютерный шнур. Интересно... Я не без труда вытащила шнур и воткнула его в розетку. Комп загудел. Очень интересно... Это кто же его, бедненького, так варварски выключает? На мониторе появилось сообщение о некорректном (а то я сама не догадалась!) завершении предыдущего «сеанса» работы и просьба больше так не делать, пользоваться предусмотренной для финала процедурой.

Понятно, что тот, кто включал (и выключал!) компьютер последний раз, очень спешил, но я почему-то разозлилась. Не надо думать, что они желез-

ные и ничего не чувствуют. Очень даже чувствуют! «Жесткие» (сетевые) выключения — это, в переводе на человеческие ощущения примерно то же самое, как усыпляют вас ударом по голове, а будят ведром холодной воды.

Марина печально бродила по кабинету, подбирала какие-то папки, блокнотики, безделушки, прижимала к себе, роняла, пыталась разобраться с дисками и неразборчиво причитала. Марат, как и в прошлый раз, наблюдал за моими действиями с плохо скрываемым интересом. Он что, думает, я еще один пистолет тут разыщу? Да не стану я ничего искать! Весь этот... хм-м... интерьер меня не слишком беспокоит, тут все ясно, и разгром понятен. А лично мне и надо-то всего одну не очень важную штуку проверить.

Машина, наконец, проинспектировала свое самочувствие и загрузилась окончательно. Правда, молча. Совсем интересно... Я залезла в «громкость» — включена, стоит на середине. Что за чудеса?

А, ну, конечно же!

Я огляделась. Ага! Выключила машину, вытащила из кучи колонку, по проводу нашла вторую, воткнула, куда положено, нажала на кнопки...

Минуту спустя в кабинете раздался замогильный хохот и звон. Никакой мистики, всего лишь «привет, начинаем работу». А что? Каждый развлекается, как может и хочет. Если ты возглавляешь «Замок» и на «рабочем столе» у тебя соответствующая картинка — почему бы и звуки не поставить зловеще мистические?

«Призрак» включал компьютер (диск-то надо вытащить!), и из колонок неслось... то, что неслось: мистический хохот, звон кандалов и костей. Пусть это даже был единственный раз — уже достаточно. А уж в ночном безмолвии после похорон хозяина кабинета, когда настрой соответствующий — тем более.

— Ну что, Марат, это ваш призрак?

— Точно, — подтвердил господин начальник службы безопасности с несколько, впрочем, озадаченным видом. — Но...

— Кто же тогда все это устроил?

Ох, Мариночка, тебе бы в греческой трагедии играть! С такими-то интонациями...

— Как, кто? Тот же, кто компьютер включал.

Ну, все, пожалуй. Здесь ничего интересного больше нет и не будет.

Ладно, Марин, поехали уже.... Заночуешь у меня, — добавила я шепотом, подумав, что будет очень обидно, если сейчас, когда все очевидно и все уже сделано, вдруг случится какая-нибудь гадость. А ведь может. Убийца ведь не знает (или знает? Черт! да сколько же можно сомневаться в том, что уже все. Мало ли...)

Ох, как я промахнулась с этим «уже все»! Ну, кабы знать...

Ильин изображал из себя Рыцаря Печального Образа. Точнее, воплощал всем своим видом Образ Печальной Задумчивости. Образ этот объяснялся просто. Никита свет Игоревич успел уже не только прослушать доставленный Глебовым «материал», но и позвонить своему (а может, и не «своему», может, там у них какие-нибудь дежурные следователи, не знаю) Гаврилову и теперь находился в смятении чувств, расстройстве мыслей и вообще был грустен.

Следователь, с одной стороны, вроде бы как восхитился обнаружением пресловутого диска с «как бы» телефонным разговором и отпечатками пальцев, с другой же... Все, что господин Гаврилов изложил «с другой стороны», выразалось кратко: «ну и что?»

Общий смысл был ясен. По мнению следователя, во-первых, отпечатки, хотя и присутствуют, но не слишком пригодны для идентификации, и, скорее всего, к убийству отношения не имеют, во-вторых, очень может быть, что и сам диск не имеет отношения к убийству, и, в-третьих, раз все это не имеет отношения ни к чему, может, все-таки самоубийство?

— Вот, блин, зануда! — непочтительно подытожила я и решила сама еще раз послушать — зря, что ли, Глебов старался.

Послушала. Начало занимала тишина. На двадцать минут примерно. Причем Глебов уверял, что готов почти гарантировать, что тишина эта — «изначальная», то есть, так и было, а не потому, что все снесли. Дальше шли куски какого-то весьма эмоционального телефонного разговора. Точнее, реплики одного из собеседников. Кусков, к счастью, было немного (да и разговор, сколько помню, звучал недолго). «Выстрел» был достаточно похож на выстрел. В общем, все выглядело более-менее ясно.

— Что тебе сказать? — обратилась я к Ильину. — Пусть Марина еще послушает, да и мне еще разок не помешает, но, насколько я вообще что-то помню — это тот самый разговор. И еще этот странный звук в конце, после паузы — вроде бы как выстрел, затем удар или падение чего-то тяжелого. Но, как я понимаю, господина следователя это не убедит, так?

Герр майор устало кивнул. Бедненький! И чего я докопалась? Ему бы расслабиться, пивка попить, с девушками красивыми пообщаться — а тут Маргарита Львовна жилы вытягивает.

— Значит, твой Гаврилов считает, что запись якобы предсмертного разговора, плюс отпечатки на диске с пресловутой записью ничего не значат. И ты с ним согласен? — подытожила я.

— Что касается доказательной базы — да, согласен, — ответил Никита. — Насчет самоубийства — это в нем профессиональная деформация

говорит, убийство, конечно, и схема понятна. А вот отпечатки ты переоцениваешь. Во-первых, полторы штуки всего, и те смазанные, а, во-вторых, даже если бы были самые, что ни на есть, качественные — что с того? Не бывает сейчас кретинов, которые свои пальцы оставляют. Например, твои пальчики на этом чертовом диске значили бы что-нибудь? Ах, да, я забыл, ты за поверхность не хватаешься. Но большинство-то хватается! И что это значит? Ни-че-го. Даже наоборот.

— Выходит, тебе с твоим Гавриловым нужно собственноручное признание убийцы? И желательно, чтоб убийство на видеокамеру?.. Погоди... На видеокамеру...

Я схватилась за телефон.

— Эй! Ты чего делать-то собираешься?

— «Ловлю на живца», неужели непонятно? Раз уж вам непременно надо глазками посмотреть.

— То есть... Ты хочешь позвонить, сказать, что диск у тебя и...

— И — самое главное — вдолбить, что у Марины ничего нет, нечего ребенка терроризировать. И, кстати, послушать, что мне именно на это скажут. Очень интересно.

Герр майор, кажется, пропустил весь последний пассаж мимо ушей — а ведь специально для него говорила, чтоб перед Мариной особо не рассыпался.

— Ау, Львовна! Да остановись же! Ты не боишься, что тебя начнут убивать?

— Жажду! Такого со мной, кажется, еще не было. Вообще-то, исторический опыт подсказывает, что убить меня не так-то просто. Вот смотри. Встречу назначим в кафе — ну хоть у Дамира. Стрелять в кафе — себе дороже, так? Отравить? Сложно. Во-первых, я настороже, во-вторых, попробуй в такие сроки быстродействующий яд достать. Холодное оружие? Это — пожалуйста, тут я вас всех немного удивлю. Ладно, твое дело — можно вместе с Глебовым — обеспечить техническую поддержку. То есть зарядить нужное место нужной аппаратурой. Договорились?

Я уже начала набирать нужный номер, но Ильин меня вновь остановил:

— Ты уверена, что точно знаешь, кому надо звонить? Что, если это не она?

— В каком смысле «не она»? — изумлению моему не было предела. Думала, что Ильин уже во всем убедился, а, оказывается, ничего подобного. — И что ты хочешь этим сказать?

— Ну... ты ведь можешь ошибаться...

— Могу, — кротко согласилась я, продолжая удивляться: похоже, в куче обстоятельств душка Ильин не уловил той однозначности, которую я видела абсолютно ясно. «Не она» — это надо же! Или это я что-то преувеличиваю?

На всякий случай еще раз перебрала мысленно пятерку подозреваемых и ключевые (с моей точки зрения) обстоятельства. Марина, Строев, Досин, Лара, ну, и Марат для полного комплекта: Ларина сумочка, непонятное Досинское подмигивание, диск с «разговором», Марина, неотлучно сидящая в пустой приемной, «призрак», звонок «Досина» следователю...

Нет, ребята, я точно знаю, кому надо звонить.

— Добрый вечер, это Рита Волкова.

— Добрый вечер, Рита, я могу вам чем-то помочь?

Надо же, какой Версаль!

— Пожалуй. Хотя, наверное, я тоже могу, — я выделила местоимение и сделала паузу, хоть и не мхатовскую.

На том конце провода молчали. Но трубку не вешали. Ну, ладно, продолжу:

— Марина приехала ко мне и рассказала, что ее шантажируют. Требуют отдать какую-то вещь, которую она якобы взяла из кабинета Вадима Петровича, и угрожают безопасностью сына. Она в ужасном состоянии и говорит, что совершенно не представляет, о чем речь, — я сделала еще одну паузу. С тем же результатом (если можно считать результатом тот факт, что наша несколько односторонняя беседа до сих пор продолжалась). — И я ей верю. Потому что мне кажется, что речь идет о том самом диске, который лежит у меня. А Марина действительно ни сном ни духом, и мне ее очень жалко. Глупо трепать нервы человеку, который вообще не в курсе, а?

Я зримо почти увидела, как с той стороны провода приподнялась бровь — это плохо разыгранное недоумение, призванное скрыть явную заинтересованность. Голос в трубке звучал почти сочувственно:

— Шантаж — это безобразие, а угрожать ребенку — вообще подлость. Конечно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь Марине. Хотя пока не понимаю, о чем вы говорите. Что вы предлагаете?

Умно, очень умно. Либо послать меня в туманную даль — а вдруг у меня и в самом деле что-то есть? — либо попытаться потянуть время. И, конечно, в любом варианте — ни в чем не признаваться. В туман меня пока что не послали, значит, второй вариант. Что ж, дадим понять, что меня можно купить...

— Для начала — посоветоваться. Как вы думаете, этот диск стоит тысяч пятьдесят? Или сто? Или лучше отнести его следователю? Правда, придется объяснять, откуда я его взяла, и что вообще все это значит — там, по-моему, всех устраивает версия самоубийства, и шевелиться никому не хочется. А деньги мне очень бы пригодились. Ну... за беспокойство. Я старалась, сохраняла его, даже специалиста нашла, чтобы запись восстановить... Разве это не стоит возмещения?

Убедительно? Сойти за крутую шантажистку мне все равно не удастся, не мой «размерчик» А недоделанная «интеллигентка», которую разрывает между моральными принципами и банальной алчностью... В конце концов все продаются, вопрос в цене. Правда, я лично себя ценю куда дороже ста тысяч, но кто о том знает?

— Мне кажется, Рита, что нам с вами лучше встретиться лично. Может быть, я и в самом деле смогу посоветовать что-то полезное.

— Не сомневаюсь. Наверное, «У Дамира»? Завтра вечером. Вам это удобно?

— У Дамира?.. Н-нет, не стоит. Там недалеко есть кафе «Планета», знаете?

— Еще бы! В восемь вечера, хорошо?

— Почему не утром? Ну... ладно.

Опять интересно, вы не находите? Понятно, что мне удобнее вечером — надо же Ильину с Глебовым дать время, чтоб «зарядить» помещение соответствующей аппаратурой. А вот почему ты не возражаешь против вечера? Тебе же надо как можно быстрее выяснить, что там, у этой чертовой журналистки, а? В «Планете» вечером даже своего визави толком не разглядишь — может, поэтому? Неужели меня в самом деле попытаются убить? Черт подери, я начинаю себя чувствовать прямо-таки значительной персоной! Остался последний штрих, чтобы уж наверняка:

— Договорились. В восемь в «Планете». И... мне действительно нужен совет. Пятьдесят тысяч — это как-то несолидно, да? Сто — это даже звучит лучше, правда? Какая-нибудь кредитная карточка... Я слабо представляю, как такие сделки совершаются. Вы, наверное, более в курсе?

— Я подумаю над вашей проблемой. До завтра.

26

Кафешек вроде «Планеты» наверняка не меньше, чем планет во Вселенной. Барная стойка, танцпол, легонькие стульчики и незыблемые столы «под мрамор» (видимо, по соображениям безопасности на случай конфликтов), оглушительное «музыкальное сопровождение», дым коромыслом и полутьма, прорезаемая беспорядочными «космическими» вспышками. Дешевые напитки, три вида пиццы, орешки, сухарики и прочая закусочная мелочь. Публика сплошь молодая, занятая исключительно собой.

В общем, для сомнительных встреч место самое то.

Интересно, как они собираются что-то записывать при том освещении, которое, скорее, отсутствие оногo? И грохот убойной силы... Глебов, конечно, гений, да и герр майор не лыком шит, но все-таки...

В «Планету» я притащилась загодя, дабы занять один из удобных для наблюдения столиков. Ага, кажется, вон тот — у входа, в углу, за колонной. Только устроилась — лицом к залу, как учили — в телефоне объявился герр майор.

— Молодец, хорошо сидишь, только за штору чуть сдвинься. Мало ли, через окно тоже можно стрелять.

— Здешние стекла только гранатометом возьмешь, — огрызнулась я, но за штору спряталась. Действительно, мало ли что. И чего я огрызаюсь? Должно быть, от неуверенности. Неуютно мне как-то. Некомфортно.

Интересно, все мишени так себя чувствуют? Утешает лишь, что Ильин, судя по звонку, меня видит. Может, он вдобавок к электронике и личный эскорт мне обеспечил? Что утешает еще больше. И все равно недостаточно. Меня тут пристрелят или зарежут, а Ильин сразу же убийцу под белые рученьки, и в черный «воронок». Справедливость-то восторжествует, а я?

Да не вибрируй ты так! — рявкнул внутренний голос, — сама же утверждала, что убить тебя трудно! Очень вовремя рявкнул, надо сказать, у меня уже и стул подрагивать начал. Я несколько раз глубоко вздохнула и начала размеренно повторять «урок»: не умничай, не выпендривайся, не иронизируй, ты должна выглядеть в достаточной мере дурой, иначе ничего не выйдет, тебе не поверят и заподозрят ловушку. Теперь я начала трястись уже от неуверенности. Трудно изображать идиотку перед кем-то, кто тебя знает. Жадность, конечно, оглупляет, но кто ж поверит, что я могу быть жадной? Ох, зачем я только это предложила? Только испорчу все...

Появление убийцы я прозевала. Вздрогнула, услышав над собой мягкий, бархатный голос:

— Добрый вечер, Рита, вас не затруднит отключить телефон?

Надо же, какая осторожность! Еще и улыбается. Да полно, может ли такое обаяние от убийцы исходить? Остановись, Львовна, хватит теоретизировать, еще ляпнешь чего-нибудь не то. Ты сейчас должна думать только о возможности хапнуть хорошие деньги. Остальное сделает Ильин.

— Покажите диск.

Соседний стул жалобно пискнул. На столе возник ноутбук.

Я сдвинула его почти за себя. (Дура! Нельзя проявлять осторожность! И тут же внутренний голос запротестовал: — Ага, конечно, пусть хватает компьютер, только я туда диск вставлю, и убегает?!) Я провела демонстрацию искомого диска и восстановленной копии, убрала то и другое во внутренний карман куртки.

На столе появился небольшой сверток.

— Здесь тридцать тысяч. Давайте диск.

— По-моему, речь шла о пятидесяти, даже о ста...

Пачка исчезла.

— Тем лучше, — в бархатном голосе прорезались металлические нотки. — В милиции вас и слушать не станут. Уж предпринимать точно ничего не будут. Так что я занимаюсь чистой благотворительностью. Ну?

Я лихорадочно соображала, что правдоподобнее — согласиться или упереться? Согласиться? Вроде бы с шантажистами не торгуются. А если упрусь, может, сейчас разойдемся — и что?

— Думайте быстрее. В любом случае это все, что удалось собрать. Ну, так как?

Я кивнула и протянула руку.

— Считать будете?

— Непременно, — не сдержалась я.

Дура! Придержи свою язвительность хоть немного! Переигрываешь!

Я развернула пачку на коленях, наклонилась к ней, постаравшись по возможности приподнять правое плечо, чтобы прикрыть шею, и принялась считать. На тридцать первой банкноте меня что-то боднуло в бок. Большое такое, как минимум, носорог. Хотя откуда бы в кафе взяться носорогу? Или это я уже брежу?

По всем законам жанра мне вроде бы полагается почувствовать, как мир вокруг взрывается миллионом сверкающих осколков — и провалиться в темную пучину небытия. Если повезет — временного. Может, я уже там? Да нет, вряд ли. Никаких таких ослепительных вспышек мое сознание не озаряло, да и на мрачную бездну беспомыслия все это не походило. Я даже со стула не свалилась (правда, особо-то валиться было и некуда). И вокруг все тот же дым, разбавленный мельканием якобы «цветомузыки».

Самочувствие, конечно, не самое бодрое — не зря мне носорог помечтался — но до предсмертных конвульсий далеко. Еще бы вспомнить, как это люди дышат...

Я почувствовала, как мне лезут за пазуху. Черт! Ну, где же они там?! Сейчас вытащит диск и уйдет! Может, за руку схватить? Да где же вы?!

27

— И как это зашивать?

На правом боку куртки зияла дырка. Махонькая такая, аккуратненькая — пустяк. Но это же синтетика — ни заштопать, ни заплатку поставить.

— Говорила, надо было кожаную куртку надеть.

— Кожаная хуже амортизирует, — объяснил опытный Ильин.

— Амортизирует! Свитер заштопать — не проблема. А с этим теперь что делать?

— Складочку заложишь, — предложил сообразительный Глебов.

— Ага, складочку! Где тут складочку делать? — капризничала я.

— Гаврилов тебе новую куртку купит, — осадил меня герр майор. — Он теперь тебе по гроб жизни благодарен.

— Ну, значит, по гроб жизни и будет мне на куртку копить. Представляю, какая зарплата у следователей!

Когда Досина увезли, Ильин чуть не силой отволол меня в круглосуточный травмпункт, всех там построил, посмотрели, сделали рентген — ребра целы, потом намазали какой-то пакостью... Пусть на меня травматологи не обижаются, но, по-моему, если бы не мазали, картинка была бы куда изящнее. Такой симпатичный синячок получился — ажурный такой, прямо кружева.

— Из чего он хоть стрелял-то?

— Газовая «беретта», калибр пять и шесть, устраивает?

— Ну, надо же, какая экзотика!

— Этой «экзотики» в любом оружейном отделе навалом — приходи и покупай, — хмыкнул Глебов. — Слабенькая, но при выстреле в упор вполне действенно. Ты у нас теперь прямо суперагент!

— Угу, целое подразделение суперагентов! До сих пор коленки дрожат.

Можно сказать, что меня спасла лень (недаром я всегда говорю, что это главный двигатель прогресса и прочих положительных вещей). Ладно, не совсем лень, скорее, ее последствия.

Зарядку делать надо, кто бы спорил. Но Маргарита Львовна, как известно, большой лодырь. То есть, не очень большой, просто всегда обнаруживаются занятия более интересные, нежели чисто физический тренинг. Меня хватает лишь на самую необходимую зарядку. Есть, правда, один «ленивый» вариант — постоянно носить «грузила» — например, свинцовый пояс. Места он занимает немного, и результаты дает недурные. Именно такую кольчужку мне и подарил на Восьмое марта один знакомый ролевик. Очень полезный подарок оказался.

Правду сказать, я впервые использовала этот самый подарок по прямому назначению — как защиту. Никита настаивал на бронежилете — дескать, он и полегче, и вообще штука проверенная, но я уперлась. Я в этой «проверенной штуке» двигаться не умею, ворочаюсь, как беременный бегемот. А кольчужка мягкая, к телу прилегает, и привыкла я к ней.

Само собой, если бы Досин использовал нормальный пистолет, при выстреле практически в упор меня никакая кольчуга бы не спасла (то есть, жизнь бы спасла, но лечиться пришлось бы изрядно). Я рассчитывала на то, что «настоящего» пистолета быть не должно. Во-первых, где его так быстро взять? Во-вторых, звук. Пневматику и достать легче (пошел в магазин и купил), и тише она, намного тише. А при почти контактном выстреле — к примеру, чуть снизу в печень — «мишени» мало не покажется. Может, и до сердца достать, если угол выстрела правильный. Или в селе-

зенку... Разрыв селезенки — тоже штука малоприятная и с жизнью практически несовместимая.

Хотя, если честно, я вообще про выстрелы не думала. Мне казалось, он ножом махнет. В ту же печень... Ну... сложилось, как сложилось...

28

Я до сих пор ломаю себе голову над тем, что (и кого!) означала реплика Ильина «если это не она». Он ничего не объясняет, только отшучивается — дескать, подразнить хотел, да ты так убедительно отреагировала, что растерялся: может, это пресловутая женская интуиция сработала. Какая уж там интуиция, когда сплошной математический расчет. Бывает, что какое-нибудь обстоятельство неколебимо указывает на одного из... хм-м... персонажей. В «замковой» эпопее все сложилось наоборот: персонажи «выпадали из обоймы» методом исключения.

Сначала отпала кандидатура так и не увиденного мной господина Строева. Конечно, он мог бы убить из-за каких-то бизнес-конфликтов (хотя вряд ли таким изощренным способом), но гарантированно не мог стрелять из «рокового» пистолета, ибо не имел к нему никакого доступа и, скорее всего, даже не знал о его существовании. Да и не подпустил бы Замакин такого посетителя ни к себе, ни к сейфу, где лежал пистолет. Так что, если бы стрелял Строев, он стрелял бы из какого-то другого оружия. И ключа от «секретной» двери у него быть не могло, ибо откуда? Так что «призраком» он тоже не мог быть. К тому же крайне маловероятно, что он был в курсе семейных обстоятельств Марины. Но это уже так, мелкие дополнения.

Безутешная вдова не годилась на роль убийцы из-за своего костюма. Да, она могла бы и пистолет добыть, и подойти на расстояние выстрела, и Замакин бы ничуть не встревожился. Но как бы она ухитрилась протащить в кабинет диск? В ее сумочку и дискета бы не поместилась. И, главное, Лара не могла рассчитывать на то, что окажется на месте сразу после обнаружения тела. Да и не стала бы она так тщательно изображать самоубийство — чтобы потом с этой же версией бороться.

Наконец, явление «призрака» начисто обеляло Марину и Марата. Марину — потому что, сидя целый день в приемной, она могла обыскать кабинет хоть двадцать семь раз, не было никакой необходимости туда по ночам появляться. Марат же — если он имел ко всему этому безобразию какое-то отношение, то не стал бы поднимать вокруг «призрака» такую бучу. Цыкнул бы на подчиненных, чтоб не дурили, — и все. В крайнем случае, доложил бы директору. Да и возле кабинета он в тот день не появлялся. Была у меня мысль, что Марина на кого-то из своих могла не обратить внимания, но главбуха-то она назвала.

Оставался Досин. И самоубийство ему «в цвет» было, и диск в папочке мог принести, и ключ от задней двери именно у него должен был оставаться, и про Марину он все знал, и к шефу мог подойти вплотную, не вызвав никаких подозрений. В общем, там, где у других были сплошные «не», у него стояли сплошные «да».

Лара, конечно, была права в оценке деловых и интеллектуальных способностей господина первого зама. Гонору много, а на практике — пшик. То есть, основная идея неплохая: застрелить Замакина было проще простого — он никогда не верил, что с ним может что-то плохое случиться. Потом приложить его ладонь к пистолету (не столько ради отпечатков, они на оружии очень редко остаются, сколько ради следов пороховых газов на руке), поставить в компьютер диск с записью «телефонного разговора», записать подходящий разговор, «выстрелом» задать опцию, стереть после проигрывания и благородно удалиться, оставив дверь слегка приоткрытой, чтобы слышно было. Два независимых свидетеля подтвердят факт самоубийства, и Досин — «первый парень на деревне». Смог бы он грамотно управлять фирмой — вопрос уже второй, скорее всего, нет, но он-то думал, что да. Естественно, на месте происшествия он окажется одним из первых, диск (уже стертый на всякий случай) незаметно изымет, и все, никто никогда ни о чем не догадается.

Но Сергей Александрович решил «позолотить лилию». Нехорошо, подумал он, если ужасные события начнутся сразу после его визита. Немного ненатурально, согласитесь. Опять же, диску для стирания нужна минута — а вдруг «независимые свидетели» сразу рванутся в кабинет? Надо бы паузу сделать минут на двадцать. Без вызова в кабинет никто не входит, а вызвать покойник никого не может...

Первый камешек в его замечательную схему бросила Лариса Евграфовна. Да-да, своим неожиданным визитом. Строго говоря, Лара была почти единственным человеком, который мог бы ворваться в кабинет Замакина вот так запросто. Ну... разве что пресловутая Арина Барр (которая до того вообще никогда в «Замке» не появлялась и потому вряд ли бы и появилась). Случайность? Абсолютная. Однако если ты такой умный, почему эту самую случайность не предвидел и не обезвредил? Подумаешь, как сложно! Анонимный звонок с предложением поделиться информацией о невесте супруга и предложение встретиться — где-нибудь подальше. В принципе, ту же операцию — на всякий случай — можно было и с Ариной Барр проделать. Ведь совсем просто.

Но... «господин первый зам» об том не подумали.

И вот... Лара появляется в кабинете, видит свеженький труп и мгновенно соображает, что, куда ни кинь, — все клин. Либо оставить все, как есть, и поднять тревогу — тогда чистое самоубийство, и она теряет солидную

страховку, либо избавиться от пистолета — и тогда она первая подозреваемая (тело еще теплое, и даже кровь сворачиваться только начала). Мгновенное решение: Лара выбрасывает пистолет в форточку (очень аккуратно, надо признать — касается рамы и ручки только через штору) и делает вид, что ничего не произошло.

Второй «камешек» в идеальную, казалось, схему бросила Марина. Не камешек — настоящий булыжник. Кинувшись к ненаглядному шефу, она зацепила компьютерный шнур и выдернула его из розетки. Результат: незаметно изъять диск стало абсолютно невозможно. Кто не в курсе, поясню: чтобы вытащить диск из выключенного компьютера, надо чем-то длинным и тонким (типа шпильки, проволочки и т.п.) ткнуть в махонькую дырочку на передней панели. Во-первых, никто никогда не помнит, где эта дырочка, собственно, находится (у разных моделей по-разному), во-вторых, попробуй в нее попасть, да еще и незаметно. Разве что, если ты опытный компьютерщик, который подобную операцию проделывает регулярно. Ведь многие обычные пользователи о такой возможности даже не подозревают, так как уверены в том, что для изымания диска компьютер надо как минимум включить.

Третий камешек — вернее, целую скалу — бросает ушлая Маргарита Львовна. Точнее, не столько бросает, сколько «подбирает». Право, ну зачем мне понадобился этот пустой! диск? Интуиция? Ну... может быть, может быть.

В общем, благодаря вполне случайным, но весьма эффективным усилиям трех женщин ситуация пошла наперекосяк. Пришлось задействовать страховочный вариант.

Начинаются веселые похождения «призрака». А куда деваться? Досин очень хотел забрать диск. Тогда, когда планировал, он не смог этого сделать из-за Марины. Следующий день ушел на подготовку к похоронам, затем — сами похороны и поминки. Кстати, еще одна глупость. Зачем непременно тайно, тихой сапой в ночи? Надо было просто на пять минут — совершенно открыто — заехать в «Замок», зайти в кабинет, сделав вид, что срочно нужны какие-то документы, и вытащить диск. Побоялся. Я же говорю — болван (и вообще, только болваны могут настолько все усложнять). Даже если бы у кого-то мелькнула вдруг какая-то нехорошая мысль — и что? Доказательств нет.

Сказочка про «заклиненную» дверь — безусловно, изобретение Досина. Думал ли он уже тогда об убийстве? Не знаю. Но решил, что тайный вход-выход может пригодиться. Вот и пригодился. Все, что нужно было для беспрепятственных прогулок «призрака» в кабинет — пустая приемная. То есть — либо ночью, либо надо было как-то нейтрализовать Марину. Тоже, в общем, глупо. В первый же визит обнаружил, что диска в компьютере нет, тут бы ему и успокоиться, но как можно успокоиться, когда боишься?

Самое смешное, что при наглости основной идеи Досина погубил именно недостаток этой наглости. Ведь, в сущности, пока он не начал на меня бросаться, ничего серьезного против него не было. Уперся бы — я не я и лошадь не моя — и все, отдыхайте, господа обвинители! Даже эти чертовы отпечатки на диске — ну и что? Я в день за десяток дисков хватаюсь, так что мои пальцы вообще ничего не доказывают. Мало ли кто мне мог диск подсунуть, чтоб я за него подержался! Кто именно? Да я же не говорю, что кто-то специально меня подставлял, так сложилось. Кто? Да откуда я знаю, ищите, вам за это зарплату платят.

Но... Досин боялся. Очень. Ему казалось, что его участие в событиях не просто очевидно, оно громко вопиет. Можно даже сказать, что его сгубило самомнение. Так же, как он преувеличивал свою значимость в бизнесе, он преувеличил и значимость своей персоны для следствия. Ну как же! Он ведь такой... выдающийся. Даже следователю по поводу диска звонил, представившись собственной фамилией — как раз, чтобы отвести от себя подозрения (вроде как настоящий преступник не станет же себя таким образом афишировать, значит, кто-то Досина подставляет). А никто, кроме меня, на него и не думал. Перемудрил он, перемудрил...

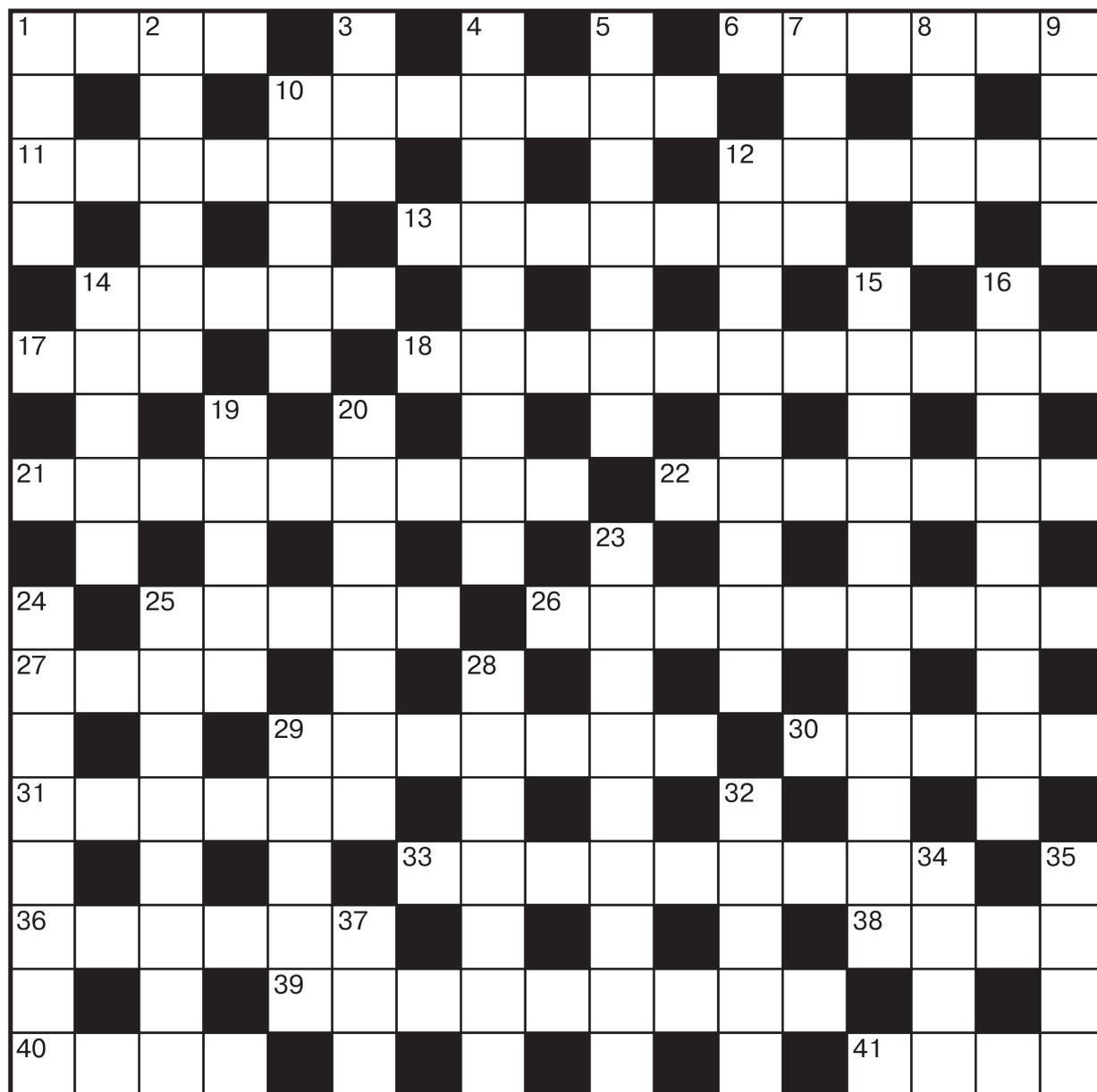
В общем, очень глупо.

Кто-то скажет, что вовсе и не глупо, а я на господина первого зама сердита за покушение. Конечно, сердита (бок еще болит). Но не за выстрел — в конце концов именно этого мы и добивались. Однако я очень не люблю, когда меня за идиотку держат. Стрелять в людном кафе — честно говоря, вполне разумно: наверняка каждый из потенциальных свидетелей опишет моего собеседника по-разному (хотя... у официанток глаз профессиональный, могут и запомнить). И «кольчуги», разумеется, могло и не быть (эта деталь вообще маловероятна и объясняется лишь общими странностями Маргариты Львовны Волковой). Но страховочное послание («вскрыть, если со мной что-то нехорошее случится») я, если я не полная кретинка, не только могла, а должна была оставить (с копией пресловутого диска). Это, в конце концов, азбука шантажа (иначе каждого шантажиста бы ликвидировали без всяких последствий). А Досин даже не попытался выяснить наличие такового послания. С другой стороны... я ведь и старалась изобразить полную кретинку. Так, может, надо гордиться, а не злиться?

За нападение — тем более обижаться нечего. Никита еще две недели ежедневно приезжал инспектировать состояние моего травмированного бока. Так что за выстрел — не злость, а сплошная благодарность.

А куртку я за полчаса починила. И правда, какая уж там зарплата у следователей? ▢

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Ради кого балерина Инна Елисеева развелась с Эдуардом Радзинским? **6.** «Пленник» ломбарда. **10.** Американский идол, чью песню исполняет герой комедии «Дождливый день в Нью-Йорке». **11.** Из чего в тропиках хижины строят? **12.** Рихард из опер-

ных гениев. **13.** Второй день русской масленицы. **14.** «Прощание с Петербургом» у Иоганна Штрауса. **17.** Грязевой гейзер бескультурья. **18.** Где служит месье Крюшо в исполнении Луи де Фюнеса? **21.** О каком таинственном континенте можно узнать из диалогов Платона? **22.** Что отр-

зок превращает в вектор? **25.** Какого живописного гения можно отыскать среди кратеров Меркурия? **26.** Кого власть вносит в список неблагонадежных? **27.** Элитная вечеринка. **29.** Малышковский врач. **30.** Склад былого. **31.** Что заменяет конституцию в Катаре? **33.** Домашняя оранжерея. **36.** Кто из секс-символов нашего кино когда-то был чемпионом Питера по самбо? **38.** Горячий испанский парень. **39.** Звезда советской эстрады с жемчужными бусами в косе. **40.** Талисман сиделок и врачей. **41.** Советский мультфильм «Жирафа и ...»

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что помадой подкрашивают? **2.** Благовоние в лоне церкви. **3.** Портрет кисти богомаза. **4.** Какой танец отказалась протанцевать вместе с кардиналом Ришелье королева Анна Австрийская в мушкетерском романе Александра Дюма? **5.** Кто пассажирский поезд обслуживает? **7.** Французский хули-

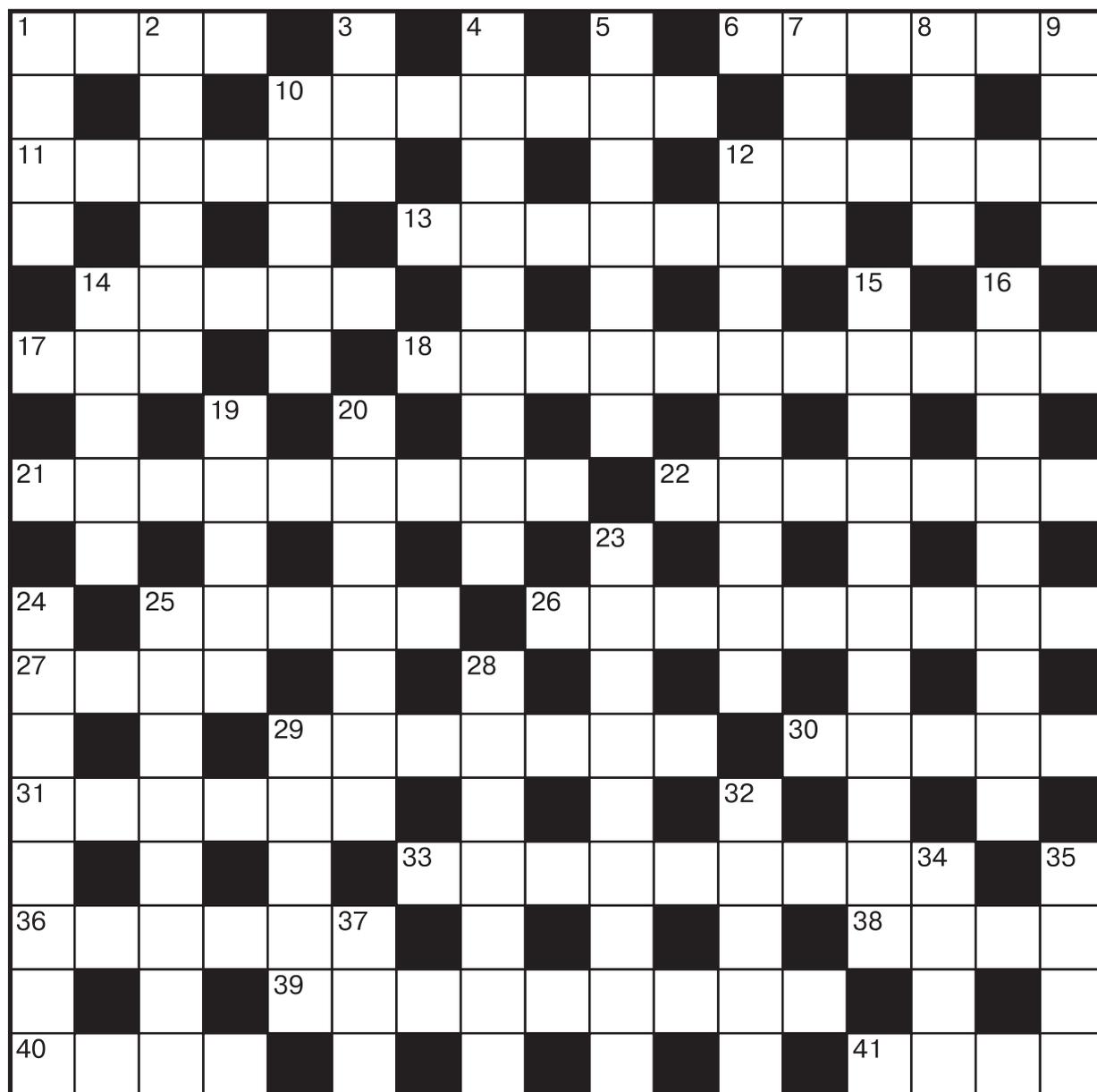
ган. **8.** Река, чья дельта по размерам уступает только Миссисипи. **9.** Термин «черная ...» предложен в 1967 году астрономом Карлом Вилером. **10.** Кто такой рефери? **12.** «Замысловатые хитрости». **14.** Дежурство на судне. **15.** Коллекция сказок. **16.** «Самый молочный штат» США. **19.** Какой музыкальный инструмент имеет самый большой диапазон из всех деревянных духовых? **20.** Степная дрофа. **23.** Конкурс «ответов на вопросы». **24.** Кто из русских портретистов дослужился до чина генерал-майора? **25.** Первый космонавт из Монголии, ставший позже министром обороны. **28.** Местная вариация языка. **29.** Как подарочный, так и социальный. **32.** Что сказочный Емеля повелел саням привезти из леса самостоятельно? **34.** Повод для встречи футбольных команд. **35.** В каком курортном городе проходили съемки волшебного фильма «Старик Хоттабыч»? **37.** Завсегдатай тюрьмы.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Вилка. **9.** Водопад. **10.** Фишер. **11.** Тропа. **12.** Совесь. **13.** Бранч. **14.** Вратарь. **16.** Падишах. **19.** Ужас. **21.** Элодея. **23.** Молва. **24.** Капкан. **25.** Соната. **26.** Ворон. **27.** Оршад. **29.** Пони. **31.** Восторг. **33.** Экипаж. **34.** Июньч. **35.** Наряд. **37.** Баттон. **39.** Поилка. **40.** Волынка. **41.** Клад. **42.** Газель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Попов. **2.** Ловелас. **3.** Маятник. **5.** Иерарх. **6.** Копыто. **7.** Вихрь. **8.** Зерно. **13.** Брюллов. **14.** Вагоновожатый. **15.** Шутка. **16.** Паспортистка. **17.** Здравомыслие. **18.** Вязание. **20.** Автостоянка. **22.** Балаганов. **28.** Бри. **30.** Кэшбэк. **32.** Голова. **36.** Мазь. **38.** Нож.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Музыкальное сопровождение фламенко. **6.** Кто вдохновил Анну Ахматову на стихотворение «Старый портрет»? **10.** Брелок для самозащиты. **11.** Волшебное дерево у китайцев. **12.** Кличка мастифа Саши Белого из сериала «Бригада». **13.** Синоним путеводите-

ля. **14.** Горы на греческом острове Крит, «связанные» с младенчеством Зевса. **17.** Единственный праведник из Содома. **18.** Друг принца из «Лебединого озера». **21.** Какую ленту Ларс фон Триер считает лучшей в своей карьере? **22.** Соль щавелевой кислоты. **25.** Компонент восточно-

славянской каши кулага из ржаной муки. **26.** С какой страной на юго-западе граничит Швамброния? **27.** «Принцесса пируэтов». **29.** Прическа, ставшая в свое время модной благодаря французской актрисе Брижит Бардо. **30.** Кто руководил возведением Обводного канала в Петербурге? **31.** «Приемный день» во дворце. **33.** Облегчение стресса бранью. **36.** Душа умершего злодея из верований ашкеназов. **38.** Сибирский налог в дореволюционной России. **39.** Луковый суп с корицей среди кулинарных предпочтений Леонардо да Винчи. **40.** Старинная немецкая поэзия под музыку. **41.** Бекас из тундры.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто из нобелевских лауреатов консультировал создателей фильма «Девять дней одного года»? **2.** Кто изобрел вакцину от проказы? **3.** Какой видеофрагмент циклически воспроизводят? **4.** Ежедневное поминовение у

православных. **5.** Древнейшая овчарка из Италии. **7.** Поэтическая дочь композитора Александра Скрябина с персональным памятником в Тулузе. **8.** Ящерица из гекконов. **9.** Настоящее имя Арамиса. **10.** Мужская рубашка из Западной Африки. **12.** Первый учитель Леонардо да Винчи. **14.** Молдавская народная песня. **15.** Сильное развитие подкожного жирового слоя на ягодицах человека. **16.** Коллекционирование почтовых наклеек. **19.** Калиново соцветие. **20.** «Конституционный суд» в Древних Афинах. **23.** Любитель роскошного стола. **24.** Первая детская сказка Корнея Чуковского. **25.** Священное воплощение бога Хепри у древних египтян. **28.** Собачий статус курцхаара. **29.** Земляной заяц. **32.** Зеленый чай из Японии, который не обжаривают, но пропаривают. **34.** Что заменило колыбель младенцу Иисусу? **35.** Национальный фрукт Ямайки. **37.** «Бородавка» на стволе дерева.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Масси. **9.** Миничак. **10.** Бунин. **11.** Акбаш. **12.** Ведьмак. **13.** Вигна. **14.** Диаспер. **16.** Калинин. **19.** Ушан. **21.** «Женихи». **23.** Амгеч. **24.** Игдибм. **25.** Пауэлл. **26.** Крулл. **27.** Эркер. **29.** Оцеп. **31.** Борхард. **33.** Ртвели. **34.** Кулфи. **35.** Совня. **37.** Конунг. **39.** Батлер. **40.** Галипея. **41.** Смеш. **42.** Ботнет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Уилер. **2.** Бильман. **3.** Захарий. **5.** Ауксин. **6.** Стансы. **7.** Супир. **8.** Тиана. **13.** Ведерай. **14.** Дисморфофобия. **15.** Цуцик. **16.** Кандирование. **17.** Ринэнцефалон. **18.** Фишлупа. **20.** Берлихинген. **22.** Абсейлинг. **28.** Орк. **30.** Крокус. **32.** Дукадо. **36.** Шрот. **38.** Гак.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2025 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 255 рублей 20 копеек	За 1 номер — 289 рублей 30 копеек
За полугодие — 1531 рублей 20 копеек	За полугодие — 1735 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Банк ПСБ» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2025 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Telegram-канал Журнала «Смена»: <https://t.me/smenamagazine>

! ВНИМАНИЕ!

Анонс на №9-2025

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

«Они вдохновляли великих поэтов и живописцев а те, в свою очередь, увековечивали их в своих полотнах и произведениях. Некоторым из этих женщин было мало «вторых ролей», и они сами принимали участие в культуре и общественной жизни как полноправные участницы, продолжая оставаться идеалом и музой, спутницей мужчины, хозяйкой дома и культурного салона, где нередко проходили очень значимые для страны события. Мы расскажем вам о некоторых из них.

Дарья Матвеевко «Красавицы пушкинской эпохи»

«В январе 1917 года в Париже открылась, а через два часа была закрыта полицией первая выставка французского художника Амедео Модильяни. Почему это произошло, что чувствовал, как жил и продолжал творить после случившегося художник, рассказано в материале писателя Александра Абакумова.

Александр Абакумов «Происшествие на улице Тетбу»

«Крупнейший итальянский писатель Умберто Эко говорил, что после фильмов Алексея Германа культовые ленты Тарантино похожи на диснеевские мультки. Во время съемок своего последнего фильма — экранизации знаменитого романа братьев Стругацких «Трудно быть богом», работа над которой заняла у режиссера 14 лет, он сказал в одном из интервью: «Мне интересно воссоздавать ту жизнь. Придуманную. Я старался сочинить мир во всех нюансах и подробностях так, чтобы все поверили — это правда...» Собственно, подобным образом он создавал каждый из шести своих знаковых фильмов, вошедших в золотой фонд отечественного и мирового киноискусства.

Юрий Осипов «Трудные миры Алексея Германа»

«Поэт Арсений Тарковский оказался в центре внимания очень поздно: его первая книга была опубликована в 1962 году, а настоящая слава пришла в 1970-е, когда ему было уже 70 лет. (В этом ему помогли фильмы сына Андрея, включавшего в них стихи своего отца, которые не укладывались ни в какие рамки). После своего семидесятилетия Арсений Тарковский замолчал. Можно сказать, что после этого оборвалась великая эпоха поэтических титанов...

Светлана Марлинская «Поэт в России больше чем поэт»

Детектив Ларисы Королевой «Шоу толстушек»